

963

Искаатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

К историко-революционному очерку Мих. Зуева-Ордынца.

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ :

СТАНИСЛАВ ЛЕМ. Лунная ночь. Пер. с польского Дм. Брускина	3
В. ИВАНОВ-ЛЕОНОВ. Командир осо- бого отряда	54
МИХ. ЗУЕВ-ОРДЫНЕЦ. Бунт на борту	71
Л. ЛАГИН. Полет в никуда	98
Из блокнота «Искателя»	113
НИКОЛАЙ КОРОТЕЕВ. Схватка с обо- ротнем	117
РИЧАРД КОННЕЛЛ. Последний из Плосконогих	139
Фантастика. Приключения. 1963 год	156

№ **1** (13)

1 9 6 3

ТРЕТИЙ
ГОД
ИЗДАНИЯ

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

«Искатель» вступает в третий год своего существования. Прошедшие годы были временем поисков и для самой редакции. Обсуждение вышедших номеров в разных аудиториях, отклики в печати, читательские письма помогли редакционному коллективу оценить удачи и неудачи, точнее определить, что нужно делать для улучшения издания. Как лицо человека меняется несколько от года к году, так изменяется и облик издания, сохраняя в то же время наиболее характерные свои черты.

В таком старом и новом облике предстанет «Искатель» перед читателями в 1963 году. Вы увидите в «Искателе» новые разделы. Под рубрикой «Пути в незнаемое» сможете прочесть документальные повести или научно-художественные очерки о великом поиске, который ведет советская наука, и о ее героях, вечных искателях — наших ученых. Раздел «За рабочим столом писателя» познакомит вас с замыслами советских фантастов и приключенцев, с некоторыми страницами произведений, над которыми работают сейчас писатели. О малом поиске, дающем большие радости, расскажут заметки раздела «Из блокнота «Искателя». Новый раздел библиографии даст справку любителям фантастики и приключений о том, какие книги этих жанров готовят различные издательства, расскажет о новом в области фантастики и приключений.

Редакция благодарит читателей за творческую помощь в работе.

Ждем ваших писем и откликов, друзья.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Рисунки Н. ГРИШИНА

Это случилось на четвертом курсе, перед самыми каникулами. Пиркс прошел все практические упражнения, имел зачетные полеты на имитаторах, два настоящих и даже проделал «самостоятельное кольцо» — полет на Луну с посадкой и обратно. Он чувствовал себя старым космическим волком, для которого дом — это дальние планеты,

а любимое одеяние — поношенный скафандр, покорителем пространства, который первым замечает приближающиеся метеоры и сакраментальным криком: «Внимание! Рой!!!», а также молниеносным маневром спасает от гибели корабль, себя и менее быстрых товарищей. Таким по крайней мере он воображал себя, с сожением отмечая во время бритья, что его внешность совершенно не отражает колоссального количества переживаний, выпавших на его долю. Даже скверный случай с аппаратом Харрельсбергера, что взорвался у него в руках во время посадки в Центральном Заливе, не принес ему ни одного седого волоска. Увы, он остался таким же толстощеким, как и раньше. Он скреб тупым лезвием свою губу, которой втайне стыдился, и выдумывал все более потрясающие ситуации, из коих, естественно, всегда выходил победителем.

Маттерс, отчасти посвященный в его переживания, а отчасти о них догадывающийся, посоветовал ему отпустить усы. И вот как-то, в часы утреннего одиночества, Пиркс подошел к зеркалу, приложил к верхней губе огрызок черного шнура и даже затрясся от злости, настолько идиотски это выглядело. Он начал сомневаться в Маттерсе, хотя тот, возможно, и не думал ничего плохого. И уж наверняка ничего плохого не думала его интересная сестра, сказав однажды Пирксу, будто он выглядит «безумно положительным». Это его добило. Правда, в ресторане, где они танцевали, не произошло ни одной из тех неприятностей, которых он так опасался. Он всего один раз перепутал танец, она по своей деликатности промолчала, и он не сразу понял, что все танцуют совсем другое. Но дальше все шло как по маслу. Он не наступал ей на ноги, старался не смеяться, помня, как на его смех люди оборачивались даже на улице, а когда ресторан закрыли, проводил ее домой.

Они довольно долго шли пешком, и по дороге Пиркс размышлял над тем, как бы доказать ей, что не такой уж он «безумно положительный», — эти слова запали ему в душу. Когда они уже приблизились к цели, его охватила паника. Он так ничего и не придумал и вдобавок из-за напряженной мыслительной деятельности молчал как пень. В голове царил абсолютная пустота, отличающаяся от космической только тем, что была наполнена отчаянным усилием. В последний момент со скоростью метеоров мелькнули два или три варианта: назначить свидание, поцеловать ее или, наконец, — он где-то об этом читал — пожать ей руку так, чтобы это было значительно, утонченно и одновременно двусмысленно и страстно. Но из этого ничего не вышло. Он не поцеловал ее, не назначил свидания и не подал руки... Но если бы кончилось только этим!.. Когда, пожелав ему доброй ночи своим приятно вибрирующим голосом, она повернулась к калитке и взялась за ручку, им овладел дьявол. А может быть, это случилось оттого, что в ее голосе он почувствовал иронию, действительную или воображаемую. И в тот момент, когда она отвернулась, такая уверенная в себе (конечно, благодаря своей красоте она держалась будто какая-то королева — красивые девуш-

ки всегда так!), Пиркс довольно сильно шлепнул ее. Он услышал легкий, сдавленный крик: она, должно быть, здорово удивилась! Но он не стал задерживаться. Круто повернулся и побежал, будто испугавшись погони...

Маттерс, к которому на другой день он боялся подойти, словно тот был бомбой замедленного действия, ничего не знал о происшедшем инциденте.

Проблема такого своеобразного поступка мучила Пиркса. Поступают ли так «безумно положительные» люди?..

Он не был полностью уверен, но опасался, что, пожалуй, да.

После истории с сестрой Маттерса — с тех пор он старательно избегал ее — Пиркс, во всяком случае, перестал по утрам корчить рожи перед зеркалом. До этого он несколько раз пал так низко, что с помощью второго зеркала пытался увидеть свою физиономию в таком ракурсе, чтобы она хоть немного удовлетворяла его чрезвычайно высоким требованиям. Конечно, он не был окончательным идиотом и отдавал себе отчет в смехотворности этих обезьяньих гримас, но, с другой стороны, он ведь искал не следов какой-то там красоты, а только характера! Читая Конрада, он с пылающими щеками грезил о великом галактическом безмолвии, об одиноком мужестве, — а разве можно вообразить героя вечной ночи, отшельника с такой губой? Сомнения остались, но кривляться перед зеркалом Пиркс перестал, продемонстрировав себе, какой твердой, негибаемой волей обладает.

Заботы, которые его так одолевали, несколько побледнели перед приближающимся экзаменом у профессора Меринуса, популярно называемого «мериносом». Этого экзамена, честно говоря, Пиркс почти совсем не боялся. Только три раза приходил он в корпус Астродезии и Навигационной Астрономии, где под дверями аудитория студенты ожидали выходящих от «мериноса». Они собирались здесь не столько для того, чтобы приветствовать успехи экзаменуемых, сколько, чтобы узнать, какие новые ехидные вопросы придумал «зловредный баран». Так тоже называли свирепого экзаменатора. Этот старец, который в жизни не то что не поставил ноги на поверхность Луны, но даже ни разу не переступил порога ракеты, знал силой теоретического всеведения каждый камень всех кратеров Моря Дождей, скальные хребты планетоидов и наиболее недоступные районы лун Юпитера; поговаривали, что он великолепно знает все метеоры и кометы, которые будут открыты только через тысячи лет, поскольку уже сейчас математически предвидит их орбиты благодаря своему любимому занятию — анализу возмущений небесных тел. Гигантизм этих знаний делал его нетерпимым к микроскопическим знаниям студентов. Пиркс, однако, не боялся Меринуса, так как нащупал его слабое место. Старик имел собственную терминологию, которой, кроме него, никто в научных изданиях не пользовался. Пиркс, ведомый природной сообразительностью, заказал в библиотеке все работы Меринуса и... нет, вовсе не для того, чтобы прочесть. Он лишь перелистал

их, выписав для себя около двухсот меринусовых словесных уродов. Вызубрил и жил в убеждении, что сдаст. Расчет Пиркса подтвердился.

Профессор, услышав стиль его ответа, вздрогнул, поднял лохматые брови и заслушался Пирксом, словно соловьем. Тучи, обычно омрачавшие его лицо, разошлись. Он почти помолодел: ему казалось, что он слышит самого себя. А Пиркс, окрыленный этой переменной и собственной наглостью, шпарил дальше на всех парах. И даже когда совершенно провалился на последнем вопросе (здесь требовались конкретные факты — вся меринусовская риторика была бесполезна), профессор вписал ему большую четверку, выражая сожаление, что не может поставить пять.

Так он справился с «мериномом». Взял его за рога. Гораздо большее волнение испытывал он при мысли о «сумасшедшей ванне», — это был следующий и последний этап перед выпускными экзаменами.

От «сумасшедшей ванны» не могли спасти никакие ухищрения. Сначала человек шел к Альберту — тот формально считался всего лишь служителем при кафедре Экспериментальной Астропсихологии, но в действительности был правой рукой доцента и его слово значило гораздо больше, чем мнение любого ассистента. Альберт вел кандидата в маленький зальчик в подвале, где изготавливал парафиновый слепок с его лица. Готовый слепок Альберт подвергал небольшой обработке: в отпечаток носа вставлялись две металлические трубки. И все.

Затем кандидат шел наверх, в «баню». Это, конечно, была никакая не баня (но, как известно, студенты никогда не называют вещи их настоящими именами), а просто довольно большая комната с бассейном, наполненным водой. Кандидат, или, опять-таки в соответствии со студенческим жаргоном, «пациент», раздевался и входил в воду, нагреваемую до тех пор, пока он не переставал чувствовать ее температуру. Это было индивидуально: для одних вода «переставала существовать» при 29, для других — только при 32 градусах. Когда лежащий навзничь в бассейне молодой человек поднимал руку, воду переставали подогревать, и один из ассистентов накладывал ему на лицо парафиновую маску. Затем в воду добавляли какую-то соль (но не цианистый калий, как серьезно уверяли те, кто уже прошел «сумасшедшую ванну»), скорее всего обычную, поваренную. Добавляли столько, чтобы «пациент» (его называли также «утопленником») свободно плавал у самой поверхности, не выныривая. Только металлические трубки торчали над водой, чтобы «пациент» свободно дышал. Вот и весь принцип. Ученое название эксперимента звучало так: «лишение мозга афферентных импульсов». В самом деле, лишенный зрения, слуха, обоняния, осязания — присутствие воды через очень короткий промежуток времени переставало ощущаться, — со скрещенными на груди руками, словно египетская мумия, «утопленник» парил в состоянии невесомости в течение нескольких часов. Как долго? Так долго, как мог выдерживать.

Вроде бы ничего особенного. Однако же с человеком в таком положении начинают происходить странные вещи. Естественно, каждый желающий мог прочитать о переживаниях «утопленников» в пособиях по экспериментальной психологии. Но эти переживания носили очень индивидуальный характер. Треть кандидатов не выдерживала не то что шести или пяти, но даже трех часов. Однако выдержать было необходимо — ведь на каникулярную практику распределяли в соответствии со списком прошедших это испытание. Лучшим доставалась практика «экстра», совершенно непохожая на малоинтересное, даже скучное сидение на различных околосезонных станциях. Заранее невозможно было предсказать, кто окажется «стойким», а кто нет, — «ванна» подвергала нелегкому испытанию цельность, монолитность личности.

Начало Пиркс прошел довольно гладко. Правда, еще до того, как ассистент надел на него маску, он без всякой необходимости сунул лицо под воду, наглотался воды и имел возможность убедиться, что она самая соленая в мире.

Наконец маска была надета, и он сразу услышал легкий шум в ушах. Его окружала полная темнота. Как полагалось, Пиркс расслабил мышцы: вода держала прекрасно. Глаз он не мог открыть, даже если бы захотел, — мешала прилегающая к щекам и лбу маска. Сначала у него зачесался нос, потом правый глаз. Об этом зуде рапорты других «утопленников» ничего не сообщали — очевидно, это его личный вклад в экспериментальную психологию. Пиркс, совершенно неподвижный, лежал в воде, которая ни грела, ни холодила. Через несколько минут он вообще перестал ощущать ее. Конечно, можно пошевелить ногами или хотя бы пальцами и убедиться, что они скользкие и мокрые, но Пиркс знал — над ним в потолке бодрствует око регистрирующего устройства: за каждое движение полагались штрафные очки. Вслушавшись в себя, он очень скоро уже мог различить тоны собственного сердца, необыкновенно слабые и словно приходящие откуда-то издалека. В общем ему было неплохо. Зуд прекратился. Нигде не жало. Альберт так ловко расположил трубки в маске, что даже их он не чувствовал. Вообще ничего не чувствовал. Эта пустота начинала беспокоить. Сначала исчезло ощущение положения тела, рук, ног. Он еще помнил, как лежит, потому что знал об этом, но ничего не чувствовал. Пиркс начал соображать, как долго лежит под водой с белым парафином на лице, и с удивлением убедился, что он, который умел обычно определять время без часов очень точно, не имеет ни малейшего представления о том, сколько минут, а может уже десятков минут, прошло с того момента, как он нырнул в «сумасшедшую ванну».

Пирксу показалось, что у него нет ни тела, ни лица, вообще ничего. Так, будто он перестал существовать. Это чувство нельзя было назвать приятным. Скорее, оно поражало. Он словно понемногу растворялся в воде, которой тоже не ощущал. И даже сердце перестал слышать. Он напрягал слух как мог — ничего. Зато тишина, наполнявшая его,

превратилась в неприятное глухое бормотание, в сплошной белый шум. Ему страшно захотелось заткнуть уши. Потом он подумал, что прошло уже порядочно времени и пара штрафных очков ему не очень повредит, и решил пошевелить руками.

Но шевелить было нечем: рук не было. Он даже не испугался — это его просто ошеломило. Правда, что-то там писали об «утрачивании ощущения тела», но кто верил, что оно может быть таким полным.

«Наверное, нужно, чтоб было так», — успокоил себя Пиркс. Незачем двигаться, если хочешь иметь хорошую оценку. Он должен вынести все. Эта мысль поддерживала его некоторое время. Как долго? Этого он не знал.

Потом стало хуже.

Сначала темнота, в которой он находился или, скорее, которой был сам, зароилась слабыми блестящими, мелькающими на самом краю поля зрения, неясными, почти несветящимися точками. Он пошевелил глазами яблоками, почувствовал это движение, и оно его обрадовало. Но странное дело: после нескольких движений и глаза вышли из повиновения.

Зрительные и слуховые феномены — эти мерцания, мелькания, шум и гул — были невинным вступлением, игрушками по сравнению с тем, что с ним стало происходить потом.

Он распадался. Уже не телом, о теле не стоило и говорить, оно перестало существовать тысячу лет назад, стало чем-то окончательно утраченным. Может, его никогда и не было.

Иногда бывает, что онемевшая, с нарушившимся кровообращением рука как бы отмирает. Трогаешь ее, как кусок дерева. Почти каждому знакомо это странное ощущение, неприятное, но, к счастью, быстро проходящее. Но при этом человек в целом остается нормальным, чувствующим, живым — только несколько пальцев или ладонь охвачены мертвым бессилием, они становятся словно посторонними предметами, прикрепленными к телу. У Пиркса же не осталось ничего, вернее почти ничего, кроме страха.

Он распадался не на какие-нибудь личности, а именно на страхи. Чего он боялся? Понятия не имел. Он не был ни трезвый, ни пьяный, не переживал ни яви — какая уж может быть явь без тела, — ни сна. Он ведь не спал — знал, где находится и что с ним происходит. Это было другое. И называлось дезорганизацией деятельности коры головного мозга, вызванной лишением мозга внешних импульсов.

Что ж, звучало неплохо. Эксперимент, ничего не скажешь...

Он был немножко здесь, немножко там, и все расплозалось. Направление. Верх, низ, стороны — ничего не было. Он пытался вспомнить, где потолок. Но как можно говорить о потолке, если нет ни тела, ни глаз.

— Сейчас, — сказал он себе, — приведем все в порядок. Пространство — измерения — три направления...

Эти слова не имели никакого значения. Он подумал

о времени, несколько раз повторил: «Время, время, время», — словно жевал кусок бумаги. Совершенно бессмысленные сочетания. Уже не он это повторял, говорил несуществующий некто, чужак, который влез в него. Нет, это он в кого-то влез. И этот кто-то рос. Распухал. Уничтожал всякие границы. Двигался в каких-то загадочных недрах, объявился вдруг огромным, как воздушный шар, невозможным слоноподобным пальцем, весь стал пальцем. Не своим, не настоящим, а каким-то выдуманным, взятым неизвестно откуда. Палец становился самостоятельным, начинал угнетать. А он, его мышление возносило то с одной, то с другой стороны этой неправдоподобной глыбы, теплой, отвратительной, никакой — она исчезла. Он вращался. Кружился. Падал, как камень. Хотел крикнуть. Образы без лиц, округлые, таращащиеся, расплывающиеся, когда он пытался придать им лица, лезли на него, толкались, раздували его, он был как тонкостенный резервуар, который вот-вот лопнет. И он взорвался.

Он разлетелся на несколько независимых друг от друга кусков темноты — они закружились, словно клочья обуглившейся бумаги. И в этих колебаниях было непонятное напряжение, усилие, какое бывает в агонии, когда сквозь пространство мглы и пустоты, которое было когда-то живым телом, а теперь стало бесчувственной остывающей пустыней, что-то пытается в последний раз подать голос, дотянуться до другого человека, увидеть его, коснуться.

— Сейчас, — сказала что-то удивительно трезво, но это был не он. Может быть, какой-нибудь добрый человек сжался и заговорил с ним. С кем?.. Где?.. Но ведь он слышал, хотя нет, это был не настоящий голос.

— Сейчас. Другие это уже прошли. От этого не умирают. Нужно выдержать.

Слова сомкнулись в кольцо. Они потеряли смысл. Снова все расплзлось, как обыкновенная мокрая промокашка. Как снежная куча на солнце. Его смывало, он исчезал куда-то, абсолютно неподвижный. «Сейчас меня не будет», — подумал он совершенно серьезно, потому что это было как смерть, а не как сон. Его окружило со всех сторон. Нет, не его. Их. Их было несколько. Много? Он не мог сосчитать.

— Что я здесь делаю? — сказала в нем что-то. — Где я? В океане? На Луне? Эксперимент...

Он не верил, что возможен такой эксперимент: немного парафина, какая-то соленая вода — и человек перестает существовать. Он решил с этим покончить любой ценой. Боролся, сам не зная с чем, как будто поднимал огромный, придавивший его камень. Но не мог даже вздрогнуть. С последним проблеском сознания собрал остатки сил и застыл. Он услышал этот стон, сдавленный, отдаленный, как радиосигнал с далекой планеты.

На какое-то мгновение Пиркс почти очнулся и сосредоточился для того, чтобы впасть в следующую, еще более мрачную, смывающую все агонию.

Он не чувствовал никакой боли. Эх, если бы была боль!

Она сидела бы в его теле, давала бы о нем знать, определила бы какие-то границы, трепала бы нервы. Но это была безболезненная агония: мертвый нарастающий прилив небытия. Он почувствовал, как в него входит спазматически вдыхаемый воздух, как будто не в легкие, а в это пространство дрожащих, судорожных обрывков мыслей. Застонать, еще раз застонать, услышать себя!..

— Тому, кто хочет стонать, незачем думать о звездах, — раздался тот же неизвестный, близкий, но чужой голос.

Он удержался и не застонал. Впрочем, его уже не было. Он не знал, кем был, — в него просачивались холодные вязкие струи, — и самое плохое то (почему ни один болван об этом не говорил?), что все проходило сквозь него. Он стал прозрачным. Дырой, ситом, галереей извилистых пещер.

Исчезло и это — только страх оставался даже тогда, когда сгнула словно вздрогнувшая в мелькающих точках темнота. Потом стало хуже, гораздо хуже. Однако Пиркс уже не мог рассказать, не мог даже отчетливо, точно вспомнить, что чувствовал: для таких ощущений еще не найдены слова. Тут уж он ничего не мог выдать из себя. Да, «утопленники» разбогатели еще на один сумасшедший опыт, которого никто из обыкновенных смертных не мог бы даже представить. Другое дело, что завидовать здесь нечему.

Пиркс испытал много различных состояний, некоторое время его не было, потом он снова был, потом что-то выело ему мозг, потом произошло много сложных безмолвных ужасов — их спаял страх, который пережил и тело, и время, и пространство. Все! Этого он наелся досыта.

Доктор Грот сказал:

— Первый раз вы застонали на сто тридцать восьмой минуте, а второй — на двести двадцать седьмой. Всего три штрафных очка — и никаких судорог! Положите, пожалуйста, ногу на ногу. Я исследую рефлексы... Как вам удалось продержаться так долго? Ну, об этом потом.

Пиркс сидел на сложенном вчетверо полотенце, чертовски шершавом и от этого очень приятном. Он был совсем как Лазарь, воскресший из мертвых. Выдержал семь часов. Получил высшую оценку. В течение последних трех часов умирал несколько тысяч раз. Но не сдался. Когда его вытянули из ванны, вытерли, сделали массаж, укол, дали глоток коньяку и повели в лабораторию, где ждал доктор Грот, Пиркс по дороге заглянул в зеркало. До этого он все трогал грудь, ноги, руки, словно хотел убедиться, на месте ли. Сознание его было затуманено, как будто он встал с постели после многомесячной горячки. Он знал, что страшное уже позади. Но не удержался, заглянул в зеркало. Не потому, что ожидал увидеть седину, но все-таки...

Увидел свою толстую губу и, отвернувшись, зашагал дальше, оставляя на паркете мокрые следы.

Доктор Грот долго старался вытянуть из него описания пережитых состояний. Семь часов — это не пустяк! Теперь доктор Грот смотрел на Пиркса иначе, чем раньше, не то

что с симпатией, скорее с любопытством, как энтомолог, который открыл новый вид ночной бабочки или совершенно необычного червяка. Может, он видел в нем тему для научной работы?

Увы, приходится признаться, что Пиркс оказался не слишком благодарным объектом для исследования. Он сидел и глуповато моргал глазами: все ему казалось плоским, двумерным. Когда он протягивал за чем-нибудь руку, предмет оказывался ближе или дальше, чем он предполагал. Это было нормальным явлением. Но ненормальным был его ответ на вопрос доктора, который пытался выяснить какие-то дополнительные подробности.

— Вы там лежали? — ответил Пиркс вопросом на вопрос.

— Нет. А что? — удивился доктор Грот.

— Так положите, — предложил ему Пиркс. — Сами увидите, что происходит.

На другой день Пиркс чувствовал себя уже хорошо и даже мог шутить, вспоминая «сумасшедшую ванну». С тех пор он стал регулярно ходить в главный корпус, где на доске объявлений под стеклом вывешивали списки распределенных на практику. Но своей фамилии найти не мог. Потом было воскресенье, а в понедельник его вызвал к себе Шеф.

Пиркс забеспокоился не сразу. Сначала он подсчитал свои грехи. Мышь, которую посадили в ракету Остенса, — нет, это было давно. Кроме того, мышь была маленькая, и вообще здесь не о чем говорить. Потом история с будильником, который сам включал ток в сетку кровати Мебиуса. Но это, конечно, тоже ерунда. В двадцать два года проделывают и не такое, а Шеф — человек снисходительный. До определенных границ.

Неужели он узнал о привидении? Привидение было собственной оригинальной идеей Пиркса. Коллеги ему, естественно, помогли: в конце концов есть же у него приятели. А Барна следовало проучить. Операция «привидение» разыгрывалась, как по нотам. Пороховая дорожка начиналась в коридоре, сквозь щель под дверью проникала в комнату, трижды обходила вокруг нее и заканчивалась под столом. Возможно, правда, пороха насыпали слишком много. Барн был уже «обработан»: целую неделю по вечерам ни о чем ином не говорили, только о привидениях. Пиркс, будучи человеком опытным, разделил роли: часть парней рассказывала страшные истории, а другая разыгрывала скептиков, чтобы Барн не разобрался в подвохе. Барн не принимал участия в этих метафизических беседах, только иногда посмеивался над наиболее пылкими приверженцами «того света». Да, но нужно было его видеть, когда в двенадцать ночи он вылетел из своей спальни, ревя, как буйвол, за которым гонится тигр. Огонь проник сквозь щель под дверью, трижды обежал комнату, и, наконец, под столом раздался такой сильный взрыв, что разлетелись книги. Все же Пиркс перестарался — начался небольшой пожар. Пара ведер воды ликвидировала огонь, но остались выжжен-

ная дыра и запах гари. Таким образом, операция не достигла желанной цели: Барн в привидения, увы, не поверил. Похоже на то, что речь пойдет об этой проделке.

Утром Пиркс встал пораньше, надел чистую рубашку, на всякий случай заглянул в книгу полетов, в Теорию навигации и пошел, отбросив все сомнения.

Кабинет Шефа был великолепен. По крайней мере так казалось Пирксу. Карты неба сплошь закрывали стены. Созвездия, желтые, как капли меда, сверкали на темно-синем фоне. Маленький слепой лунный глобус на письменном столе, полно книг, документов, второй огромный глобус у окна. Не глобус, а настоящее чудо. Если нажать нужную кнопку, вокруг него начинали двигаться светящиеся спутники.

Кажется, среди них можно увидеть даже первый, запущенный в пятьдесят седьмом, не говоря уж о существующих.

Однако в этот день Пирксу было не до глобуса. Когда он вошел, Шеф писал. Он попросил Пиркса присесть и подождать. Потом Шеф снял очки — он носил их всего год — и начал рассматривать Пиркса так, словно видел впервые. Это был его любимый прием. Даже святой, у которого на совести нет никаких грехов, под этим взглядом терял уверенность. Пиркс не был святым. Он не мог спокойно сидеть в кресле. То откидывался назад, принимая неприлично свободную позу, словно миллионер на палубе собственной яхты, то съезжал в направлении ковра и собственных пяток.

Шеф выдержал паузу и сказал:

— Ну, как дела, мальчик?

«Говорит «ты», значит не так уж плохо», — решил Пиркс и ответил, что все в порядке.

— Ты, кажется, купался?

Пиркс поддакнул. Это еще что? Подозрительность не покидала его. Может, за невежливый ответ доктору...

— Есть одно свободное место на практику, в Менделееве. Знаешь, где это?

— Астрофизическая станция на той стороне... — ответил Пиркс.

Он был слегка разочарован. У него теплилась слабая надежда. Такая слабая, что, боясь помешать ее превращению в реальность, он даже самому себе не признавался в ней — он рассчитывал на другое. На полет. Столько ракет, столько планет, а ему придется выполнять обычное стационарное задание на «той стороне»... Когда-то это считалось особым шиком — называть обратное, невидимое с Земли полушарие Луны «та сторона». А теперь так говорили все.

— Правильно. Ты знаешь, как она выглядит? — спросил Шеф.

У него было странное выражение лица. Как будто он что-то прятал за пазухой.

Секунду Пиркс колебался — соврать?

— Нет.

— Если примешь задание, дам тебе всю документацию. — Шеф положил руку на кипу бумаг.

— Так я могу отказаться? — не скрывая радости, спросил Пиркс.

— Да. Потому что задание опасно, то есть может оказаться опасным...

Шеф хотел сказать еще что-то, но специально остановился, чтобы получше присмотреться к Пирксу. Тот впился в него расширенными глазами, медленно, торжественно набрал воздух — да так и застыл, как бы забыв о необходимости дышать дальше. Вспыхнув, как девица, которой объяснился королевич, он ждал новых упоительных слов. Шеф хрюкнул.

— Ну, чу, — сказал он отрезвляюще. — Я немного преувеличил. Во всяком случае, ты ошибаешься.

— Простите, в чем? — пробормотал Пиркс.

— Уверяю тебя, что ты не являешься тем единственным человеком на Земле, от которого зависит все... Человечество не ждет от тебя спасения. Пока еще нет.

Пиркс, красный, как свекла, мучился, не зная, что делать с руками. Шеф — эти его штучки были известны — только что показал ему райское видение — Пиркса-героя, возвращающегося после совершения подвига сквозь замершую на космодроме толпу, шепчущую в восторге: «Это он! Это он!!!» — а теперь, как бы абсолютно не сознавая, что делает, принялся преуменьшать задание, сводить миссию к обычной каникулярной практике. Наконец он объяснил:

— Сотрудники Станции набираются из астрономов, которых направляют на ту сторону, чтобы они отсидели свой месяц, и все. Нормальная работа там не требует никаких особенных качеств. Поэтому кандидаты подвергались обычным тестам первой и второй группы. Сейчас, после этого случая, нужны люди, проверенные более тщательно. Больше всего подошли бы, разумеется, пилоты, но ты сам понимаешь, их невозможно засадить на обычную наблюдательную станцию...

Пиркс это знал. Не только Луна, вся солнечная система требовала пилотов, астрогаторов, навигаторов — их все еще было мало. Но что это за случай, о котором упомянул Шеф? Пиркс предусмотрительно смолчал.

— Станция очень невелика. Построили ее глупо, под северной вершиной, а не на дне кратера. С выбором места произошла целая история, тут решали не данные селенодизических исследований, а престиж — с этим ты позднее сможешь познакомиться сам. Достаточно сказать, что в прошлом году часть хребта рухнула и уничтожила единственную дорогу. Сейчас добираться туда довольно трудно, и вообще это возможно только днем. Проектировалась подвесная дорога, но работы прерваны, так как уже есть решение о перенесении Станции вниз, оно принято в прошлом году. Практически в течение ночи Станция отрезана от мира. Радиосвязь прекращается... почему?

— Про... простите.

— Я спрашиваю, почему прекращается радиосвязь?

В этом был весь Шеф. Сначала преподносится миссия, потом начинается невинный разговор, который внезапно превращается в экзамен! Пиркс начал потеть.

— Поскольку на Луне нет атмосферы и, значит, ионосферы, радиосвязь на ней поддерживается на ультракоротких волнах... Для этого сооружена система релейных станций, наподобие телевизионных...

Шеф, опершись локтями о стол, поигрывал авторучкой, давая понять, что он очень терпелив и будет слушать до конца. Пиркс же старался как можно дольше распространяться о вещах, известных каждому ребенку, потому что приближался, увы, к областям, в которых его знания оставляли желать лучшего.

— Такие трансляционные линии находятся как на этой, так и на той стороне, — разошелся Пиркс, следуя по знакомой дороге. — На этой стороне их восемь. Они соединяют Луну Главную со станциями Центральный Залив, Сонное Болото, Море Дождей...

— Это можно пропустить, — прервал его Шеф великодушно. — И гипотезы о происхождении Луны тоже. Итак...

Пиркс заморгал глазами.

— Нарушение связи происходит, когда какое-то звено ретрансляционных станций оказывается в зоне терминатора. То есть если часть установок еще находится в тени, а над другими восходит солнце...

— Я знаю, что такое терминатор. Не нужно объяснять, — сердечно сказал Шеф.

Пиркс закашлялся и начал сморкаться. Однако он не мог заниматься этим бесконечно долго.

— В связи с отсутствием атмосферы корпускулярное излучение Солнца, бомбардируя лунную поверхность, вызывает... э... вызывает... э... нарушения распространения радиоволн. Эти нарушения и нарушают... — он окончательно завяз.

— Нарушения нарушают, совершенно верно, — поддержал Шеф. — Но на чем это основано?

— Это вторичное наведенное излучение, эффект. Но... Но...

— Но?... — сочувственно повторил Шеф.

— Новинского!!! — выпалил Пиркс.

Он вспомнил. Но и этого Шефу было мало.

— А на чем основан этот эффект?

Этого Пиркс не знал. То есть когда-то знал, но забыл. Он донес вызубренные знания до порога экзаменационной аудитории, как жонглер пирамиду самых неправдоподобных предметов, нагроможденных на голову, но экзамен давно позади...

И вот теперь вызванный его отчаянием бред об электронах, вторичном излучении и резонансе был прерван Шефом, который, покачивая головой, выражал свое соболезнование.

— А профессор Меринус поставил тебе четверку, — произнес этот беспощадный человек. — Неужели он ошибся?..

Кресло под Пирксом вдруг показалось ему чем-то вроде кратера вулкана.

— Мне не хотелось бы его огорчать, пусть уж лучше ничего не знает. — Пиркс облегченно вздохнул. — Но я попрошу профессора Лааба, чтобы на выпускном экзамене...

Шеф многозначительно замолчал. Пиркс замер. И, конечно же, не из-за этих слов — рука Шефа медленно отодвигала бумаги, которые Пиркс должен был получить вместе со своей Миссией.

— Почему не используется кабельная связь? — спросил Шеф, не глядя на него.

— Из-за высокой стоимости. Коаксиальный кабель сейчас соединяет только Луну Главную с Архимедом. Но в ближайшие пять лет планируется создание целой кабельной сети, — выпалил Пиркс.

Все еще нахмуренный Шеф вернулся к теме их беседы.

— Ну, хорошо. Практически Менделеев каждую ночь отрезан от мира в течение двухсот часов. До сих пор работа там шла нормально. В прошлом месяце после обычного перерыва в радиосвязи Станция не ответила на вызов Циолковского. Группа с Циолковского, вылетевшая как только наступил день, нашла главный вход открытым, а в камере — человека. Это было дежурство канадцев Шалье и Саважа. В камере лежал Саваж. Стекло его шлема треснуло. Он задохнулся. Шалье отыскивали только через сутки на дне пропасти у Солнечных Ворот. Он разбился при падении. На Станции все оставалось в полном порядке: аппаратура работала, запасы были нетронуты, никакой аварии обнаружить не удалось. Ты читал об этом?

— Да, — сказал Пиркс. — Но в газетах писали, что произошел несчастный случай. Психоз... Двойное самоубийство в припадке помешательства...

— Чушь, — прервал его Шеф. — Я знал Саважа. По Альпам. Он не мог измениться. Ну, ладно. В газетах был бред. Прочитай рапорт смешанной комиссии. Слушай. Такие ребята, как ты, в принципе исследованы так же серьезно, как пилоты, но у вас нет дипломов, значит вы не можете летать. Ну, а каникулярную практику тебе все равно нужно пройти. Если ты согласишься, вылетать завтра.

— А кто второй?

— Не знаю. Какой-то астрофизик. В конце концов там нужны именно астрофизики. Боюсь, что радости ты ему принесешь немного, но, может, хоть подучишься чуть-чуть астрографии. Ты понимаешь, о чем идет речь? Комиссия пришла к выводу, что это был несчастный случай, но осталось одно темное место, скажем — некоторая неясность. Там произошло непонятное. Что именно, неизвестно. Поэтому решено во время следующего дежурства поставить туда хоть одного человека с психической квалификацией пилота. Я не видел повода для отказа. С другой стороны, ничего необычного там, наверное, не произойдет. Естественно, нужно быть настороже, но тебе никто не поручает никакой детективной миссии, никто не рассчитывает на то, что ты от-

кроешь дополнительные обстоятельства, объясняющие тот случай, и не в этом твое задание. Тебе нехорошо?

— Простите! Нет, — ответил Пиркс.

— Мне показалось. Сумеешь ли ты сохранить благоразумие? Увы, это уже бросилось тебе в голову. Я не уверен...

— Я буду вести себя разумно, — изрек Пиркс самым решительным тоном, на какой только оказался способным.

— Сомневаюсь, — произнес Шеф. — Я посылаю тебя без особого энтузиазма. Если бы не твоя высокая оценка...

— Так это из-за ванны, — лишь теперь догадался Пиркс.

Шеф сделал вид, будто не слышит.

— Старт завтра, в восемь. Вещей бери как можно меньше. Впрочем, ты там уже был, так что знаешь. Вот билет на самолет, вот бронь Трансгалактики. Полетишь на Луну Главную, оттуда тебя переправят дальше...

Он говорил что-то еще. Чего-то ему желал. Прощался с ним. Пиркс ничего больше не слышал. Не мог слышать, потому что был уже очень далеко, на той стороне. В ушах у него звучал грохот старта, глаза видели белое мертвое пламя лунных скал. Сделав поворот кругом, он налетел на большой глобус. Лестницу одолел в четыре скачка, словно и вправду был на Луне, где притяжение в шесть раз меньше. Выйдя на улицу, чуть не попал под машину, которая затормозила с таким визгом, что начали останавливаться люди. Но он даже не заметил этого. К счастью, Шеф не видел этих первых проявлений его благоразумия, так как вернулся к бумагам.

* * *

В течение следующих двадцати четырех часов с Пирксом, вокруг Пиркса, в связи с Пирксом случилось столько, что иногда он почти тосковал по теплой соленой ванне. Человеку одинаково мешает как недостаток, так и избыток впечатлений. Но Пиркс не формулировал подобных выводов. Все старания Шефа преуменьшить значение Задания и даже вовсе свести его на нет, что тут скрывать, пошли прахом.

Пиркс вошел в самолет с таким выражением лица, что симпатичная стюардесса инстинктивно отступила в сторону — и напрасно, ибо он вообще не заметил ее. Он шел словно во главе железной когорты и уселся в кресло, как Вильгельм Завоеватель. Он чувствовал себя Космическим Избавителем Человечества, Благодетелем Луны, Открывателем Страшных Тайн, Укротителем Призраков Той Стороны. Правда, его назовут так только в будущем, Впрочем, это ни в коей мере не ухудшало настроения Пиркса, скорее, наоборот, наполняло благосклонностью и снисходительностью к его попутчикам, которые не имели ни малейшего понятия о том, кто находится вместе с ними в утробе огромного реактивного самолета. Он смотрел на них, как Эйнштейн на закате жизни наблюдал за играющим в песке младенцем.

«Селена», новый корабль Трансгалактики, стартовала с Нубийского космодрома. Из сердца Африки. Пиркс был счастлив. Он пока не думал, что где-нибудь здесь в будущем

установят табличку с соответствующей надписью, — нет, так далеко он еще не забрался в своих мечтах. Но чтобы додуматься до этого, не хватало самой малости. Правда, в чашу блаженства постепенно начала просачиваться горечь. В самолете о нем могли не знать. Но на борту ракеты?! Оказалось, ему придется сидеть внизу, в туристском классе, среди скопища обвешанных фотоаппаратами французов, перекликающихся с сумасшедшей скоростью. Он в толпе галдящих туристов?!

Им никто не занимался. Никто не одевал его в скафандр, не накачивал туда воздух, не прикреплял к плечам баллоны, не спрашивал о самочувствии. Временно он утешился тем, что это делается для сохранения тайны.

Внутри туристский класс выглядел почти так же, как кабина самолета, только кресла были больше и глубже, а табличка, на которой загорались различные информационные сообщения, находилась прямо перед глазами. Надписи преимущественно запрещали. Возбранилось вставать, двигаться, курить.

Напрасно Пиркс принимал профессиональную позу, закладывая ногу на ногу, пренебрежительно не замечал пояса безопасности, пытаясь как-то выделиться из толпы профанов астронавтики. Уже не очаровательная стюардесса, а второй пилот приказал ему пристегнуться, и это был единственный случай, когда представитель команды обратил на него внимание. Один из французов, скорее по ошибке, угодил его фруктовой конфеткой. Пиркс взял ее, намертво заклеил себе липкой сладкой массой зубы, смирившись, забился в глубь надувного кресла и предался размышлениям. Постепенно он еще раз утвердился в убеждении, что его Миссия ужасно опасна. Он смаковал надвигающуюся угрозу не спеша, как гурман, которому в руки попала покрытая мхом бутылка вина времен наполеоновских войн.

Пиркс сидел у окна. И, разумеется, решил, совершенно игнорировать это обстоятельство — столько раз он видел все происходящее, однако не выдержал. Когда «Селена» вышла на околоземную орбиту — с нее она должна была рвануться к Луне, — он прилип к стеклу. Перечерченная линиями дорог, каналов, усеянная точками городов и поселков Земля отступала все дальше и дальше. Под кораблем лежала пятнистая, залепленная лохмотьями туч выпуклость планеты, и взгляд, перебегая с залитых черным океанов на континенты, уже напрасно пытался найти что-нибудь созданное человеком. С расстояния в несколько сотен километров Земля выглядела пустой, поражающе пустой, словно жизнь на ней только начала зарождаться, обозначив слабым налетом зелени наиболее теплые области.

Он в самом деле видел это уже много раз. Но перемена всегда снова поражала его — в ней было что-то, с чем он не мог свыкнуться. Может быть, первое наглядное доказательство микроскопичности человека рядом с пространством? Выход в сферу иной шкалы размеров — планетарных? Картина ничтожности тысячелетних усилий людей? Или, наоборот, триумф человечества, которое, победив мертвую, равно-

душную ко всему силу притяжения этой ужасающей глыбы и оставив позади дикость горных массивов и пространства полярных льдов, вступило на поверхность других небесных тел?

Эти размышления или, вернее, лишённые слов ощущения уступили место другим, так как планетолет изменил курс, чтобы сквозь «дверь» между поясами радиации, отворяющуюся над Северным полюсом, вырваться к звездам. Но звезды долго рассматривать не пришлось — зажегся свет. Заработали двигатели, чтобы создать искусственную тяжесть, — подали обед. Затем пассажиры снова улеглись в кресла, свет погас. Теперь можно было смотреть на Луну.

Корабль приближался к ней с южной стороны. В нескольких сотнях километров от полюса сверкал отражённым светом Тихо — белое пятно с расходящимися во все стороны лучами. Их удивительная регулярность поражала несколько поколений земных астрономов, чтобы, наконец, когда и эта загадка была разгадана, стать предметом студенческих острот. Скольким первокурсникам объясняли, что белый кружок Тихо — «дырка лунной оси», а расходящиеся лучами полюсы — просто крупно нарисованные меридианы.

Чем ближе подошла «Селена» к подвешенному в черной пустоте шару, тем яснее проступала правда: это застывший образ мира, каким он был миллиарды лет назад, когда горячая Земля странствовала со своим спутником сквозь огромные метеоритные тучи, остатки планетогенеза, а железный и каменный град непрерывно дробил тонкую скорлупу Луны, пробивал ее, выбрасывая на поверхность волны магмы. Через бесконечно большое время пространство очистилось. Шар, лишённый атмосферы, так и остался полем боя эпохи горообразовательных катастроф. А его обезображенная каменная маска стала источником вдохновения поэтов и светильником влюбленных.

«Селена», несущая на двух своих палубах четыреста тонн — людей и груз, — повернувшись кормой к растущему диску, начала медленно, равномерно тормозить, пока, легонько вибрируя, не опустилась на одну из гигантских вогнутых эстакад космодрома.

Пиркс был здесь уже три раза, из них два сам, то есть «собственноручно садился» посреди учебного поля, удаленного от пассажирского на полкилометра.

Сейчас он даже не увидел его, так как огромный, обшитый керамическими плитами корпус «Селены» быстро съехал с площадки гидравлического подъемника под поверхность, в герметический ангар, где производился таможенный контроль: наркотики? взрывчатые вещества? отравляющие? У Пиркса оказалось немного «отравляющего вещества», а именно плоская фляжка с коньяком, которую пожертвовал ему Маттерс. Он спрятал ее в задний карман брюк. Потом был санитарный контроль — проверка прививок, стерилизация багажа, для того чтобы на Луну не проникла какая-нибудь инфекция, — это он прошел быстро.

За барьером Пиркс задержался, не зная, встречает ли его кто-нибудь. Он стоял на галерее.

Ангар был просто огромной, выбитой в скале и отделанной бетоном пещерой с полукруглым потолком и плоским дном. Света было достаточно. Множество людей бегало в разные стороны. На аккумуляторных тележках развозили багаж, баллоны с газами, контейнеры, коробки, трубы, катушки кабеля, а в глубине неподвижно темнела причина этой лихорадочной суетни — корпус «Селены», точнее — его средняя часть, похожая на грандиозный газгольдер. Корма же покоилась в большом колодце, а вершина тучного тела выходила сквозь круглое отверстие в верхний ярус...

Пиркс стоял так, пока не вспомнил, что у него есть и свои дела. В управлении космопорта его принял какой-то служащий, выдал записку на ночлег и сказал, что ракета на ту сторону летит через одиннадцать часов. Он куда-то спешил и больше ничего не стал объяснять. Пиркс вышел в коридор с убеждением, что тут царит полнейший беспорядок. Он даже не знал хорошенько, как полетит: через море Смита или прямо в Циолковский. И где, собственно, этот неизвестный ему лунный товарищ? И еще какая-то комиссия? А программа работы?.. Так он раздумывал, пока его раздражение не превратилось в более материальное ощущение, сосредоточенное в желудке. Он почувствовал голод. Пиркс выбрал нужный лифт, предварительно изучив все написанное на шестизычной табличке, съехал в столовую для пилотов и там узнал, что должен есть в обычном ресторане, так как он никакой не пилот.

Это было пределом. Он уже хотел ехать в этот проклятый ресторан, но вспомнил о своем рюкзаке. Снова наверх, в ангар. Багаж был уже в гостинице. Пиркс махнул на всё рукой и отправился обедать. Он угодил в две волны туристов: французы, с которыми он прилетел, смешались со швейцарцами, голландцами и немцами, только что вернувшимися с экскурсии на селенобусе к подножию кратера Эратосфена. Французы подпрыгивали, как это обычно делают люди, впервые столкнувшиеся с чарами лунного притяжения, под смех и визг женщин летали к потолку и наслаждались медленным падением с трехметровой высоты. Немцы, более солидные, обвешали спинки кресел фотоаппаратами, биноклями, только что не телескопами и уже за супом показывали друг другу обломки лунных скал. Пиркс сидел над тарелкой, утопая в немецко-французско-греческо-голландской и бог знает еще какой суматохе. Среди всеобщего восторга и энтузиазма он был, пожалуй, единственным унылым участником обеда. Какой-то голландец пытался его развлечь, выразив мнение, что Пиркс страдает болезнью пространства после полета на ракете («Первый раз на Луне, а?»), и предложил ему таблетки. Эта капля переполнила чашу. Пиркс не доел второго, купил в буфете чепыре пачки печенья и поехал в гостиницу. Вся его злость излилась на портье, который предложил ему кусочек Луны, а если говорить точнее, обломок остекленного базальта.

— Отцепись ты, торговец! Я был здесь раньше тебя, — заорал Пиркс и, трясая от ярости, ушел, оставив портье совершенно изумленным этой вспышкой.

В двухместном номере сидел небольшой человек в вылинявшей штормовке, немного рыжий, немного седой, с падающей на глаза прядкой волос, с лицом, обожженным солнцем. При появлении Пиркса человек надел очки. Его звали Ланье, доктор Ланье; он астрофизик и должен лететь с Пирксом в Менделеев. Это и был тот самый неизвестный лунный товарищ. Пиркс, приготовившийся уже к самому плохому, сообщил свое имя, буркнул что-то под нос и сел. Сорокалетний Ланье казался Пирксу хорошо сохранившимся старичком. Он не курил, скорее всего не пил и, похоже, не говорил. Он читал три книги одновременно. Одна из них была таблицей логарифмов, другая содержала одни только формулы, а третья — спектрограммы. В кармане у Ланье лежал маленький арифмограф, которым он с огромной любовью пользовался при различных вычислениях. Время от времени, не поднимая глаз от своих формул, он задавал Пирксу какой-нибудь вопрос. Пиркс отвечал, не переставая жевать печенье.

В комнате находились две койки, расположенные одна над другой, душ, в который не влез бы даже человек средней упитанности, и масса табличек, которые умоляли на всевозможных языках экономить воду и электроэнергию. Хорошо еще, что не запрещалось глубоко дышать. В конце концов кислород тоже был привозной.

Пиркс запил печенье водой из-под крана и убедился, что она очень холодная, аж заходятся зубы. Очевидно, резервуары находились близко к верхней базальтовой оболочке.

Потом он заметил одну странность. Его часы показывали без нескольких минут одиннадцать, электрические часы, висевшие в комнате, — семь вечера, если же верить часам Ланье, то десять минут назад наступила полночь.

Оба поставили свои часы по лунному времени, впрочем очень ненадолго. В Менделееве, как и везде на той стороне, было другое, собственное время.

До старта ракеты осталось девять часов. Ланье, ничего не сказав, вышел. Пиркс уселся в кресло, потом перешел под лампочку, попытался читать какие-то старые, растрепанные журналы, лежавшие на столике, и, наконец, не в состоянии больше сидеть на месте, тоже вышел из номера. Коридор за поворотом переходил в небольшой холл. Там, напротив вмонтированного в стену телевизора, стояло несколько кресел. Шла программа из Австралии для Луны Главной — какие-то легкоатлетические соревнования. Это его совершенно не интересовало, но он сел и смотрел до тех пор, пока не захотел спать. Вставая, он взлетел на полметра вверх, забыв о слабом притяжении. Когда же, наконец, можно будет снять эти штатские брюки? Кто даст ему скафандр? Где хоть какие-нибудь инструкции? И что все это значит?

Может, он и пошел бы куда-нибудь выяснить все это, даже устроил бы скандал, но его товарищ, этот непробиваемый доктор Ланье, очевидно, считал ситуацию совершенно нормальной, следовательно, нужно держать язык за зубами.

Пиркс вернулся в комнату и принял душ. Сквозь тонкую стенку он слышал голоса из соседнего номера. Очевидно, знакомые по ресторану туристы, которых Луна привела в состоянии блаженной эйфории. А его почему-то нет. Он сменил рубашку (нужно же что-нибудь делать!) и только улегся на кровать, вернулся Ланье. С четырьмя новыми книжками.

Пиркса бросило в дрожь. Он начинал догадываться, что Ланье фанатик науки, что-то вроде второго профессора Меринуса.

Ланье разложил на столе новые спектрограммы и, разглядывая их в лупу с таким вниманием, с каким Пиркс не изучал даже снимков своей любимой актрисы, спросил, сколько Пирксу лет.

— Сто одиннадцать, — выпалил Пиркс, а когда Ланье поднял голову, добавил: — В двойной системе.

Ланье первый раз усмехнулся и стал почти похож на человека. У него были большие белые зубы.

— Русские пришлют за нами ракету, — сказал он. — Полетим к ним.

— В Циолковский?

— Да.

Эта Станция была уже на той стороне. Значит, еще одна пересадка. Пиркса интересовало, каким образом они преодолеют оставшуюся тысячу километров. Пожалуй, не вездеходом, а ракетой. Однако он ничего не спрашивал. Не хотел обнаруживать своей полной неосведомленности. Кажется, Ланье что-то говорил ему, но Пиркс заснул прямо в одежде. Проснулся он внезапно. Ланье, наклонившись над кроватью, тронул его за плечо.

— Пора, — сказал он.

Пиркс сел. Казалось, Ланье все это время читал и писал, — пачка бумаги с вычислениями значительно выросла. В первый момент Пиркс подумал, что Ланье говорит об ужине, но речь шла о ракете. Пиркс взвалил на себя туго набитый рюкзак. У Ланье рюкзак был тяжелее, словно наполненный камнями. Потом оказалось, что, кроме рубашек, мыла и зубной щетки, в нем были только книги.

Уже без всякого контроля они прошли в верхний ярус, где их ждала ракета лунного сообщения. Когда-то серебряная, а теперь серая, потрескавшаяся, она стояла, растопырив три коленчатые ноги двадцатиметровой высоты. Ее форма не была аэродинамичной — на Луне ведь нет атмосферы. Пиркс на такой еще не летал.

Отсутствие атмосферы создавало массу неудобств. Нельзя было использовать ни самолеты, ни вертолеты, ничего, кроме ракет. Даже глиссера на воздушной подушке, такие удобные в условиях сложного рельефа, здесь были бесполезны. Ракета летает быстро, но далеко не везде может сесть, ракеты не любят ни гор, ни скал.

Ожидали какого-то астрохимика, но он опоздал. Стартовали в точно назначенное время, одни. Их трехлапый потрескавшийся жук загудел, звук становился все громче, протяжнее, потом раздался грохот, и ракета свечой пошла вверх.

Пассажи́рская кабина была всего раза в два больше го- стиничной комнаты. В стенах — иллюминаторы, в потол- ке — овальное окно. Кабина пилота находилась не наверху, как обычно, а снизу, почти между самыми дюзами, чтобы пилот хорошо видел, куда садиться.

Вышли на параболическую орбиту. Луна мчалась под ними, огромная, выпуклая. Она выглядела так, будто на нее никогда не ступала нога человека. Есть такая зона в про- странстве между Землей и Луной, где кажущаяся величина обоих небесных тел одинакова. Пиркс хорошо помнил впе- чатление, полученное им во время первого полета. Земля, голубоватая, подернутая дымкой, с размытыми контурами материков, казалась менее реальной, чем Луна, каменная, с острыми выступами скал; ее неподвижная тяжесть была почти ощутимой.

Прежде чем Пиркс успел заметить массив Циолковского, ракета, подброшенная коротким включением двигателей, встала вертикально. Последнее, что он увидел, был океан тьмы, залившей все западное полушарие. Вдалеке за линией терминатора торчал, сверкая вершиной, пик Лобачевского. Звезды в верхнем окне остановились. Ракета съезжала вниз, как на лифте, пикируя сквозь пламя собственных двигате- лей. Газы клубились на выпуклостях наружной обшивки — это немного напоминало проникновение в атмосферу.

Кресла разлозились сами. Ощущалось сопротивление, с которым боролись против падения грохочущие дюзы. Вне- запно грохот усилился. «Ага, встали на огонь!» — подумал Пиркс, не забывая, что он все-таки настоящий астронавт, хотя еще и без диплома. Удар. Что-то треснуло, задребез- жало, словно огромный молот бил по камням. Кабина мягко скатилась вниз, вернулась наверх, вниз, вверх. Эти покачи- вания на яростно булькающих амортизаторах продолжались до поры, пока три двадцатиметровые, судорожно расстав- ленные «ноги» как следует не впились в груды камней. По- степенно пилот погасил колебания, увеличив немного давле- ние в маслопроводах, послышалось шипение, и кабина по- висла неподвижно.

Пилот вылез к ним через люк в полу и отворил стенной шкаф, в котором Пиркс наконец-то увидел скафандры. Он немного приободрился, однако ненадолго. Скафандров было четыре, один — пилота и еще три — маленький, средний и большой. Пилот влез в свой скафандр мгновенно и, не на- девая шлема, ждал их. Ланье тоже справился быстро. А Пиркс, красный, потный, злой, не знал, что делать. Сред- ний скафандр был ему маловат, а большой — слишком велик. В среднем он сильно упирался головой в дно шле- ма. В большом болтался, как кокосовое зернышко в высох- шей скорлупе. Ему тут же дали несколько доброжелатель- ных советов. Пилот заметил, что скафандр, который велик, всегда лучше тесного, и предложил набить пустые места бельем из рюкзака. Кажется, он готов был пожертвовать даже одеяло.

Но для Пиркса сама мысль о том, что можно набить скафандр тряпками, содержала в себе нечто святотатствен-

ное, против чего восставала его душа астронавта. Обмотаться какими-то лохмотьями?!

Он надел меньший скафандр. Ни пилот, ни Ланье больше ничего не говорили. Пилот откинул люк выходной камеры, они втроем вошли внутрь, поворот маховичка, и открылся наружный люк.

Пилот спустил складную лесенку, и по ней они сошли на Луну.

Здесь их тоже никто не встречал. Вокруг не было ни одной живой души. Бронированный купол станции Циолковского, освещенный косыми лучами жуткого лунного солнца, высился на расстоянии около километра. Над ним виднелась выбитая в скале посадочная площадка, но она была занята. На ней в два ряда стояли ракеты, гораздо большие, чем та, на которой они прилетели, — транспортные.

Их ракета, немного осев на одну сторону, покоилась на раскоряченных «ногах», камни под воронками дюз потемнели, обожженные огнем двигателей. К западу местность была почти ровной, если можно назвать ровным бесконечное поле, усеянное кучами камней, среди которых тут и там торчали обломки величиной с дом. К востоку поверхность повышалась, сначала плавно, чтобы затем, после целого ряда почти вертикальных складок, перейти в главный массив Циолковского. Эта стена, казавшаяся очень близкой, находилась в тени и была черной, как уголь. На какие-нибудь десять градусов выше хребта Циолковского пылало Солнце. Оно ослепляло. Пиркс сразу же опустил фильтр на стекло шлема, но это почти не помогло. Разве что перестал жмуриться. Осторожно ступая по неустойчивым камням, двинулись к станции.

Ракету они сразу же потеряли из виду, потому что пришлось спуститься в неглубокую котловину. Станция, доминировавшая над ней и всей округой, на три четверти пряталась в монолитную каменную стену, напоминавшую разбитую взрывом горную крепость. Остро срезанные углы удивительно походили на сторожевые башни, но только издалека. Чем ближе они подходили, тем больше теряли «башни» форму, расходились, а сбегаящие по ним черные полосы оказывались просто глубокими трещинами. Для Луны местность была относительно ровной, и шагалось по ней быстро. Каждое движение поднимало облачко прославленной лунной пыли. Она поднималась выше пояса, окружала их молочно-белой тучей и никак не хотела оседать. Поэтому они шли не гуськом, а рядом друг с другом. И когда уже около самой Станции Пиркс обернулся, он увидел три округлых, неправильной формы змеи — поднятая пыль, гораздо более светлая, чем любая земная, стояла над всем пройденным ими путем.

Пиркс знал о ней многое... Первооткрывателей поражало это явление: они думали, что в безвоздушном пространстве даже самая мелкая пыль немедленно опадет. Лунная пыль упорно не желала этого делать. И что самое интересное, только в дневной период, при солнечном свете. Оказалось,

электрические явления на Луне протекают иначе, чем на Земле. На Земле есть атмосферные разряды, молнии, огни святого Эльма. На Луне ничего этого нет. Но бомбардируемые корпускулярным излучением скалы приобретают заряд того же знака, что и покрывающая их пыль. Так как одинаковые заряды отталкиваются, однажды поднятая пылью часами не может осесть из-за электростатического взаимодействия. Когда на Солнце много пятен, Луна «пылит» сильнее. Если пятен мало — слабее. И эти явления исчезают лишь через несколько часов после наступления ночи.

Эти научные рассуждения были прерваны прибытием к главному входу Станции. Их приняли очень гостеприимно. Внешность научного руководителя Станции профессора Ганшина изумила Пиркса, который некоторую компенсацию за свои толстые щеки видел в своем высоком росте. Ганшин, однако, смотрел на него сверху вниз. В самом прямом смысле. А его коллега физик доктор Пнин оказался еще более высоким. В нем было, пожалуй, метра два. На Станции работали еще трое русских, а может, и больше, но остальные не показывались — наверное, работали. Наверху помещались астрономическая обсерватория и радиостанция. Выбитый в скале косой тоннель вел в отдельную башенку, над которой вращались большие антенны локаторов. Сквозь иллюминаторы в стене просвечивала ослепительно серебряная паутина главного радиотелескопа — самого большого на Луне. Подвесной дорогой к нему добирались за полчаса.

Потом выяснилось, что Станция гораздо больше, чем это показалось вначале. В подвалах находились огромные резервуары для воды, воздуха, продовольствия. В незаметном из котловины, встроенном в скальную трещину крыле помещалась солнечная электростанция. На Станции была еще одна совершенно великолепная вещь: гигантский солярий под куполом из усиленного стальной кварца. В солярии, кроме порядочного количества цветов и больших баков с какими-то водорослями, вырабатывающими витамины и белки, росло банановое дерево. Пиркс и Ланье съели по банану, выращенному на Луне. Смеясь, доктор Пнин объяснил им, что бананы не входят в ежедневный рацион персонала Станции, скорее это сюрприз для гостей.

Ланье, который немного разбирался в лунном строительстве, начал расспрашивать о деталях конструкции кварцевого купола, удивившего его гораздо больше бананов. Постройка и в самом деле поражала своей оригинальностью. Поскольку снаружи была пустота, купол выдерживал изнутри постоянное давление — девять тонн на квадратный метр, что при его размерах составляло весьма внушительную величину — две тысячи восемьсот тонн. С такой силой заключенный в солярий воздух пытался разорвать сдерживавшую его оболочку.

Вынужденные отказаться от железобетона, конструкторы залили в кварц систему соединенных друг с другом ребер, которые всю силу давления перекладывали на иридиевый диск, находящийся в самом верху. От него уже снаружи купола расходились мощные стальные тросы, закрепленные

глубоко в толще базальта. Они как бы удерживали на привязи этот единственный в своем роде кварцевый воздушный шар.

Из солярия пошли прямо в столовую. На Циолковском наступило время обеда. Это был уже третий подряд обед Пиркса, после второго — на Луне и первого — в ракете. Казалось, на Луне существуют только обеды.

Столовая, одновременно выполнявшая функцию общей гостиной, не очень большая. Стены покрыты деревом, но не панелями, а сосновыми брусьями. Даже смолой пахло. Такая необычайно «земная» обстановка после ошеломляющего лунного ландшафта особенно радовала. Профессор Ганшин объяснил, что верхний тонкий слой стеной обшивки сделали из дерева, чтобы меньше тосковать по дому.

Во время обеда никто ни слова не сказал о Менделееве, о происшествии, о несчастных канадцах, даже об отлете Ланье и Пиркса, как будто они приехали в гости и просят здесь неопределенно долго.

Русские вели себя так, словно, кроме гостей, их вообще ничто не интересовало, — спрашивали, что слышно на Земле, как там на Луне Главной. В приливе откровенности Пиркс высказал свою стихийную неприязнь к туристам и их манерам; казалось, он нашел благосклонных слушателей.

Только через некоторое время Ланье и Пиркс заметили, что хозяева по очереди выходят, чтобы сразу же вернуться. Позднее выяснилось, что они отлучались в обсерваторию, так как на Солнце образовался великолепный протуберанец. Когда прозвучало это слово, все остальное перестало существовать для Ланье. Присущее ученым неистовство незаметно охватило весь стол. Внимательно рассматривали принесенные фотографии, потом показывали фильм, снятый с помощью коронографа. Протуберанец действительно оказался исключительным: он имел три четверти миллиона километров в длину и выглядел, как допотопный динозавр с огненной пастью. После того как зажегся свет, Ганшин, Пнин, третий астроном и Ланье, у которых блестяли глаза, начали говорить, забыв обо всем. Кто-то вспомнил о прерванном обеде. Вернулись в столовую, но и тут, отодвинув тарелки, принялись подсчитывать что-то на бумажных салфетках. Наконец доктор Пнин сжалился над Пирксом, сидевшим дурак дураком, и пригласил его в свою комнату, маленькую, но оборудованную достойным удивления предметом — большим окном, из которого открывался вид на восточную вершину Циолковского. Солнце, низкое, зияющее, как ворота ада, бросало в хаос скальных нагромождений другой хаос — хаос теней, заливающих изломы скал черным потоком. Казалось, будто за ребром каждого камня отворялся дьявольский колодец, ведущий к самому центру Луны. Косые башни, иглы, обелиски высовывались из чернильной тьмы, словно окаменевшие языки пламени. Глаз терялся среди форм, которые невозможно было объединить в целое, находя сомнительное облегчение только в овальных черных провалах, похожих на глазницы, — так выглядели до краев наполненные тьмой ячейки небольших

кратеров, особенно четкие в косом солнечном свете, делают пустыню неестественно реальной.

Это был единственный в своем роде вид.

— Я уже бывал на Луне, — во время разговора Пиркс повторил это раз шесть, — но никогда в это время — за девять часов до захода.

Пнин, обращаясь к нему, называл его «коллега», а он не знал, как отвечать, и поэтому лавировал в разговоре как мог. У русского была фантастическая коллекция снимков, сделанных во время восхождений, — он, Ганшин и третий их товарищ, находящийся на Земле, в свободное время занимались альпинизмом.

Оказывается, все попытки ввести в употребление термин «лунизм» провалились. Он не привился, верно, еще и потому, что ведь и на Луне существуют Альпы.

Пиркс, который еще до поступления в институт участвовал в восхождениях, открыв в Пнине братскую душу, принялся выпытывать у него, в чем же разница между земной и лунной техникой.

— Вы должны помнить об одном, коллега, — сказал Пнин, — только об одном. Делайте все, как дома, пока можете. Льда здесь нет — разве уж в очень глубоких трещинах, и то чрезвычайно редко, — снега, разумеется, тоже, вот и кажется, будто все чрезвычайно просто, тем более что человек может свалиться с тридцатиметровой высоты и с ним ничего не случится. Но об этом даже думать забудьте.

Пиркс удивился:

— Почему?

— Потому что здесь нет воздуха, — объяснил астрофизик. — И как бы долго вы ни ходили, вам не научиться правильно определять расстояния. Тут даже дальномер не помогает, а кто же ходит в горы с дальномером? Вы забрались на вершину, смотрите вниз, и вам кажется, будто высота пятьдесят метров. А на самом деле, может, пятьдесят, может, триста, а может, и пятьсот. Мне случалось... Впрочем, вы знаете, как это бывает. Если человек один раз скажет себе: можно упасть, то рано или поздно он свалится. На Земле разбивают о камни голову, а здесь один хороший удар шлемом, лопается стекло, и конец. Так что ведите себя, словно вы в земных горах. Все, что вы позволили бы себе там, можете позволить и здесь. За исключением прыжков через трещины. Хотя бы вам казалось, что в трещине нет и десяти метров, а это равняется полутора земным. Поищите камень, бросьте на другую сторону и посмотрите, куда он упадет. По правде говоря, я от всего сердца советую вообще не прыгать. Человеку, одолевшему пару раз двадцать метров, уже и пропасти не страшны и горы по колено — вот тут и наступает самое подходящее время для несчастного случая. Спасательной службы у нас нет, сами понимаете.

Пиркс спросил о Менделееве. Почему Станция не внизу? Трудно ли туда добираться? Что это, настоящее восхождение?

— Нет, конечно. Но довольно долго, по вине каменной

лавины. Она пришла из-под Солнечных Ворот. Дорогу снесло начисто... Что касается выбора места, мне об этом неловко говорить. Особенно теперь, после несчастья. Но вы ведь, верно, читали, коллега?..

Пиркс, ужасно смешавшись, сослался на экзаменационную сессию. Пнин усмехнулся, но сразу же посерьезнел.

— Ну что ж. Луна находится под международным контролем, но каждое государство имеет свою зону для научных исследований — нам отведено это полушарие. Когда оказалось, что пояса Ван-Аллена затрудняют проникновение космического излучения на полушарие, обращенное к Земле, англичане попросили разрешения построить Станцию на нашей стороне. Мы согласились. Как раз тогда уже начались работы в Менделееве, и мы предложили им принять его от нас вместе с доставленными туда строительными материалами. Рассчитаться договорились потом. Англичане были довольны, а потом вдруг уступили Менделеев канадцам, как стране Британского содружества. Нам, естественно, было безразлично.

Поскольку мы уже провели предварительную разведку местности, один из наших, профессор Анимцев, вошел в состав канадской проектной группы на правах консультанта. Неожиданно мы узнали, что англичане все же принимают участие во всей этой истории. Они прислали Шеннона, и он заявил, что на дне кратера могут возникнуть очаги вторичного излучения, которые будут искажать результаты исследований. Наши специалисты считали, что это невозможно, но в конце концов был принят вариант англичан. Стоимость работ, естественно, возросла страшно. Всю разницу покрывали канадцы. Но дело, конечно, не в этом, нас не интересуют чужие карманы.

Место для Станции определили и принялись проектировать дорогу. Анимцев дает нам знать: англичане сначала предложили перебросить через две пропасти на трассе проектируемой дороги железобетонные мосты, но канадцы не согласились, ибо стоимость в этом случае возростала почти в два раза. Тогда решили вгрызаться во внутренний склон Менделеева, пробив два скальных уступа направленными взрывами. Я им не советовал — это могло нарушить равновесие кристаллической базальтовой платформы. Но они не хотели даже слушать.

Что делать? Ведь мы имели дело не с детьми. У меня гораздо больший опыт селенолога, но если они не хотели слушать советов, мы не могли им навязываться. Анимцев заявил *volunt separatum*, и на этом все кончилось. Они начали рвать скалы. Первый нонсенс — выбор места — потянул за собой второй, и результаты, увы, не заставили себя долго ждать. Англичане построили три противолавинные стены, запустили Станцию. По дороге пошли гусеничные транспортеры. Станция работала уже три месяца, когда у подножия седловины, около Солнечных Ворот, этой большой зазубрины в западной стене, появились трещины...

Пнин встал, вынул из ящика несколько больших фотографий и показал их Пирксу.

— Вот здесь была полуторакилометровая плита, местами нависающая. Дорога шла примерно на уровне одной трети от максимума высоты, по этой красной линии. Канадцы подняли тревогу. Анимцев (он все еще сидел там) объяснил им: разница температур дня и ночи составляет триста градусов. Трещины будут увеличиваться, с этим ничего не сделаешь. Разве можно чем-нибудь подпереть полуторакилометровую стену!! Дорогу необходимо немедленно закрыть, а раз уж Станция стоит, построить подвесную.

Одного за другим вызывают экспертов из Англии, из Канады. Разыгрывается настоящая комедия: эксперты, говорящие то же, что наш Анимцев, немедленно возвращаются домой. Остаются только те, которые видят какой-нибудь способ справиться с трещинами. Начинают их цементировать. Глубокие вливания, откосы. Цементируют и цементируют без конца, так как все зацементированное днем лопается следующей же ночью. По трещинам уже скатываются небольшие лавинки, но задерживаются на стенах. Строят систему клиньев, чтобы разбивать большие лавины. Анимцев объясняет им, что дело не в лавинах, может рухнуть вся плита! На него было страшно смотреть. Человек прямо из кожи лез вон, видел приближающееся несчастье и ничего не мог поделать. Я вам честно скажу, у англичан есть великолепные специалисты, но это была не просто селенологическая проблема. Речь шла о престиже: они построили дорогу и не могли идти на попятную. Наконец Анимцев заявил какой-то очередной протест и уехал. Потом мы узнали, что между англичанами и канадцами начались споры, трения в связи с той самой плитой, кстати, это край так называемого Орлиного Крыла. Канадцы хотели взорвать ее целиком, разрушив дорогу, чтобы потом построить новую, безопасную. Англичанам такой план не нравился. Впрочем, это была утопия. Анимцев подсчитал, что для взрыва потребовался бы шестимегатонный водородный заряд, а конвенция ООН запрещает использование радиоактивных материалов в качестве взрывчатых веществ. Вот так они спорили и ругались, пока плита не рухнула...

Англичане писали потом, что во всем виноваты канадцы, потому что отвергли первый проект, те бетонные виадуки...

Пнин мгновение смотрел на фото, затем взглянул на другое, показывающее увеличенную почти в два раза расщелину в стене. Черными точками было обозначено место обвала, который уничтожил дорогу вместе со всеми укрепляющими конструкциями.

— В результате Станция периодически недоступна. Ночью туда практически невозможно добраться. Тут ведь нет Земли...

Пиркс понял, о чем думает русский: на этой стороне долгие лунные ночи не освещаются огромным фонарем Земли.

— А инфракрасная техника не помогает? — спросил он. Пнин усмехнулся.

— Инфракрасные окуляры? Какие уж тут окуляры, коллега, если через час после захода скалы имеют минус сто шестьдесят градусов на поверхности... Впрочем, теоретиче-

ски можно ходить с радароскопом: вы никогда не пробовали ходить с ним в горы?

Пиркс признался, что никогда.

— И не советую. Это исключительно сложный способ самоубийства. Радар хорош на ровной местности, но в горах...

Вошли Ланье и профессор; пора отбывать. До Менделеева полчаса лету, пешком — еще два часа, а солнце заходило лишь через семь. Четыре с половиной часа резерва — это, пожалуй, многовато. Но тут выяснилось, что с ними полетит доктор Пнин. Пиркс и Ланье пытались объяснить, что это ни к чему, но хозяйка не хотела их даже слушать.

Когда они уже собрались идти, Ганшин спросил, не нужно ли передать что-нибудь на Землю — это последняя оказия. Менделеев, правда, имел с Циолковским радиосвязь, но через семь часов они попадут на терминатор и начнутся сильные помехи.

Пиркс подумал, что неплохо бы передать сестре Маттерса привет с «той стороны», да не решился. Они поблагодарили хозяев и спустились вниз. Русские решили проводить их до ракеты. Тут Пиркс не выдержал и рассказал, какой ему попался скафандр. Ему подобрали другой, а старый остался на Станции.

Этот русский скафандр немного отличался от известных Пирксу. У него было не два, а три фильтра: для высокого солнца, для низкого и для пыли, темно-коричневый; иначе располагались воздушные клапаны, а особое приспособление в ботинках надувало подошвы так, что человек ходил как на подушках. Камни исчезали. Казалось, будто идешь по самой гладкой поверхности. Эту модель называли «высокогорной». Кроме того, скафандр был наполовину серебристый, наполовину черный. Когда человек поворачивался к Солнцу черной стороной, становилось жарко, а когда серебряной, его охватывала приятная прохлада.

Пирксу эта выдумка показалась не совсем удачной — не всегда ведь имеешь возможность выбрать. Выходит, иногда приходится ходить спиной вперед?

Русские начали смеяться. Они показали ему рычажок на груди, поворот которого заставлял серебристый и черный цвета меняться местами. Пиркс окончательно освоился со своим скафандром раньше, чем они дошли до ракеты.

Профессор прижался к шлему Пиркса, сказал несколько прощальных слов, они пожали друг другу руки в тяжелых рукавицах, и Пиркс вслед за пилотом вошел в ракету. Она слегка осела под увеличившейся тяжестью.

Пилот подождал, пока провожающие отошли на безопасное расстояние, и запустил двигатели. Внутрь скафандра мрачный нарастающий грохот проникал словно сквозь толстую стену. Сила тяжести увеличилась, но они даже не заметили, когда ракета оторвалась от грунта. Только звезды замелькали в иллюминаторах, а скалистая пустыня провалилась вниз и исчезла. Теперь они летели совсем низко и поэтому ничего не видели — один лишь пилот всматривался в пронсящийся внизу призрачный пейзаж. Ракета

висела почти вертикально, словно вертолет. По усилившемуся реву двигателей и легкой вибрации корпуса можно было понять, что скорость нарастает.

— Внимание, посадка, — раздалось в шлеме.

Пиркс не знал, сказал ли это пилот или Пнин. Кресла разложились. Он глубоко вздохнул и стал очень легким, таким легким, что казалось, вот-вот взлетит к потолку. Инстинктивно схватился за ручки кресла. Пилот резко затормозил, дюзы полыхнули огнем, издали визжащий звук, рев рвущегося вдоль корпуса огня стал нестерпимым, тяжесть увеличилась, снова уменьшилась, и до Пиркса донесся глухой звук двойного удара. Сели. В следующее мгновение произошло что-то неожиданное. Ракета вдруг наклонилась и стала падать.

«Катастрофа», — мелькнуло у Пиркса в голове. Он не испугался, но инстинктивно напряг все мышцы. Остальные сидели неподвижно. Двигатель молчал. Пиркс отлично понимал пилота: ракета занимала очень неустойчивое положение, оседая вместе с осыпавшимися камнями, и тяга двигателей, не успев поднять ракету, могла перевернуть ее или бросить на скалы.

Грохот и скрежет перекачивающихся под стальными лапами каменных глыб ослабевал и, наконец, затих совсем. Еще пара струек гравия громко ударились о сталь, еще какой-то обломок сполз вниз под тяжестью суставчатой «ноги», и кабина медленно осела, наклонившись почти на десять градусов.

Пилот вылез из своего колодца, немного растерянный, и принялся объяснять, что профиль местности изменился. Очевидно, по северной трещине прошла новая лавина. Он сел у самой стены, чтобы доставить их как можно ближе к Станции.

Пнин ответил, что это не самый разумный способ сокращать дорогу: лавинное поле не космодром и без особой необходимости рисковать незачем. На этом короткий обмен мнениями закончился, пилот пропустил их в воздушную камеру, и они по лестнице спустились вниз.

Пилот остался в ракете ожидать возвращения Пнина, а они двинулись вслед за высоким русским.

До сих пор Пиркс считал, что знает Луну. Однако он ошибался. Территория вокруг Циолковского была великолепной площадкой для прогулок по сравнению с местом, где он очутился теперь. Накренившаяся на максимально расставленных, увязших в каменной россыпи «ногах» ракета стояла в каких-нибудь трехстах шагах от тени, отбрасываемой главным валом Менделеева. Раскрытая в черном небе солнечная пасть почти касалась хребта, который, казалось, плавился в этом месте. По обе стороны дорожки, вернее нагромождения глыб и обломков, стояли залитые в цемент алюминиевые шесты. На каждом из них было укреплено что-то вроде рубинового шарика. Справа и слева от этого нацеленного в горы пути стояли, наполовину залитые светом, наполовину черные, как галактическая

ночь, стены, с которыми не могли сравниться даже гиганты Альп и Гималаев.

Ганшин, Ланье и Пиркс прошли еще несколько сотен шагов вверх, и цвет скалы изменился. Реки розоватого порфира двумя валами обегали ущелье, к которому они шли. По мере того как они подходили, ощущение легкости и свободы движений исчезало — увеличивалась крутизна. Камни, достигавшие высоты в несколько этажей, сцепившиеся острыми зазубренными краями плиты лавы словно только и ждали прикосновения, чтобы превратиться в неустойчивый камнепад, в лавину, все сметающую на своем пути.

Пнин вел их сквозь этот лес окаменевших взрывов не очень быстро, но безошибочно. Когда плита, на которую он ставил ногу в огромном ботинке, колебалась, он замирал на мгновение и либо шел дальше, либо обходил это место, узнавая по ему одному известным признакам, выдержит камень тяжесть человека или нет. А ведь никаких звуков, так много говорящих альпинисту, здесь не было. Один из базальтовых истуканов, который они обошли, без всякой видимой причины обрушился вниз, под откос. Падая сонно и медленно, он потащил за собой каменные громады. Они неслись все быстрее плавными скачками, пока белое, как молоко, облако пыли не окутало путь лавины. Зрелище походило на кошмарный сон — ударяющиеся о скалы глыбы не издавали грохота, и даже толчки грунта не чувствовались сквозь толстые подошвы ботинок. Когда они резко повернули на следующей извилине тропинки, Пиркс увидел след от прошедшей лавины и ее саму, уже как разлив плавно стелющихся волн. Инстинктивно он с беспокойством поискал глазами ракету, но она стояла, как и раньше, удаленная, может, на километр, а может, и на два. Он видел ее поблескивающее брюхо и три черточки ножек. Казалось, будто удивительное лунное насекомое отдыхает на старом лавинном поле.

Когда они подошли к зоне тени, Пнин ускорил шаги. Тревожная мрачная обстановка настолько поглотила внимание Пиркса, что ему просто некогда было наблюдать за Ланье. Только теперь до него дошло, что маленький астрофизик идет уверенно, нигде не спотыкаясь.

Вошли в тень. Пока они находились недалеко от залитых солнцем скал, отраженный свет немного освещал путь, играя на выпуклостях скафандров. Но скоро мрак начал густеть, и, наконец, стало так темно, что они перестали видеть друг друга. Здесь царилась ночь. Пиркс почувствовал ее холод сквозь все антитермические оболочки скафандра. Холод не добирался непосредственно до тела, не покусывал кожи, а существовал как проявление новой, молчащей ледяной реальности.

Шары на верхушках алюминиевых мачт испускали довольно сильный красный свет: бусинки этого рубинового ожерелья поднимались ввысь и исчезали на солнце — там треснувший скальный хребет сбегал к равнине тремя расположенными друг над другом расщелинами. Их разделяли узкие горизонтальные выступы каменных плит, образуя

щие что-то вроде тонких карнизов. Как показалось Пирксу, уходящая вдаль шеренга мачт вела к одной из этих полок, но он подумал, что это, пожалуй, невозможно. Выше, сквозь расколотый, словно ударом молнии, главный вал Менделеева, прорывался почти горизонтальный пучок солнечных лучей. Он выглядел как возникший в глухом молчании взрыв, брызнувший раскаленной белизной на скальные колонны и в расщелины.

— Там Станция, — раздался в шлеме близкий голос Пнина. Русский задержался на границе ночи и дня, холода и тепла, показывая что-то на горе, но Пиркс ничего не сумел разглядеть.

— Видите Орла?.. Так мы называем тот хребет... Вон голова, это клюв, а это крыло...

Вдруг Пиркс увидел всего Орла: крыло — это была именно та стена, к которой они направлялись, выше из стены торчала голова, на фоне звезд вершина казалась клювом.

Он взглянул на часы. Они шли уже сорок минут. И, пожалуй, осталось идти столько же.

Перед следующей полосой тени Пнин задержался, чтобы отрегулировать свой климатизатор. Пиркс воспользовался этим и спросил, где проходила дорога.

— Вот там. — Пнин показал рукой вниз.

Пиркс видел только пустыню и на дне ее — конус осыпи, из которой торчали большие обломки камня.

— Оттуда сорвалась плита, — объяснил Пнин, повернувшись теперь к выемке в стене. — Это Солнечные Ворота. Наши сейсмографы в Циолковском зарегистрировали толчок; предположительно сорвалось около полумиллиона тонн базальта...

— Полмиллиона? — переспросил ошеломленный Пиркс. — Как теперь доставляют на гору все необходимое?

— Сами увидите, когда придем, — ответил Пнин и двинулся дальше.

Пиркс поспешил за ним, ломая голову над решением этой задачи, но ничего не придумал. Не носили же они на своих плечах каждый литр воды, каждый баллон кислорода? Нет, это невозможно.

Теперь они шли быстрее. Последний алюминиевый шест торчал у самой пропасти. Их объела тьма. Они включили вмонтированные в шлемы рефлекторы, бледные пятна света подрагивали, перескакивая с одних выступов стены на другие, и зашагали по карнизу. Местами он сужался до ширины двух ладоней, местами становился таким широким, что на нем можно было стоять, расставив ноги.

Они следовали один за другим по этой полке, слегка волнистой, но совершенно горизонтальной. Ее шершавая поверхность служила хорошей опорой. Правда, достаточно одного неверного шара, легкого головокружения...

«Почему мы не обвязались?» — подумал Пиркс.

В этот момент пятно света перед ним замерло. Пнин остановился.

— Веревка, — сказал он.

Подал конец Пирксу. Тот, пропустив веревку через кара-

бин, передал ее Ланье. Прежде чем тронуться дальше, Пиркс, опершись о скалу, успел осмотреться.

Весь провал кратера лежал под ним как на ладони — черные лавовые ущелья казались сеточкой трещин, призмистый центральный конус отбрасывал длинную тень.

Где же ракета? Пиркс никак не мог ее найти. Где дорога? А эта извилистая тропинка, обозначенная шеренгой алюминевых мачт? Тоже исчезла. Осталось только пространство каменистого цирка, лежащее в ослепительном блеске и полосах тьмы, тянущихся от каменных груд. Светлая пыль подчеркивала рельеф местности. Вокруг теснились сотни кратеров: от полукилометровых до едва заметных. Каждый был совершенно круглым, с плавным наружным спуском и более крутым внутренним, с центральной горкой или конусом либо хоть с крошечной отметиной вроде пупка. Самые маленькие выглядели точной копией маленьких, маленькие — средних, и все их разом обнимало гигантское трехсоткилометровое кольцо каменных стен.

Это соседство хаоса и точности дразнило человеческую мысль, в этом созидании и уничтожении форм по единому шаблону одновременно виделось и математическое совершенство и полная анархия смерти.

Пиркс взглянул вверх и назад — сквозь Солнечные Ворота все еще рвался поток белого огня.

Через несколько сотен шагов стена отступила. Они пока шли в тени, которую немного рассеивал свет, отраженный вертикальным каменным столбом, возносившимся из мрака километра на два. Потом появился залитый солнцем не очень крутой склон. Пиркс начинал ощущать какое-то странное одеревенение не мышц, а ума — сказывалось непрерывное напряжение внимания. Он получил слишком большую порцию сразу — и Луну с ее дикими горами, и ледяную ночь вперемежку с приливами неподвижной жары, и это великое, всеобъемлющее безмолвие, среди которого человеческий голос, время от времени врывающийся в шлем, казался чем-то неестественным, нереальным...

Пнин свернул за иглу, отбрасывающую последнюю черту тени, и весь вспыхнул, словно охваченный огнем. Огонь ударил Пирксу в глаза, прежде чем тот успел сообразить, что это солнце, что они вышли на уцелевшую часть дороги.

Теперь они пошли рядом, опустив противосолнечные заслонки шлемов.

— Сейчас придем, — сказал Пнин.

По этой дороге транспорт, конечно, ходить не мог. Она была проложена в скале, точнее выбита направленными взрывами, и под навесом Орлиного Крыла поднималась к небольшому перевалу. Там, наверху, образовалось нечто вроде каменного котла. Этот котел и сделал возможным снабжение Станции после катастрофы. Транспортная ракета доставляла запасы, и с помощью специального орудия контейнеры забрасывались в этот каменный бассейн. Некоторые из них лопались, но большинство выдерживало выстрел и

столкновение со скалой, так как их бронированные корпуса обладали неимоверной прочностью. Раньше, когда не существовало даже Луны Главной, запасы экспедициям, углубившимся в район Центрального Залива, доставлялись единственным способом — ракеты сбрасывали контейнеры. Поскольку парашюты были бесполезны, пришлось сконструировать эти дюралевые или стальные коробки так, чтобы они выдерживали резкий удар. Контейнеры швыряли словно бомбы, а экспедиция собирала их. Теперь эти контейнеры снова пригодились.

От перевала дорога вела к северной вершине Орлиной Головы: в каких-нибудь трехстах метрах под ней блеснул панцирный колпак Станции.

— Неужели нельзя было найти места получше! — вырвалось у Пиркса.

Пнин, который уже поставил ногу на первый уступ платформы, задержался.

— Вы говорите, словно Анимцев, — сказал он, и Пиркс почувствовал в его голосе усмешку.

* * *

Пнин ушел за четыре часа до захода солнца. Но ушел в ночь, потому что почти вся дорога уже была залита непроглядным мраком. Ланье, знавший Луну, сказал Пирксу, что когда шли они, еще не было по-настоящему холодно — скалы только начали остывать. Настоящий мороз начинался примерно через час после наступления полной темноты.

Они договорились с Пниным, чтобы он дал знать, когда доберется до ракеты, и действительно через час двадцать минут их радиостанция заработала — говорил Пнин. Они обменялись всего несколькими словами, времени было мало, тем более что стартовать приходилось в трудных условиях, — ракета не стояла вертикально, ее лапы слишком глубоко утонули в каменной россыпи и стали чем-то вроде утяжеленных балластом якорей.

Пиркс и Ланье наблюдали старт, отодвинув стальную ставню, — правда, не самое начало, потому что место стоянки заслонялось ребрами главного хребта. Но внезапно мрак, густой и бесформенный, пронзила огненная стрела. Внизу ее повторил отраженный от выброшенной пыли рыжий отблеск. Огненная стрела мчалась все выше и выше, ракеты совсем не было видно, только эта пылающая струна, все более тонкая, разрывающаяся, распадающаяся на полосы — нормальная пульсация двигателя, работающего на полную мощность. Потом — а головы их были подняты к небу, и вычерченный на нем огненный путь лежал уже среди звезд — прямая плавно изогнулась и изящной аркой упала за горизонт.

Они остались одни, в темноте, так как специально погасили свет, чтобы лучше видеть старт. Задвинули панцирную заслонку окна, зажгли лампы и взглянули друг на друга. Ланье слегка усмехнулся и, сутулый, в клетчатой фланелевой рубашке, подошел к столу, на котором стоял

его рюкзак. Начал вынимать из него книжки одну за другой. Пиркс, прислонившись к вогнутой стене, стоял, расставив ноги, словно на палубе далеко уходящего корабля.

В нем было все сразу: холодные подземелья Луны Главной, узкие гостиничные коридоры, лифты, туристы, скачущие под потолок и обменивающиеся кусками оплавленной пемзы, полет до Циолковского, высокие русские, серебряная сеть радиотелескопа между горами и черным небом, рассказ Пнина, второй полет и эта неправдоподобная дорога сквозь холод и жар скал, с безднами, заглядывающими в стекло шлема; он никак не мог поверить, что столько уместили в себя всего несколько часов, время гигантски разрослось, охватило эти образы, а теперь они возвращались, как бы борясь за первенство; он на мгновение закрыл сухие горящие глаза и снова открыл их.

Ланье систематически расставлял книги на полке, и Пирксу показалось, что он понял этого человека: его спокойные движения, когда тот ставил том за томом, происходили не от тупости или равнодушия, его не придавливал этот мертвый мир, потому что Ланье служил ему: прилетел на Станцию, поскольку хотел этого, не тосковал по дому — его домом были спектрограммы, расчеты и место, где они рождались. Он везде чувствовал себя дома, раз сумел так сконцентрировать свои стремления, знал, зачем живет, — и Пиркс вряд ли доверил бы ему свои романтические мечтания о великом подвиге. А случись такое, Ланье, наверное, даже не усмехнулся бы, как минуту назад, а просто выслушал Пиркса и вернулся бы к своей работе. Пиркс на мгновение позабывал этой уверенности, самопознанию, но одновременно он чувствовал отчужденность Ланье; им не о чем было говорить, и они должны были вместе прожить эту начинающуюся ночь, день за ней и еще одну ночь.

Пиркс обвел глазами кабину, будто видел ее впервые. Покрытые пластиком вогнутые стены. Закрытое панцирной ставней окно. Утопленные в пластике потолка лампы. Несколько цветных репродукций между полками со специальной литературой и узкая табличка в рамке с выписанными в два столбца именами всех, кто был здесь до них. По углам пустые кислородные баллоны, консервные банки, наполненные обломками разноцветных минералов, легкие металлические кресла с нейлоновыми сиденьями. Маленький стол, над ним рабочая лампа на гибкой ножке. Через приоткрытую дверь видна аппаратура радиостанции.

Ланье навел порядок в шкафчике, набитом негативами. Пиркс обошел его и шагнул в коридор. Из коридора двери вели налево — в кухню, прямо — в выходную камеру, направо — в две миниатюрные комнатки. Он вошел в свою. Кроме койки, складного стула, выдвигающегося из стены пюпитра и полочки, в ней ничего не было. Потолок с одной стороны, над кроватью, падал косо, как в мансарде, но был не плоским, а полукруглым, повторяя кривизну наружного панциря.

Он вернулся в коридор. Дверь камеры давления с плавно закругленными углами, края окантованы толстым слоем

герметизирующего пластика, маховичок и лампа — она зажигалась, только когда при открытом наружном люке в камере господствовала пустота. Сейчас лампочка не горела. Он отворил дверь. Автоматически зажглись две лампы, осветив тесное пространство с голыми металлическими стенами, с вертикальной лестничкой в центре, доходившей до люка в потолке. Под нижней ступенькой был еще виден затертый бесчисленными подошвами контур, обведенный мелом. На этом месте нашли Саважа, он лежал съездившись, на боку, и его никак не могли поднять, потому что он примерз к шершавым плитам, залитым его собственной кровью, которая разорвала ему лицо.

Пиркс смотрел на этот белесый силуэт, отдаленно напоминавший человеческую фигуру, потом отступил и, заперев герметическую дверь, поднял голову — он услышал шаги наверху. Это Ланье забрался по лестнице, приставленной к противоположной стене коридора, и возился в обсерватории. Всунав голову в круглое отверстие люка, Пиркс увидел покрытый чехлом, похожий на небольшое орудие телескоп, камеры астрографов и два больших аппарата — камеру Вильсона и другую, масляную, вместе с осветительной установкой — для фотографирования следов частиц.

Станция предназначалась для изучения космического излучения, и фотопластинки, которые использовались для этого, лежали между книгами, под полками, в ящиках, у кроватей, даже в кухоньке. И это было, пожалуй, все. Да, все, если не считать больших резервуаров воды и кислорода, размещенных под полом, наглухо врезанных в лунную скалу, в самый массив Менделеева.

Над дверями каждого помещения находился круглый измеритель концентрации углекислого газа. Над измерителями виднелись решетки климатизаторов. Аппаратура работала беззвучно. Климатизаторы всасывали воздух, очищали его от углекислого газа, добавляли нужное количество кислорода, увлажняли либо осушали его и нагнетали обратно во все кабины. Пиркс радовался каждому стуку, доносящемуся из обсерватории; когда они замолкали, тишина разрасталась так, что он начинал слышать шорох собственной крови, как в этом экспериментальном бассейне, в «сумасшедшей ванне», но из нее-то в любой момент можно было выбраться.

Ланье спустился вниз и занялся ужином так тихо и умело, что когда Пиркс вошел в кухню, все было уже готово. Ели почти молча. «Соль, пожалуйста. Хлеб в банках? Завтра нужно будет открыть новую. Кофе или чаю?»

И все. Это немногословие сейчас устраивало Пиркса. Что, собственно, они ели? Третий обед за этот день? Или четвертый? А может, уже завтрак следующих суток? Ланье сказал, что должен проявить отснятые кадры, и ушел наверх. Пирксу делать было нечего. Он неожиданно понял это. Его прислали для того, чтобы не оставлять Ланье одного. Пиркс ведь не разбирался в астрофизике, в космическом излучении. Если бы Ланье захотел научить его поль-

зоваться астрографом!.. Он получил высшую оценку, психологи поручились за то, что он не сойдет с ума. Итак, он должен просидеть в этом горшке две недели ночи, а потом две недели дня, ожидая неизвестно чего, наблюдая неизвестно за чем.

Это Задание, эта Миссия, которая совсем недавно казалась ему совершенно неправдоподобным счастьем, внезапно показала свое настоящее обличье бесформенной пустоты. От чего он должен был защищать Ланье и себя? Каких искать следов? И где? Или он думал, что откроет нечто такое, чего не заметили лучшие специалисты, входившие в состав комиссии, люди, знающие Луну много лет. Ну и идиотом же он оказался!

Пиркс сидел у стола. Нужно помыть посуду. И завернуть кран, из которого капала вода, эта бесценная вода, которую привозили в виде замерзших блоков и выстреливали из орудия по 2,5-километровой параболе в котел у подножия Станции. Он не шевельнулся. Даже не поднял безвольно упавшей на край стола руки. В голове царили жар и пустота, тьма и безмолвие, те, что окружали стальную скорлупу со всех сторон. Он протер горячие, словно засыпанные песком глаза. Потом встал так, будто весил в два раза больше, чем на Земле. Отнес грязные тарелки в моечный аппарат, с шумом бросил их, пустил струю теплой воды. И, моя их, переворачивая, соскребая застывшие остатки жира, он посмеивался над своими мечтами, которые остались где-то на дороге к хребту Менделеева, такие смешные и чужие, такие давние, что их не нужно было даже стыдиться.

* * *

С Ланье можно было прожить день или год, и от этого ничего не менялось. Работал он охотно, но в меру. Никогда не спешил. У него не было никаких дурных привычек, никаких чудачеств. Когда люди живут в такой тесноте, любой пустяк начинает раздражать. Раздражает то, что тот, второй, слишком долго торчит под душем, что не хочет открывать банок со шпинатом, ибо не любит шпинат, что ему весело, что однажды перестает бриться и пугает колючей щетиной или, поцарапавшись при бритье, час разглядывает себя в зеркало, строя рожи, как будто он один. Ланье не был таким. Ел все, хотя и без особого удовольствия. Не веселился. А когда должен был мыть посуду, мыл. Не рассказывал долго и подробно о себе и своей работе. Если его спрашивали, отвечал. Не избегал Пиркса и не навязывался ему.

Возможно, именно эта безликость и начала бы раздражать Пиркса, так как впечатление первого вечера — когда физик, расставляющий на полке книги, показался ему воплощением скромного героизма, и даже не героизма, а достойной зависти стоекски мужественной фигуры ученого, — исчезло, и Пирксу его вынужденный товарищ стал казаться человеком серым до тошноты. Но, несмотря на это, Ланье

не надоедал и не раздражал Пиркса, так как у того оказалось, по крайней мере пока, даже слишком много дел.

Работа поглотила его целиком. Теперь, когда он знал Станцию и окружающую ее местность, он еще раз принялся изучать все документы.

Катастрофа произошла через четыре месяца после пуска Станции. Вопреки ожиданиям не на рассвете или в сумерки, а почти в самый лунный полдень. Три четверти нависшей плиты Орлиного Крыла рухнули совершенно неожиданно. Свидетелем этого зрелища был временно увеличенный до четырех человек коллектив Станции, ожидавший прибытия колонны транспортеров с запасами.

Позднейшие исследования показали, что вторжение в глубь огромного массива Орла действительно нарушило прочность кристаллического монолита и его тектоническое равновесие. Англичане сваливали всю ответственность на канадцев, канадцы — на англичан, единство партнеров по Британскому содружеству проявилось лишь в том, что обе стороны упорно замалчивали предостережения профессора Анимцева. Последствия катастрофы были трагичны. Четверо людей, стоящих перед Станцией, которая находилась от места катастрофы на расстоянии по прямой меньше мили, видели, как раздвоилась стена, как разлетелась на куски система противолавинных клиньев и барьеров, как вся эта масса мчащихся глыб снесла дорогу и скатилась в долину, которая превратилась в море плавно волнующейся белизны, — подгоняемый ужасным натиском, пылевой наплыв в несколько минут достиг противоположной стены кратера!

В зоне уничтожения оказались два транспортера. Того, что замыкал колонну, вообще не удалось найти. Его останки были погребены под десятиметровым слоем обломков. Другой попробовал уйти. Он был уже вне русла лавины, на горном, уцелевшем участке дороги, но огромная глыба, перелетев через сохранившуюся противолавинную стену, врезалась в него и смела в трехсотметровую пропасть. Водитель транспортера успел открыть люк и вывалиться на катающиеся вниз камни. Он один пережил своих товарищей — впрочем, всего на несколько часов. Но эти несколько часов стали адом для остальных. Роже, канадский француз, не потерял сознания, а может, пришел в себя сразу после катастрофы и из глубины белой тучи, накрывшей дно кратера, взывал о помощи. Его радиоприемник сломался, но передатчик действовал. Найти его было невозможно. Из-за многократного изменения пути радиоволн, отраженных от каменных глыб, — а они были величиной с дом, и люди двигались в лабиринте, залитом молочно-белой пылью, как в развалинах города, — все попытки запеленговать его оказались безуспешными. Через час из-под Солнечных Ворот начался второй камнепад, и поиски пришлось прервать. Эта лавина была небольшой, но она могла быть предвестницей новых обвалов. Приходилось ждать, а голос Роже слышался по-прежнему, особенно хорошо наверху, на самой Станции: каменный котел, в котором она стояла, служил чем-то вроде направленной антенны. Через три часа при-

были русские с Циолковского и ушли в пылевую тучу на гусеничных танках. На движущемся склоне танки вставали на дыбы и грозили перевернуться. Там, где они не могли пройти, цепи спасателей трижды прочесали колеблющуюся территорию обвала. Один из спасателей свалился в трещину, и только немедленная доставка в Циолковский и безотлагательная медицинская помощь вернули его к жизни. Но и после этого никто не вышел из пылевой тучи, потому что оттуда звучал слабеющий голос Роже.

Через шесть часов после катастрофы Роже умолк. Он еще жил. Это было известно. В каждом скафандре, кроме радио, находился миниатюрный автоматический передатчик, соединенный с кислородным аппаратом. Каждый вдох и выдох, принесенный электромагнитными волнами, регистрировался на Станции специальным индикатором, похожим на магический глаз. Его мерцание походило на мерные взмахи крыльев зеленого мотылька. И это фосфоресцирующее движение показывало, что потерявший сознание, умирающий Роже все еще дышит; пульсация становилась все медленнее. Никто не уходил с радиостанции, сгрудившиеся в ней люди бессильно ждали, когда он умрет.

Роже дышал еще два часа. Потом зеленый «мотылек» в магическом глазе заметался, съежился и перестал двигаться. Раздробленное, застывшее, как камень, тело нашли только через тридцать часов. Он был так искалечен, что с него даже не сняли скафандр, а так и похоронили в этой полураздавленной металлической оболочке, как в гробу.

Потом проложили новую дорогу, ту скальную тропку, по которой пришел на Станцию Пиркс. Канадцы собирались покинуть Станцию, но их упрямые английские коллеги решили проблему доставки запасов способом, который впервые предложили на Земле, во время штурма Эвереста. Тогда его отклонили как нереальный. Он оказался реальным только на Луне.

Эхо катастрофы облетело всю Землю в бесчисленных, иногда совершенно противоречивых версиях. Наконец шум утих. Трагедия стала частью хроник о борьбе с лунными пустынями. На Станции сменялись астрофизики. Так прошло шесть лунных дней и ночей. И когда уже казалось, что это недавно подвергшееся такому испытанию место не создаст больше никакой сенсации, неожиданно радио Менделеева не ответило на вызов Циолковского.

И снова на спасение, вернее, на разведку причины непонятного молчания Станции отправилась команда с Циолковского.

Прибыла ракета, она села у основания большого языка лавины под вершиной Орла.

До купола Станции добрались, когда почти весь кратер еще заливала не освещенная ни одним солнечным лучом непроглядная тьма. Только стальной колпак у вершины искрился под горизонтальными лучами. Наружная дверь широко распахнута. Под ней, у основания лестницы, лежал Саваж в такой позе, словно сполз со ступенек. Причиной гибели было удушье — панцирное стекло шлема треснуло.

Позднее на внутренней поверхности его рукавиц обнаружили малозаметные следы скальной пыли, как будто он вернулся с восхождения. Но эти следы могли быть старыми. Другого канадца, Шалье, удалось найти только после систематического осмотра окрестных ущелий и трещин. Спасатели, опустившись на трехсотметровых тросах, подняли его тело со дна пропасти под Солнечными Воротами. Он лежал в нескольких десятках шагов от того места, где погиб и был похоронен Роже.

На место происшествия прибыла смешанная англо-канадская комиссия.

Попытки отыскать причину несчастного случая оказались совершенно безуспешными. Никто даже не мог предложить мало-мальски правдоподобной гипотезы.

Часы Шалье стояли на двенадцати, но было неизвестно, разбился ли он в полночь или в полдень. Часы Саважа показывали два. Тщательное исследование (а все исследовалось так тщательно, как только позволяли человеческие возможности) показало, что пружина развернулась до конца. То есть, по всей вероятности, часы Саважа встали не в момент его смерти, а шли еще некоторое время.

На самой Станции все было в полном порядке. Книга дежурств, в которую записывались все события, не содержала ничего, что могло пролить на происшествие хотя бы слабый свет. Пиркс самым внимательным образом изучил ее. Записи были лаконичны. В такой-то час производились астрографические измерения, снято столько-то кадров, в таких-то условиях проведены следующие наблюдения.

На Станции не только господствовал абсолютный порядок, все в ней свидетельствовало о том, что смерть застигла обитателей внезапно. Под все еще горящей лампой лежала открытая книга, на полях которой Шалье делал пометки, он придавил ее другой, чтобы не закрылись страницы. Рядом лежала трубка. Она свалилась набок, выпавший из нее горячий пепел слегка обуглил пластиковую поверхность стола. Саваж, судя по всему, готовил ужин. В кухне стояли открытые консервные банки, в чашке — размешанный с молоком яичный порошок для омлета, дверца холодильника приоткрыта, на белом столике две тарелки, две пары столовых приборов, нарезанный засохший хлеб...

Итак, один из них перестал читать, отложил горящую трубку, как будто собирался покинуть комнату всего на несколько минут и сразу же вернуться. А другой оторвался от кухонных приготовлений, от сковороды с расплавленным жиром и даже не захлопнул дверцу холодильника.

Они надели скафандры и вышли в ночь. Одновременно. Один за другим. Зачем? Куда?

Их пребывание на Станции длилось уже две недели. Они отлично знали ее окрестности. Впрочем, ночь кончалась. Через несколько часов должно было взойти солнце. Почему они не подождали восхода, если оба — или один из них — собирались спуститься на дно кратера? О том, что таким было, пожалуй, намерение Шалье, свидетельствовало место, где его нашли. Он, как и Саваж, знал, что спуск на

площадку под Солнечными Воротами, где дорога резко обрывается, сумасшествие. Плавный наклон скалы переходил здесь во все более обрывистый скат, словно приглашающий спуститься вниз, но в нескольких десятках шагов ниже зияли появившиеся после катастрофы провалы. Новая дорога обходила это место и следовала дальше прямо, вдоль линии алюминиевых мачт. Об этом знал каждый, кто хоть раз был на Станции. И вот один из ее постоянных сотрудников направился именно туда, начал спускаться по плитам, ведущим прямо в бездну... Зачем? Чтобы покончить с собой? Трудно представить, чтобы самоубийца, идущий на встречу со смертью, оставил зажженную трубку.

А Саваж? При каких обстоятельствах треснуло стекло его шлема? Когда он выходил со Станции или когда пришел обратно? Хотел ли он искать Шалье, который не возвращался? Почему не пошел вместе с ним? А если пошел, то как мог позволить ему спуститься к пропасти?

Сколько таких вопросов осталось без ответа.

Единственной вещью, которая находилась явно не на своем месте, был пакет с фотопластинками, служащими для регистрации космических лучей. Он лежал на белом кухонном столике рядом с чистыми пустыми тарелками.

Комиссия пришла к такому выводу. В тот день дежурил Шалье. Углубившись в чтение, он вдруг заметил, что уже почти одиннадцать — время, когда он должен заменить заснятые пластинки новыми. Установка для регистрации космических лучей находилась за пределами Станции. В каких-нибудь ста шагах в склоне горы располагался выбитый в скале не слишком глубокий колодец. Его стенки покрывал свинец, чтобы на пластинки попадало только излучение, идущее из зенита. Это было одно из обязательных условий тогдашних работ. Шалье, увидев, что пора идти, встал, отложил книгу и трубку, взял новую пачку пластинок, надел скафандр, покинул Станцию, подошел к колодцу, спустился в него по вбитым в облицовку скобам, заменил пластинки и, забрав заснятые, пошел назад. Возвращаясь, он сбился с дороги. Его кислородный аппарат был в порядке, он не терял сознания от аноксии — недостатка кислорода. Во всяком случае, насколько это удалось установить, исследуя разбитый скафандр, поднятый со дна пропасти.

Члены комиссии пришли к убеждению, что Шалье подвергся внезапному помутнению рассудка — иначе он не сбился бы с дороги. Он знал ее слишком хорошо. Может быть, он почувствовал слабость, обморочное состояние, возможно, у него закружилась голова, и он потерял ориентацию настолько, что двигался вперед, думая, что возвращается, а в действительности направлялся прямо к ожидающей его в ста метрах бездне.

Саваж, не дождавшись его возвращения, забеспокоился, оставил приготовление ужина, пытался установить с Шалье радиосвязь — рация была включена и работала в ультракоротковолновом диапазоне местной связи. Правда, она могла быть включена и раньше, если кто-нибудь из дежурных хотел, несмотря на помехи, установить связь с Циол-

ковским. Но, во-первых, радио Циолковского не принимало никаких сигналов, даже искаженных до неузнаваемости, во-вторых, такая возможность была мало правдоподобной еще и потому, что и Саваж и Шалье прекрасно понимали безнадежность попыток связаться в момент наступления рассвета, ибо в это время были самые сильные помехи. Когда связь с Шалье установить не удалось, так как его уже не было в живых, Саваж надел скафандр, выбежал в темноту и начал искать товарища.

Быть может, разнервничавшись из-за молчания Шалье и его непонятого внезапного исчезновения, Саваж заблудился, а еще вернее, пытаясь систематически обыскать местность вблизи Станции и будучи из них двоих более опытным и знающим альпинистом, он ненужно и чрезмерно рисковал, до тех пор пока в ходе этих головоломных поисков не упал, разбив стекло шлема. У него еще хватило сил, чтобы, зажав рукой трещину, добежать до Станции и добраться до люка. Но прежде чем он закрыл его, прежде чем успел впустить в камеру воздух, остаток кислорода ушел из скафандра. Саваж рухнул с последней перекладной лестницы в глубоком обмороке и через несколько секунд умер.

Такое объяснение двойной трагедии не убедило Пиркса. Он внимательно ознакомился с характеристиками обоих канадцев. Особое внимание он обратил на Шалье — невольного виновника смерти своей и своего товарища. Шалье было тридцать пять лет. Он был известным астрофизиком и отличным альпинистом. Обладал великолепным здоровьем, никогда не болел, не знал, что такое головокружения. Раньше он работал на «земном» полушарии Луны и стал там одним из основателей клуба акробатической гимнастики, этого своеобразного вида спорта, любители которого умеют выполнить десять сальто с одного толчка или удержаться на своих плечах пирамиду из двадцати пяти человек.

И этот Шалье вдруг без всякой причины почувствовал слабость или какое-то расстройство в ста шагах от Станции и не сумел, даже если с ним что-то подобное случилось, спуститься к ней по широкому откосу, а повернул под прямым углом в ложном направлении, причем должен был, прежде чем выйти на уцелевшую часть дороги, преодолеть в темноте каменный вал, который протянулся позади Станции именно в этом месте.

И еще одна деталь, по мнению Пиркса (но не только по его мнению), пожалуй, уже прямо противоречила версии, принятой в официальном протоколе.

На Станции все было в порядке. Но одна вещь лежала не на месте — тот самый пакет с пластинками на кухонном столе.

Похоже, Шалье действительно вышел, чтобы сменить пластинки. Сменил их. И самым обычным путем вернулся внутрь Станции. Об этом свидетельствовали пластинки. Он положил их на кухонный стол.

Почему туда?

И где был в это время Саваж?

Пластинки, лежащие в кухне, заявила комиссия, были

засняты раньше, утром. Один из ученых положил их на стол случайно.

Однако никаких пластинок на теле Шалье найдено не было. Комиссия признала, что пачка могла выпасть из кармана скафандра или из рук ученого в пропасть и исчезнуть в одной из тысячи трещин.

Пирксу это казалось подгонкой фактов под принятую гипотезу.

Он спрятал протоколы в ящик стола. Ему больше незачем было заглядывать в них: знал их на память. Он сказал себе, что разгадка тайны не в психике обоих канадцев. Это значит, не было никакого обморока, слабости, помрачения сознания. Причина трагедии иная. Она крылась в самой Станции или вне ее.

Он начал с изучения Станции. Не искал никаких следов, хотел лишь подробно ознакомиться с устройством оборудования. Спешить ему некуда, времени достаточно. Сначала он осмотрел выходную камеру. Меловой контур все еще виднелся у подножия лестницы. Пиркс начал с внутренней дверь. Как обычно в маленьких камерах подобного типа, приборы позволяли открыть либо дверь, либо верхний люк. При открытом люке дверь не отпиралась. Это исключало несчастные случаи, вызванные, например, тем, что один открывает люк в тот момент, когда другой открыл дверь. Правда, дверь открывалась внутрь, и давление воздуха в помещении Станции само захлопнуло бы ее с силой почти в восемнадцать тонн, но между створкой двери и фрамугой могла оказаться, например, чья-то рука или какой-нибудь твердый предмет — тогда произошла бы мгновенная утечка воздуха в пустоту.

О положении люка сигнализировал центральный пульт управления, помещающийся на радиостанции. При открытом люке на его панели загоралась красная лампочка. Одновременно автоматически включался приемник «земного сигнала». Это был стеклянный глазок в никелированном кольце, помещенный в центре экрана локатора. Взмахи «мотылька» в глазке показывали, что находящийся вне Станции человек дышит нормально. Кроме того, светящееся пятнышко на экране, разделенном на секторы, показывало, где этот человек находится.

На экране, повторяя движение антенны, укрепленной на куполе, вращалась светящаяся линия, которая в виде фосфорических мерцающих контуров рисовала ближние окрестности Станции. Вслед за бегущим, как стрелка часов, лучом на экране возникало характерное свечение, вызванное отражением радиоволн от всех материальных объектов, а человек, одетый в металлический скафандр, был виден как вспышка большой яркости. Наблюдая за этим изумрудным удлинненным пятном, можно было проследить, как оно перемещалось по менее яркому фону, и тем самым контролировать темп и направление движения человека, находящегося вне Станции. Верхняя часть экрана соответствовала территории под северной вершиной, где находился колодец,

нижняя половина обозначала юг, то есть зону, запретную в ночной период, — там проходила дорога к пропасти.

Системы «дышащего мотылька» и радара действовали независимо друг от друга. «Глаз» приводился в действие передатчиком, соединенным с кислородными клапанами скафандра. Передатчик работал на частоте, близкой к зоне инфракрасного излучения, а локатор — на волне длиной в полсантиметра.

В комплект аппаратуры входил один локатор и один «глаз», поскольку по инструкции только один человек мог находиться вне Станции. Другой, внутри Станции, наблюдал за его состоянием и в случае какого-либо происшествия должен был, естественно, поспешить ему на помощь.

Практически при такой короткой и невинной прогулке, какой была замена пластинок в колодце, оставшийся мог, отворив две двери кухни и радиостанции, наблюдать за приборами, не отрываясь от стряпни. Можно было также поддерживать связь голосом, по радио, за исключением нескольких часов перед самым рассветом, так как о приближении терминатора — линии, разделяющей день и ночь, оповещал ливень треска, делавший радиосвязь невозможной.

Пиркс добросовестно изучил игру сигналов. Как только открывался люк, на пульте загоралась красная лампочка. Салатного цвета индикатор освещался, но был неподвижен, а его крыльшки были сложены, так как отсутствовали наружные сигналы, которые их раскрывали. Лучик радиолокатора мерно кружился по экрану, вырисовывая на нем фигуры окаменевших духов — неподвижный силуэт скальных окрестностей. Он не становился ярче ни в одной точке своего пути, подтверждая показания индикатора дыхания о том, что ни одного скафандра в радиусе его действия нет.

Пиркс всегда наблюдал за работой приборов, когда Ланье выходил менять пластинки.

Красная лампочка загоралась и почти тотчас же гасла, так как он уже снаружи закрывал люк. Зеленый «мотылек» начинал равномерно пульсировать. Эта пульсация незначительно ускорялась через несколько минут, потому что Ланье шел в гору довольно быстро — ничего удивительного, что его дыхание учащалось. Яркое пятно его скафандра виднелось на экране значительно дольше, чем гаснущие сразу же после того, как проходил луч, контуры скал. Потом «мотылек» складывал крылья, а экран становился пустым — отражение скафандра исчезало. Это происходило в тот момент, когда Ланье спускался в колодец — его стенки, облицованные свинцом, отражали поток сигналов. Одновременно на главном пульте зажигался красный сигнал тревоги, а картина на экране локатора изменялась. Антенна радара, вращаясь с той же скоростью, уменьшала наклон, чтобы последовательно прочесать все более отдаленные от Станции сегменты территории. Приборы действовали так, потому что «не знали», что случилось: человек внезапно исчез из сферы их электромагнитной власти. Через три-четыре

минуты «мотылек» снова начинал взмахивать крылышками, радар находил потерявшегося, оба независимых прибора вновь регистрировали его присутствие. Ланье, покинув ко лодец, возвращался. Сигнал тревоги, однако, продолжал пылать — его нужно было выключить. Если это не делалось, реле времени через два часа выключало его автоматически для того, чтобы из-за забывчивости людей аппаратура не потребляла напрасно энергию. Ведь в ночное время ее можно черпать только из аккумуляторов, которые днем заряжались солнцем.

Разобравшись в работе аппаратуры, Пиркс решил, что все это слишком сложно. Ланье ни во что не вмешивался. Он верил в записи протоколов комиссии. Кроме того, он считал, что подобные вещи должны иногда случаться.

— Эти негативы? — ответил он на вопрос Пиркса. — Эти негативы не имеют никакого значения. Человек и не такие вещи делает, когда понервничает. Логика оставляет нас гораздо раньше, чем жизнь. Тогда каждый начинает поступать бессмысленно...

От дальнейшей дискуссии Пиркс отказался.

Кончалась вторая неделя лунной ночи. Пиркс после всех своих исследований знал столько же, сколько и вначале. Может, и вправду трагический случай навсегда останется невыясненным? Может, это было одно из тех происшествий, происходящих одно на миллион, восстановить которые невозможно?

Постепенно Пиркс втянулся в совместную работу с Ланье. В конце концов нужно было что-нибудь делать, как-то заполнить время. Он научился пользоваться большим астрографом (да, все-таки получалась обычная каникулярная практика), потом начал ходить попеременно с товарищем к колодцу, в котором пластинки оставлялись на многочасовую экспозицию.

Приближался ожидаемый с нетерпением рассвет. Жажущий получить какие-нибудь сведения о мире, Пиркс манипулировал около радиостанции, но добыл из динамика только бурю тресков и свист, возвещающие близкий восход солнца. Потом был завтрак, после завтрака проявление снимков, над одним Ланье корпел особенно долго, так как обнаружил замечательный след какого-то мезонного распада. Он даже Пиркса позвал к микроскопу, но тот оказался равнодушным к очарованию ядерных превращений. Потом был обед, час у астрографов, визуальные наблюдения звездного неба. Приближалось время ужина. Ланье уже возился в кухне, когда Пиркс — сегодня была его очередь — всунул голову в дверь и сообщил, что выходит. Ланье, занятый изучением сложного рецепта на коробке с яичным порошком, буркнул, чтобы Пиркс поспешил: омлет будет готов через десять минут.

Пиркс с пачкой пластинок в руках, уже в скафандре, проверив, надежно ли зажимы соединили шлем с воротником, отворил настежь обе двери — кухни и радиостанции, — вошел в камеру, захлопнул герметическую дверь, отворил люк, вылез наверх, но не закрыл его, чтобы побы-

стрее вернуться. Это было вполне допустимо — Ланье все равно не собирался выбираться наружу.

Пиркса встретила темнота, и только по черным провалам на фоне звездного неба можно было понять, что вокруг скалы. Он зажгел рефлектор и за мерно колышущимся перед ним бледным пятном света дошел до колодца. Перекинул ноги в тяжелых ботинках через облицовку, нащупал первую ступеньку, спустился вниз и принялся заменять пластинки. Когда он присел и наклонился над штативами, его рефлектор несколько раз мигнул и погас. Он тряхнул головой, потрогал рукой шлем — свет загорелся снова. Значит, лампочка цела, что-то с контактом. Он начал собирать заснятые пластинки — рефлектор пару раз моргнул и опять погас. Пиркс несколько минут сидел в полной темноте, не зная, что делать. Обратная дорога не пугала его, он отлично помнил ее, а кроме того, на вершине Станции пылали два огонька, зеленый и синий. Но, работая на ощупь, можно разбить пластинки. Он еще раз стукнул кулаком по шлему — рефлектор вспыхнул. Пиркс быстро записал температуру, воткнул заснятые пластинки в кассеты, но когда вкладывал кассеты в футляр, проклятый рефлектор погас. Пришлось отложить пластинки, чтобы несколькими ударами по шлему вновь включить свет. Пиркс заметил, что, когда он выпрямляется, рефлектор горит, а когда наклоняется, гаснет. Приходилось работать в очень неестественном положении. Наконец свет погас еще раз, и никакие удары не помогали. Вокруг были разложены пластинки, и о возвращении на Станцию сейчас не могло быть и речи. Он оперся спиной о нижнюю ступеньку, отвернул наружную крышку, плотнее вставил в патрон ртутную лампу и закрыл крышку. Теперь у него был свет, но, как это иногда случается, винт никак не хотел завинчиваться. Пиркс пробовал и так и этак, наконец потеряв терпение, сунул крышку рефлектора в карман, быстро собрал пластинки и, вставив новые, начал карабкаться по ступенькам. Он был метрах в полутора от поверхности, когда ему показалось, что с белым светом его рефлектора смешался какой-то иной блеск, колеблющийся, непродолжительный. Он взглянул вверх, но увидел в отверстии колодца только звезды.

«Показалось», — подумал он.

Пиркс выбрался из колодца, и его охватило какое-то неясное беспокойство. Он не шел, а бежал большими скачками, хотя вопреки широко распространенному мнению эти лунные скачки не ускоряют движения; они длинные, но полет происходит в шесть раз медленнее, чем на Земле. Уже у самой Станции он увидел вторую вспышку. Похоже, будто на юге кто-то выстрелил из ракетницы. Ракеты он не увидел: все заслонял купол Станции, только призрачный отблеск скал — они на секунду выглянули из темноты и исчезли.

Как обезьяна, влез он на вершину купола. Абсолютно темно. Будь у него ракетница, он выстрелил бы, но ракетницы не было. Включил свое радио. Треск. Адский треск. Люк открыт. Значит, Ланье внутри.

Пиркс внезапно подумал, что он идиот. Какая ракета? Наверное, это был метеор. Метеоры светятся в атмосфере, а на Луне ее нет, но здесь они вспыхивают, врезаясь с космической скоростью в скалы.

Он спрыгнул в камеру, закрыл люк, прошло некоторое время, пока набирался воздух, приборы показали нужное давление — 0,8 килограмма на квадратный сантиметр, он открыл дверь и, на ходу срывая шлем, вбежал в коридор.

— Ланье! — позвал Пиркс.

Молчание. Как был в скафандре, ворвался в кухню. Осмотрел ее одним взглядом. Пуста. На столе — тарелки, приготовленные к ужину, в кастрюльке разболтанный яичный порошок, сковородка рядом с уже включенным нагревателем...

— Ланье! — заорал он, швырнув пластинки, которые держал в руках, и влетел в радиостанцию.

Там тоже пусто. Непонятно, откуда у него появилась уверенность — незачем искать в обсерватории. Ланье на Станции нет. Значит, это были ракеты? Ланье стрелял? Вышел? Зачем? Шел в сторону пропасти!

Неожиданно Пиркс увидел его. Зеленый глаз подмигивал — дышал. А вращающийся луч радара извлекал из тьмы маленькую яркую вспышку в самой нижней части экрана! Ланье шел к пропасти...

— Ланье! Стой! Стой!!! Слышишь?! Стой!!! — орал Пиркс в микрофон, не спуская глаз с экрана.

Репродуктор хрипел. Трески, помехи, ничего больше. Салатные крылышки расходились, но не так, как при нормальном дыхании: шевелились медленно, неуверенно, иногда надолго замирали... Казалось, кислородный аппарат Ланье переставал работать. А яркое пятно на экране было очень далеко: оно лежало в самом низу экрана. По насеченной на стекле координатной сетке до этого места по прямой — полтора километра... Значит, это уже где-то среди вставших на дыбы огромных вертикальных плит под Солнечными Воротами. И оно совсем не двигалось. Загоралось при каждом обороте луча, точно в одном и том же месте. Ланье упал? Лежал там, потеряв сознание?

Пиркс выскочил в коридор. В камеру, наружу! Он уже у двери. Но, пробегая мимо кухни, вдруг заметил что-то черное на белом накрытом столе. Те самые фотографические пластинки, которые он принес и машинально бросил, испугавшись отсутствия товарища. Это его парализовало. Он стоял на пороге камеры со шлемом в руках и не двигался с места.

«Это так же, как тогда. Точно так же, — вспомнил Пиркс. — Ланье готовил ужин и внезапно вышел. Теперь я выйду за ним, и мы оба не вернемся. Люк останется открытым. Через несколько часов Циолковский начнет вызывать нас по радио. Ответа не будет...»

Что-то рвалось в нем: «Сумасшедший, иди! Чего ты ждешь?! Он там лежит! Может быть, его снесла лавина, которая прошла сверху. Ты не слышал, потому что здесь

ничего не слышно. Он еще жив, не двигается, но жив, он ведь дышит...»

И все-таки он стоял без движения. Потом вдруг повернулся, вбежал на радиостанцию и начал внимательно разглядывать приборы.

Никаких изменений. Раз в четыре-пять секунд — медленный взмах «мотылька», дрожащий, неуверенный. И вспышка на экране, на краю пропасти...

Он проверил угол наклона антенны. Наклон был минимальный. Она уже не осматривала местность вблизи Станции, а посылала импульсы на предельное расстояние.

Он приблизил лицо к дышащему индикатору, так что тот был у самых его глаз. И тогда увидел нечто удивительное. Зеленый «мотылек» не только разводил и складывал крылышки, но одновременно весь дрожал, словно на ритм дыхания был наложен другой, гораздо более быстрый. Агональная дрожь? Конвульсия? Ланье умирал, а он с полуоткрытым ртом жадно вглядывался в движения электронного огонька — по-прежнему медленные, с наложенным на них другим ритмом. Внезапно, сам как следует не понимая, зачем он это делает, Пиркс схватил кабель антенны и вырвал его из гнезда. Поразительно: индикатор с отключенной антенной, лишенный внешних импульсов, вместо того чтобы стать неподвижным, продолжал...

Все еще ничего не понимая, ошеломленный Пиркс подскочил к пульту и увеличил наклон радарной антенны. Далекая вспышка, оставшаяся под Солнечными Воротами, начала отодвигаться к краю экрана. Локатор выхватывал все более близкие секторы, пока вдруг не появилась другая вспышка, которая была значительно больше и ярче. Второй скафандр!

Это наверняка был человек. Он двигался. Медленно, равномерно спускался вниз, обходя какие-то преграды, поворачивал то вправо, то влево и направлялся к Солнечным Воротам, к той другой, далекой искорке, к другому человеку.

У Пиркса глаза полезли на лоб. Вспышек действительно было две — близкая, движущаяся, и далекая, неподвижная. В Менделееве было только двое людей — Ланье и он сам. Приборы говорили, что их трое. Трех быть не могло. Значит, приборы врал.

Быстрее, чем он успел все это продумать, Пиркс с ракетницей и патронами был уже в камере. В следующее мгновение стоял на выпуклости купола и раз за разом стрелял сигнальными ракетами, целясь круто вниз, в направлении Солнечных Ворот. Он едва успевал выбрасывать горячие гильзы. Тяжелая ручка ракетницы плясала у него в руке. Ничего не было слышно. Нажимая спуск, Пиркс чувствовал легкий удар отдачи, вырывались полосы огня, бриллиантовая зелень и фонтан сапфировых звезд, а он все палил, не разглядывая красок...

Наконец снизу из бездонной мглы что-то сверкнуло в ответ, и оранжевая звезда, разлетевшись над головой, осветила его и обсыпала, словно в награду, дождем пылаю-

щих страусовых перьев. А другая — дождем шафранового золота...

Он стрелял. И тот тоже стрелял возвращаясь. Вспышки выстрелов приближались. Наконец одна из них осветила фигуру Ланье. Внезапно Пиркс почувствовал слабость. Он весь покрылся потом. Даже голова вспотела. С него стекло, будто он вылез из ванны. Не выпускная ракетницы, сел, ноги в коленях стали неприятно мягкими. Он свесил их в открытый люк и, тяжело дыша, ожидал Ланье, который был уже рядом.

* * *

Вот что произошло. Когда Пиркс вышел, Ланье, занятый в кухне, не смотрел на приборы. Он взглянул на них только через несколько минут. Точно неизвестно, через сколько. Во всяком случае, это должно было произойти тогда, когда Пиркс возился с погасшим рефлектором. Когда Пиркс исчез из поля зрения радара, автомат начал уменьшать наклон антенны и делал это до тех пор, пока вращающийся пучок радиоволн не наткнулся на основание Солнечных Ворот. Ланье увидел там вспышку, которую принял за отражение от скафандра, тем более что неподвижность мнимого человека объясняла показания магического глаза. «Пострадавший» (естественно, Ланье подумал, что это Пиркс) дышал так, словно был без сознания, как будто задышался. Ланье немедленно надел скафандр и побежал на помощь.

В действительности изображение на экране соответствовало самой близкой из шеренги алюминиевых мачт, той, которая стояла над самой пропастью. Ланье мог бы понять ошибку, но ведь были еще показания «глаза», который, казалось, подтверждал показания локатора.

Газеты писали потом, что «глазом» и радаром заведовала электронная аппаратура, что-то вроде электронного мозга, в котором во время катастрофы, происшедшей с Роже, установился ритм дыхания умирающего канадца, и «мозг» повторял его, этот ритм, когда возникала «аналогичная ситуация». Это было какое-то подобие условного рефлекса на некоторое определенное состояние входов электрической цепи.

В действительности все было гораздо проще. На Станции не было никакого электронного мозга, только обычный автомат управления, лишенный какой бы то ни было «памяти».

«Агональный ритм дыхания» возникал из-за пробитого маленького конденсатора. Эта неисправность давала о себе знать лишь в момент, когда был открыт наружный люк. Напряжение одного контура оказывалось приложенным к другому, и на сетке «магического ока» возникали «бие-ния». На первый взгляд это напоминало «агональное дыхание». Если же приглядеться лучше, можно было без труда различить неестественное дрожание зеленоватых крыльшек.

Ланье шел к пропасти, где, как он думал, находился Пиркс, освещая себе дорогу рефлектором, а в самых тем-

ных местах — ракетами. Две их вспышки и заметил Пиркс, когда возвращался на Станцию. Пиркс, в свою очередь, через четыре или пять минут начал сигнализировать Ланье выстрелами из ракетницы.

Так кончилась эта история.

С Шалье и Саважем было по-другому. Саваж, возможно, тоже сказал уходящему Шалье: «Возвращайся поскорее», — так же, как это сказал Пирксу Ланье. А может, Шалье спешил, потому что зачитался и вышел позднее, чем обычно. Во всяком случае, люка он не закрыл. Для того чтобы ошибка приборов дала трагические результаты, нужно было еще одно случайное стечение обстоятельств: что-то должно было задержать человека, ушедшего менять пластинки в колодце, так долго, чтобы антенна локатора, поднимающаяся на несколько градусов за каждый оборот, нашла, наконец, алюминиевую мачту над пропастью.

Что задержало Шалье? Неизвестно. Поломка рефлектора? Вряд ли. Они происходят не слишком часто. Что-то, однако, задержало его возвращение на достаточно долгое время, пока на экране не появилась фатальная вспышка, которую Саваж, так же как потом Ланье, принял за скафандр.

Опоздание должно было составить самое меньшее тринадцать минут. Это удалось установить позднее, после неоднократных опытов.

Саваж пошел к пропасти, чтобы искать Шалье. Шалье, вернувшись из колодца, застал Станцию пустой, увидел на экране ту же самую картину, что и Пиркс, и, в свою очередь, отправился на поиски Саважа. Возможно, Саваж, добравшись до Солнечных Ворот, понял, что локатор принимал сигналы, отраженные от металлической трубки, вбитой в скалу, но на обратном пути упал и разбил стекло шлема. А может, и не разобрался в механизме явления, но после напрасных поисков, не сумев найти Шалье, попав в какое-нибудь сильно пересеченное место, упал. Всех этих подробностей выяснить не удалось. Во всяком случае, кандалы погибли.

Катастрофа могла случиться только на рассвете. Ведь не будь помех, оставшийся на Станции человек мог бы беседовать с ушедшим, даже не покидая кухни. Радиосвязь уничтожила бы все это недоразумение.

Кроме того, катастрофа была возможна только в случае, если выходящий спешил и оставлял люк открытым. Лишь при таком сцеплении событий проявлялась неисправность аппаратуры.

Шалье, естественно, не случайно был найден вблизи от того места, где погиб Роже. Он свалился в пропасть там, где торчал алюминиевый шест, поставленный, чтобы предупредить об опасности.

Физический механизм явления был тривиально прост: несколько случайностей, радиопомехи и открытый люк.

Гораздо более интересным был механизм психологический. Когда аппаратура, лишенная внешних сигналов, приводила в движение «мотылек» колебаниями внутренних напряжений, а на экране локатора появилось изображение

фальшивого скафандра, сначала первый, а потом второй человек принимал это за регистрацию реального положения. Сначала Саваж думал, что видит у пропасти Шалье, потом — Шалье, что видит Саважа. То же самое произошло потом с Пирксом и Ланье.

На такой вывод наталкивало еще и то, что каждый из работавших на Станции прекрасно знал обстоятельства катастрофы, при которой погиб Роже, и помнил как особенно драматическую деталь историю долгой агонии этого несчастного, которую до конца наблюдали на Станции с помощью «магического глаза».

Если уж, как заметил кто-то, и можно было говорить об «условном рефлексе», то его продемонстрировала не аппаратура, а сами люди. Полубессознательно они приходили к уверенности, что непонятным образом несчастье с Роже повторилось, на этот раз выбрав жертвой одного из них.

— Теперь, когда мы знаем уже все, — сказал Таиров, кибернетик с Циолковского, — скажите нам, коллега Пиркс, как вы разобрались в ситуации? Несмотря на то, что, как сами говорите, не поняли механизма явления...

— Не знаю, — ответил Пиркс. В окне сверкала белизна залитых солнцем вершин. Их острия вонзались в густую чернь неба. — Наверное, из-за пластинок. Увидев их, я понял, что поступаю, как Шалье. Но, может, я все-таки пошел бы, не случись еще одна вещь. С пластинками в конце концов могло быть случайное совпадение. Но у нас должны были быть на ужин омлеты, так же как и у них в тот последний вечер. Я подумал, что совпадений слишком много, что это больше, чем простая случайность. Эти омлеты, я думаю, именно они нас спасли...

— Открытый люк — следствие приготовления омлетов, повод к спешке, — сказал Таиров, — рассуждали вы совершенно правильно. Но это не спасло бы вас, доверяй вы приборам абсолютно. С одной стороны, мы должны им верить. Без электроники мы бы шагу не сделали на Луне. Но... за такое доверие иногда приходится расплачиваться...

— Это верно, — откликнулся Ланье и встал. — Я должен вам сказать, коллеги, чем мне больше всего понравился мой звездный товарищ. Что касается меня, то с этой головоломной прогулки я вернулся без всякого аппетита. Но он, — Ланье обнял Пиркса за плечи, — после всего, что произошло, поджарил омлеты и съел оба. Этим он меня поразил! Правда, я и раньше видел, что он чрезвычайно положительный человек...

— Какой?! — подскочил Пиркс.

В. ИВАНОВ-ЛЕОНОВ

Командир ОСОБОГО ОТРЯДА

РАССКАЗ

Хосе шагал в зеленом сумраке леса, пристально всматриваясь в заросли. Иногда он останавливался, прислушивался, сжимая в руках автомат, и темно-коричневое, почти черное лицо его становилось настороженным. Оплетенный лианами лес был глух и неприветлив. В густой пуганице подлеска пахло прелью и перегноем. Босые ноги Хосе погружались в мягкую, напоенную дождями почву, и теплая вода просачивалась меж пальцев.

К Перейре — командующему отрядами партизанского района — Хосе вызвали неожиданно. Партизан ломал голову: зачем он понадобился командующему? Конечно, Перейре знает Хосе: он был учи-

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

телем в миссионерской школе, где Хосе когда-то окончил всего один класс, и они вместе воевали с того самого дня, как рабочие кофейных плантаций на севере Анголы начали восстание. И все же Хосе никак не мог догадаться, зачем он, простой разведчик, нужен Перейре. Может, он в чем-нибудь провинился?

Хосе перебрался через пролом в бамбуковых зарослях — видно, здесь пробежал испуганный носорог, — вскарабкался по крутому размытому склону и, наконец, вышел к фуэсе — главному военному поселению, вокруг которого были разбросаны деревушки партизан.

Фуэсе находилось в глубине одного из освобожденных районов, в заболоченном лесу. Кривые ряды хижин стояли между деревьями, под высокими зелеными сводами. Даже свет солнца не проникал сквозь плотную массу листвы, и самолеты врага не могли обнаружить поселения.

Пройдя сквозь толпу солдат Освободительной армии, Хосе очутился у высокой хижины и отворил легкую дверь.

Перейре перестал писать и поправил металлические очки. Он внимательно оглядел лицо партизана.

— Я вызывал тебя, Хосе, — сказал он, хмурясь. — Пойдешь к границе встречать транспорт оружия из одной африканской страны. Назначаю тебя командиром особого отряда. Возьмешь людей Америкго. Сам он болен. Я помню, как ты тащил меня, раненого, на спине километров двадцать, когда португальцы разгромили нас и гнались по пятам. Уверен, что ты не подведешь. Винтовки доставите прямо сюда, в фуэсе.

— Хосе все понял, Перейре, Хосе не бросит оружия, не убежит, зажав хвост между ног.

Перейре объяснил, что Хосе должен встретиться с группой, которая доставит оружие в Анголу, на контрольном партизанском пункте Освобожденного района.

— Без винтовок не возвращайтесь. Понял? — глухо закончил он. В голосе его Хосе услышал и угрозу и мольбу. — Это наши жизни, Хосе, наша свобода.

— Даже мертвый Хосе выполнит приказ.

Отряд раненого Америкго жил в трех круглых хижинах, крытых травой. Когда появился Хосе, партизаны спали на циновках. Они недавно вернулись из похода. Хосе сообщил им о своем назначении.

— А зачем нам чужой командир? Мы и своего можем найти, — враждебно проворчал Секулу — партизан лет тридцати, с широким приплюснутым носом и татуировкой на лбу. При этом он наводил красоту — начищал зубы концом размочаленной палочки лофиры¹.

Хосе резко повернулся к недовольному партизану, опущенный его невысокую фигуру твердым взглядом и бросил:

— Секулу будет делать то, что прикажет командир. — И, обращаясь ко всем, добавил спокойно: — Идем к гра-

¹ Лофира — небольшое дерево, растущее в тропиках. Древесина лофиры пахнет ментолом, зубы от нее белеют, становятся яркими и блестящими.

нице. Поручено особое дело. Возьмем на складе консервы — и пошли. Быстро!

Партизаны мигом сорвались с постелей. Особое дело!

Секулу сразу переменялся. Он сунул палочку лофиры в карман брюк, и его широкоскулое лицо с приплюснутым носом растянулось в улыбку.

— Всем известно, Хосе — смелый разведчик. Ему маленькое дело не поручат. На какой форт будем нападать, командир Хосе?

— Хосе поведет вас, — ответил тот уклончиво.

— Тогда я, командир Хосе, сейчас... За патронами...

Секулу вышел прихрамывая. Одна нога у него была короче другой, и его называли «Киа-фуакулу», что означало «Мертвая нога». Хромой, однако, мог ходить быстро и даже бегать.

— Поскорее, и про особый отряд никому.. — бросил вдогонку Хосе.

Через минуту Секулу выскочил из соседней хижины.

Его друг, длинноголовый Динанга, с ножом — мачете за поясом тоже вышел из хижины и долго смотрел вслед уходящему отряду.

Хосе уверенно вел людей сквозь лес. То и дело обходили топи, оставленные «мазикой» — муссонными дождями. В полумраке леса было жарко и душно.

Хосе шагал стремительно — на контрольном партизанском пункте отряд ждут к утру. Секулу двигался следом за Хосе, видя перед собой широкую спину командира, его могучую шею, оголенные до плеч руки, узловатые и крепкие, как сизалевый канат. Хосе шел удивительно легкой походкой, хотя был высок и тяжел.

В полдень наткнулись на стадо кабанов-бородавочников.

— Стой, Хосе! Сейчас я одного... — пробормотал Секулу, сдерживая винтовку и целясь в большого самца с изогнутыми вверх клыками. Широкие ноздри Секулу возбужденно втягивали воздух.

— Хоу! Секулу разве не знает, что идет по важному делу? — спросил Хосе сердито. — Если Секулу, старый партизан, будет стрелять и шуметь, кто же будет соблюдать тишину?

Секулу подчинился, сказал: «Верно, командир Хосе знает: Секулу — старый партизан». Он похлопал рукой по кожаному мешочку на груди и шепнул доверительно: «Этот талисман поможет нам. Мне всегда помогает».

Хосе взглянул на мешочек и ничего не сказал. Он что-то перестал верить в силу талисманов.

К вечеру вышли на холмистую равнину, поросшую высокой слоновой травой, жесткой и острой, как лезвие мачете. Трава эта вдвое выше человека, в ней легко спрятаться, но можно и напороться на затаившегося противника.

Хосе выслал дозоры вперед и назад и двигался медленно, прислушиваясь к звукам саванны.

Стадо серых тяжелых облаков медленно ползло по небу и вскоре закрыло солнце. Почти совсем стемнело, хлынул

дождь. Теплый северный муссон без усталости гнал влагу из лесов Конго.

Сквозь шум ливня командир услышал дыхание бегущего человека. Хосе обернулся и увидел Зоао, паренька лет пятнадцати, с тонкой высокой шеей. Он все время шел позади в охранении и сейчас догонял командира.

— Парашютисты! — с хрипом выпалил паренек, жадно хватая ртом воздух. — Человек десять. По следу идут.

— И-и! — удивленно протянул Хосе и помрачнел. — Далеко?

— Шагов триста, за холмом.

Хосе зашагал быстрее, раздвигая жесткие лезвия травы. Вихрились мысли. Дождь густой, как лес, и все-таки португальцы увидели отряд. Ждали, значит, на пути к границе. Откуда узнали? И что теперь делать ему, Хосе? В отряде восемнадцать человек, и только один с автоматом да двое с винтовками. У остальных копыя и мачете. Как быть?

Надо взглянуть на парашютистов. Хосе пропустил отряд и остался в темноте под дождем — один на один с опасностью. Все чувства его были напряжены. Некоторое время он стоял прислушиваясь, потом решительно двинулся навстречу противнику.

На вершине холма Хосе спрятался в траву, стал ждать. Во мраке послышались осторожные шаги. Трава зашуршала, и в свете молнии Хосе увидел португальцев: их мокрые черные плащи, стальные каски, широкий вздернутый нос первого парашютиста, его короткую бороду — полукольцом от уха к уху. Во всей наклоненной вперед фигуре португальца чувствовалось ожидание опасности. Затем все исчезло в черноте ночи.

Надо заставить парашютистов идти медленнее: в этом спасение его отряда. Хосе, подняв автомат, ждал. При ослепительной вспышке он вновь увидел парашютиста. Их взгляды встретились, в глазах португальца полыхнул ужас. Парашютист рванулся в сторону. Хосе выстрелил, но вновь наступила темнота, и он не видел, что стало с врагом. Сухой треск автоматов прижал Хосе к выпуклой мокрой груди холма. Партизан выстрелил, не целясь, и побежал, пригибаясь, по тропе. Его пули научат португальцев осторожности, он заставит их идти медленнее!

Всю ночь Хосе вел отряд, не останавливаясь. Командир бежал сквозь мрак и непогоду, не слушая ропота усталых. Перейре знал, кому вручить судьбу оружия.

Изредка Хосе останавливался, чтобы пересчитать людей, пропуская их мимо себя. Два раза находил он Секулу в хвосте цепи. Идти последним по проторенной тропе было легче, и Хосе подозрительно косился на него. Завидев Хосе, Секулу сразу уходил вперед. Богатырская фигура командира с автоматом в руках внушала уважение всем.

Утром они, измученные и мокрые, но оживленные, пришли в поселение партизан у границы. С чистого, умытого неба на них весело глядело не горячее еще солнце. Тяжелые прозрачные капли дождя сверкали на зеленом шелке

травы. Накрытые ветвями ящики с оружием уже стояли в большой хижине.

Начальник контрольного поста Освобожденного района, худой баконго по имени Хорхе, был старым приятелем Хосе. Год назад они вместе участвовали в налете на тюрьму в столице, пытаясь освободить руководителей «Движения за независимость Анголы», а раньше оба работали на алмазных копях Луашимы. Но Хорхе словно не узнал Хосе. Поджав губы, он строго спросил:

— Ты командир отряда? Как твое имя? Есть документы на оружие?

Хосе засмеялся, показав приятелю две белые подковки зубов, вынул из кожаного мешочка бумагу с подписью и печатью коменданта фузсе Перейре и подал ее Хорхе. Тот, запустив пальцы в войлок своих волос, долго читал, медленно шевеля губами. Он глянул даже на обратную сторону бумаги и только после этого поздоровался с Хосе. Тот рассказал ему о парашютистах и попросил задержать их, если они появятся на контрольном пункте.

Через несколько часов отряд выступил. Хосе приказал разбить два ящика, раздал винтовки партизанам и повел их новой дорогой — через лес, который хорошо знал. «В лесу не остается следов», — думал Хосе.

Сначала путь лежал через саванну. Длинные ящики, тщательно обернутые травой, покачивались на головах носильщиков. Каждый ящик несли двое.

Хосе выслал дозоры во все стороны, прислушивался к каждому шуму. Пока все было тихо.

Хосе пристально всматривался в беловатую акацию. Это странное дерево сбросило листья и стояло голое во время мазики, когда все зеленело и одевалось листвой. Но не акация интересовала Хосе: на ветвях дерева сидел большой павиан и хрипло тьявкал, предупреждая стаю об опасности.

— Леопард, — сказал Секулу.

Хосе не ответил.

Возможно, в траве прятался леопард — враг павианов, — но могли быть и люди. Павиан исчез. Хосе прислушался. Португальские солдаты и «специальные охотники» — добровольные отряды белых колонистов — рыскали по саванне. Встречи с ними надо избежать.

Впереди в траве показался просвет. Хосе резко остановился. «Засада?» Он повернулся к партизанам и приложил палец к губам, затем стал медленно пробираться вперед.

— Тропа, — сказал он чуть слышно, обращаясь к Секулу. — Прошли сейчас только:

Секулу, схватившись за талисман, что-то бормотал, уставившись в землю.

Вмятина от широкого каблука с подковкой была еще полна мутной воды. Тропа огибала красный конус термитника и скрывалась в травяных зарослях. Там, где-то за термитником, прятались солдаты. Хосе выкинул автомат, ожидая нападения, готовый биться за свой драгоценный груз. Но выстрелов не было.

— Бегом! — Хосе решительно пересек тропу.

Послышался гул патрульного вертолета. Африканцы поспешно прятали в траву ящики с оружием, зарылись в нее сами. Вертолет сделал несколько кругов, улетел.

И снова партизаны наткнулись на свежую тропу. Хосе сильно тревожился — опасность шла рядом.

Носильщики бежали вниз по отлогому склону, тяжело, со свистом дыша. Уже видны красные огни цветов лианы-мусенды над вершинами деревьев.

Позади послышались приглушенные возгласы партизан: «Португальцы!» Солдаты шли следом, по пятам. Наверное, с вертолета их все же увидели. Не удалось уйти!

Хосе бросил назад усиленное охранение. Главное — не подпустить врагов близко, чтобы они не обнаружили груз.

В этой суматохе Хосе все же заметил, как Секулу, хромя, нырнул в сторону, в высокую траву, и исчез. Командир кинулся за ним и догнал через несколько шагов.

— Хоу, Секулу! Куда?

— Секулу — умелый солдат. Он пойдет в охранение. — Секулу двинулся дальше, не обращая внимания на Хосе.

— Секулу, вернись! — Хосе поднял автомат, ожег партизана взглядом. — Охраняй ящики!

Секулу повернулся, увидел грозное лицо командира с выставленной вперед тяжелой челюстью и понял: сейчас раздастся выстрел. Он улыбнулся, словно ничего не произошло.

— Командир Хосе знает, что нужно! — Секулу, хромя, пошел обратно к цепи.

Наконец вошли в лес, и Хосе, обернувшись к партизанам, ободряюще сказал: «Они поставили капкан, когда леопард уже прошел». В непролазном подлеске двигаться можно было только по тропам. Здесь легче сдержать противника. Но Хосе не знал, что парашютисты еще ночью сообщили по радио на свою базу о партизанах и враги подстерегают отряд.

Несколько часов португальцев не было слышно. Хосе подумал даже, что они отстали. И вдруг тишину разорвали винтовочные выстрелы, со всех сторон застрекотали автоматы. Охранение начало бой с противником.

Окружены! Люди заметались, бросали ящики, бежали в заросли. Хосе кинулся к ним, стараясь остановить их.

— Куда, куда? — он схватил за шиворот носильщика с серьгой в ухе. — Бери ящик. Застрелю!

Часть носильщиков исчезла в кустах, но остальные вместе с партизанами понесли ящики к крохотному озерку, продираясь сквозь заросли древовидного папоротника. Торопясь, заходили по горло в теплую воду, усеянную белыми кувшинками, опускали груз. Раздраженно кричали мартышки, взлетали вверх по черным, словно просмоленным канатам лиан.

Бой шел неподалеку. Пули с шелестом проносились в ветвях, зло шипели в листве. Приходилось пригибать голову до самой воды.

Хосе с несколькими партизанами пересек озеро, чтобы

встретить врагов. Пробежав густой подлесок, он остановился перед полянкой, откуда должны были появиться солдаты, и бросился за огромный, выходящий наружу корень упавшего дерева. Справа от него прятались за стволами Секулу, Зоа и трое бамбунду.

Португальцы приближались. В захлебывающемся треске автоматов винтовочные выстрелы партизанского охранения слышались все реже и вскоре совсем стихли. Значит, фланговое охранение уничтожено. А носильщики все еще возились с грузом...

Стальные шлемы солдат вынырнули из леса по ту сторону полянки. Среди листьев показалась небольшая модная

бородка, такая же, как у вчерашнего парашютиста. Яростно сжимая зубы, Хосе выстрелил — португалец качнулся вперед, падая, ухватился руками за ветвь анизофилы. Желтые, похожие на сливы плоды посыпались на землю. С той стороны поляны загремели выстрелы. Пули зацелкали вокруг Хосе, ударяясь в стволы.

Командир дал короткую очередь и нырнул за толстый корень упакы. Закричал раненый Зоао. Бедный мальчик! Грохот автоматной пальбы усилился. К солдатам подошло подкрепление. Но Хосе слышал, что винтовки товарищей, лежавших по бокам его, молчат.

Партизаны или перебиты, или у них кончились патроны.

Приступ злобной решимости охватил Хосе. Не пройдут португальцы к озерку, пока ящики не исчезнут на дне! Он стрелял и стрелял в невидимых противников.

Неожиданно выстрелы прекратились, несколько секунд стояла тишина. На озере уже не было слышно ни голосов, ни всплесков. Значит, оружие спрятано! Хосе сразу приободрился. Теперь уходить, и быстрее. Хосе вскочил на ноги, прячась за стволом. Он хотел окликнуть Зоао, и в этот момент сзади раздался шорох.

Хосе повернул голову и увидел направленную на него в упор винтовку и Секулу с раздувающимися от волнения ноздрями.

— Подними руки, командир Хосе! — прорычал Секулу.

Хосе замер. Ярость душила его. Предатель! Он хочет взять командира живым. Но если он, Хосе, умрет, умрет и Секулу! А оружие? Как зверь в капкане, металась мысль, отыскивая путь к спасению. Повернуться и выстрелить не успеешь. Не размышляя больше, Хосе вдруг прыгнул к стволу сейбы, и в тот же миг рядом грохнуло. Что-то тяжелое ударило по затылку, толкнуло вперед голову. Темная волна подхватила Хосе, и он ринулся с крутой водяной гряды вниз, все быстрее и быстрее. Секулу стоял внизу среди зеленых камней и водорослей, маленький, как муравей, и целился в него из винтовки. Хосе падал долго. Потом Секулу исчез. На его месте появился комендант Перейре и сердито закричал, чтобы Хосе нырнул за ящиками...

Хосе открыл глаза и сразу вспомнил все. Он повернул голову, отыскивая взглядом Секулу, и едва не вскрикнул от резкой боли в затылке. Сквозь темную пелену, застилавшую глаза, он увидел предателя. Секулу шел через полянку, увязая по колено в заболоченной почве и размахивая листом бумаги. «Сейчас расскажет об оружии». Пересиливая боль, Хосе оперся на локоть и в прицельном кольце автомата увидел грязную, мокрую рубаху, прилипшую к спине. Хосе яростно дернул спусковой крючок. Он стрелял даже тогда, когда Секулу уже неподвижно лежал на траве...

Хосе поднялся и бросился прочь. Мысли расплывались, путались. Раненым носорогом бежал он, не разбирая дороги. Деревья мешали ему, кружились, натывались на него. Корявое бревно вдруг вцепилось ему в голову и стало разрывать затылок. Потом ноги его подогнулись, он упал, перевесившись через толстую лиану, поплыл по широкой реке. Река превратилась в улицу Луанды, полную народа, Хосе было стыдно, что он лежит, остановив движение. Люди возле него спорили о чем-то, и постепенно их слова стали доходить до него.

— С автоматом — значит командир, — говорил один. — Надо допросить.

— Есть приказ кончать их на месте, — возразил другой, и Хосе понял, где он. Он слышал, как подошел офицер и начальственным тоном приказал: если «террорист» сможет идти, доставить его живым.

— Майор любит допрашивать командиров.

Солдат ткнул партизана ботинком, и Хосе, преодолевая тошноту, поднялся на ноги. Его обыскали, отняли пропуск для контрольных постов Освобожденного района.

Хосе осмотрелся. Португалец деловито обходил раненых партизан, осматривал и неторопливо стрелял в голову. Один бамбунду был мертв, и португалец брезгливо отвернулся от него. Когда очередь дошла до Зоао, мальчик закричал и попытался подняться. Португалец придавил его башмаком на толстой подошве, выстрелил в висок.

Хосе рванулся из рук врагов и едва не упал от слабости. Солдат, от которого пахло вином, связал ему назад руки и ткнул для острастки кулаком под ребра.

Все двинулись к озеру. На берегу остановились, рассматривая черную гладь. Хосе замер: белые чашечки кувшинок были забрызганы грязью, и это могло вызвать подозрение португальцев. Но они спокойно переговаривались — перейти ли им озерко или обойти его. Хосе прислушивался, ждал. Наконец пошли в обход. Все! Не знают, ничего не знают! Ноги его налились силой, зашагали увереннее. Не знают. Он вернется сюда, он убежит!

Вооруженные автоматами португальцы выходили на тропу, узким тоннелем пробивавшую заросли, несли трофейные винтовки и ружья. Хосе пересчитал добычу врагов: семнадцать винтовок и ружей. Восемнадцатый — его автомат. Значит, весь особый отряд уничтожен. Он, командир, остался один. Носильщики, даже если кто-нибудь из них и спасся, не знают этого леса и никогда не найдут озерка. Теперь он, Хосе, не мог умереть. Он должен вернуться за оружием...

Хосе шел среди врагов по зеленому коридору. Пламене-ли цветы лиан-ротангов. Все, что росло, тянулось к солнцу и свету. Фicusы-душители карабкались по стволам деревьев, оплетая их, сжимая в цепких смертельных объятьях. Хрипло кричали в ветвях серые попугаи. Но Хосе ничего не замечал, раздавленный поражением и свалившейся на него страшной ответственностью. Он видел перед собой лица убитых товарищей. Это он, плохой командир, виноват в их смерти.

Тут командир вспомнил Секулу — видно, из-за него погибло несколько отрядов в саванне. Но как сумел он предать особый отряд? Хосе вдруг вспомнил о длинноголовом Динанге, к которому Секулу бегал перед выходом отряда из фуэсе. Хосе часто видел их вместе. Ясно — Динанга навел на партизан парашютистов. Хорошо еще, что длинно-головый не знал об оружии. Секулу сам услышал о нем только на контрольном пункте.

Вечерело, когда они вышли к затянутой дымкой тумана деревушке баконго. Три десятка хижин с травяными крышами стояли, сбившись в несколько кругов. На краю селения горбатилась большая полуразрушенная хижина — дом собраний, в котором, как видно, уже никто не бывал. За деревней темнели поля маниоки и ямса. Свиньи, худые и проворные, уставились на солдат маленькими глазками.

Несколько коз паслись на привязи. Ни одной коровы во всей деревне — страшная нагана, которую разносит муха цеце, свалила весь крупный скот.

Загорелый колонист с белой — от шляпы — полоской на лбу ввел Хосе в хижину старейшины деревни. Коптилка тускло освещала темные стены. Старейшина — баконго лет шестидесяти, с худыми голенастыми ногами и добрым испуганным лицом — молча, покорно смотрел на вторгшегося португальца.

Колонист приказал Хосе сесть к стене, смахнул с тумбочки деревянные фигурки и уселся на нее, пристально вглядываясь в пленного. В глазах его горела ненависть.

— А я тебя, кажется, знаю, — сказал он тихо, едва сдерживаясь. — Ты был на моей плантации, когда террористы сожгли ее! — Взгляд португальца гвоздем вонзился в Хосе: он хотел видеть, как задрожит от ужаса пойманный «террорист». Но Хосе только пожал плечами.

— Где это было? — спросил он безразличным тоном.

— Еще спрашиваешь, бандит? Не помнишь плантацию Фазенда-Примавера? — Португалец неотступно следил за лицом Хосе.

— Фазенда-Примавера? Не слыхал, — сказал Хосе нарочито спокойно и отвернулся. Он был на плантации с партизанами, когда началось восстание в марте шестьдесят первого года, и не сомневался, что колонист тут же застрелит его, если узнает. Теперь он вспомнил этого поселенца. Его схватили тогда собственные «контрактадо» — «законтрактованные» с помощью полиции рабочие, — но он как-то ухитрился удрать. На миг Хосе вновь увидел горящее дымным пламенем бунгало и разъяренных контрактадо, валящих ударами острых мачете кофейные деревья. — Похожих людей много. Белые всегда путают нас. А ваш офицер велел доставить меня живым.

На лице португальца появилось сомнение: уж слишком спокойно говорил пленный. Ствол автомата медленно опустился вниз. Плантатору не хотелось понапрасну ссориться с офицером парашютистов.

— Все равно тебя пристукнут, — сказал он злобно. — Всех вас надо... Ну, скажи: зачем террористы сожгли мою плантацию?

— Что утром положишь в горшок, то вечером найдешь в своей ложке, — неторопливо ответил Хосе. — Деревья рубить не нужно, килека (правда)! Это наши деревья. Вы забрали их вместе с нашей землей. Разве португальцам тесно дома, что они гонят нас с земли наших предков?

— Килека! — передразнил португалец. — Обучай вот их всему, а они вместо благодарности тебя же прирежут. — Кому нравится работать под плетью бесплатно или за анголар в день?

— Анголар? — раздраженно сказал поселенец. — А еда? Да ты знаешь, что за каждого контрактадо мне пришлось дать чиновнику департамента туземных дел взятку в десять раз больше, чем я плачу рабочему за полгода? Если вас не бить, вы и этот анголар не оправдаете.

Поселенец встал, позвал с улицы солдата и ушел. Солдат уселся на тумбочку и принялся чистить автомат, не глядя на пленного.

Старейшина поправил тонкий огонек коптилки. Руки его до самых локтей страшно распухли.

— Что у тебя с руками? — спросил Хосе. Он подумал, что старик мог бы освободить его ночью.

— Ой, брат, бараматола! Двести ударов. Начальник округа приказал послать двадцать рабочих для компании «Котонаж», а у нас одни старики да дети. Все молодые на плантациях и в отрядах. Собрал только одиннадцать человек, даже семилетних отправил. Да простят меня предки за это. И вот двести ударов.

Хосе покосился на солдата: судя по светлой, незагорелой коже, он недавно прибыл в страну и едва ли знал язык киконго².

— У этих парашютистов есть приказ, — сказал Хосе, — сжечь все деревни, которые восстали. А вас перестрелять, килека-килека! Хосе знает. Уходи сегодня в лес и другим скажи!

— Куда же идти, брат? А поля, а маниока?

— Мертвым маниока не нужна.

Старик растерянно осмотрелся, горестно вздохнул.

— Разрежь ночью мои веревки, — сказал Хосе, не меняя голоса. — Вместе уйдем.

— Они перебьют мою семью.

— Семья тоже уйдет. В лесу места много. Разрежешь?

Старик взглянул на парашютиста и промолчал.

Ночью Хосе долго ждал. В хижине горела коптилка. Солдат и колонист спали, накрывшись плащами. Хосе слышал их ровное дыхание. Он пытался развязаться, но поселенец накрепко прикрутил его к столбу.

Придет старик или нет?

Наконец послышались осторожные шаги. Полот двери приоткрылся. В черном проеме показалось искаженное страхом лицо старейшины. Африканец на четвереньках пополз к пленнику, припадая к земле при каждом шорохе. Хосе, замирая, следил за ним глазами. Вот она, свобода. Лес рядом! Старик добрался до пленного и, метнув взгляд на спящих, полоснул ножом по натянутой веревке. Веревка глухо лопнула.

Проснулся парашютист. Пробормотав что-то, он приподнялся на локте и, заслонив ладонью пламя коптилки, осмотрелся. С необычайным проворством старик шмыгнул к двери и исчез на улице. Парашютист вскочил, разбудил поселенца, и оба они бросились в темноту. Хосе отчаянно старался развязаться. Он раскачивался всем корпусом, изо всех сил натягивал веревки руками. Они постепенно слабели — еще немного усилий, и он сможет встать. Но пор-

¹ Бараматола, или пальматорио, — небольшая ракета с отверстиями, которой бьют в наказание.

² Киконго — язык африканского народа баконго.

тугальцы вернулись, с проклятьями вновь прикрутили его к столбу.

За ночь руки и ноги Хосе отекли, и когда утром его развязали, он едва мог стоять.

На поле маниоки, грохоча мотором, опустился вертолет американского производства. Связанного Хосе отвели в кабину.

В круглое окно он видел, как солдаты вытаскивали из жилищ стариков и женщин с детьми, загоняли их в хижину собраний. Старейшина в разорванной на груди рубашке плакал и показывал офицеру нательный крест. Но тот нетерпеливо оттолкнул старика...

Потом поселенец с белой полосой на лбу, который ночью охранял Хосе, остановился у входа в хижину, спокойно проверил автомат и, хищно прищурившись, дал несколько очередей по африканцам.

Хосе скрипел зубами в бессильной ярости. Дикае люди! Их сердца не знают жалости!

Около пятнадцати парашютистов, громко переговариваясь, влезли в машину. Вертолет зарокотал, плавно поднялся над крытыми травой хижинами, замер над домом собраний. Небольшая бомба скользнула вниз, покачивая оперением. Хижина вспыхнула. Яркое маслянистое пламя разбрасывало горящий напалм на соседние постройки. Черный дым косо поднимался в небо. Огонь быстро охватывал деревню.

Вертолет, басовито напевая свою однообразную песню, пошел на запад, к океану.

Внизу на дороге, превращенной дождями в реку жидкой красной грязи, показалась толпа беженцев с узлами на головах: люди спасались от зверств португальцев.

Через час сели на небольшой аэродром в саванне с одиночными разбросанными по степи молочаями. В маленьком домике у Хосе сняли отпечатки пальцев, и солдат отвел его в опутанную колючей проволокой клетку, сооруженную для пленных прямо под открытым небом. Даже сверху клетка была затянута колючей проволокой.

Арестованные хмуρο оглядели Хосе. Их было около десяти. Одни из них сидели неподвижно, мертвыми глазами смотрели перед собой. Другие нервно ходили. У парня с седыми волосами рот был закрыт протетым прямо сквозь губы замком. Африканец, раненный в грудь, уставясь в небо, читал молитвы.

Баконго с умными глазами пригласил Хосе сесть возле него. Хосе никогда не встречал таких ученых-ангольцев. Педро Феликс учился в университете за границей, был поэтом и автором манифеста «Свободу народу», хотя и служил простым клерком в конторе Марганцевой компании в Луанде. Он состоял в подпольной организации «Движение за независимость Анголы». Все это уже было известно полиции. Парашютисты схватили его в деревне Боо-Нуту, когда Педро Феликс пробирался с женой в партизанский отряд. Жену убили сразу.

— Бедные мои дети, — проговорил Педро грустно. — Со всем крохотные, остались в Луанде у знакомых.

— Бежать надо, — сказал Хосе.

— А как? — Педро кивнул на автоматчика у клетки.

— Ты думай — как, и Хосе будет думать. Только с аэродрома вырваться, а там — в траву.

В полдень Хосе вызвали на допрос к майору. Майор — немолодой узкоплечий португалец с острым, как мечете, лицом — читал какую-то бумагу, не глядя на пленного.

Двое парашютистов, приставив к спине Хосе широкую доску, стали привязывать его к ней. Хосе чувствовал, как холодная волна страха поднимается в груди. Он оглядел комнату, стараясь подавить волнение. Грязный пол — в темных пятнах крови. На столе клещи, колодки, иглы.

Майор поднял колючие глаза. На мгновение в них появилось что-то живое, когда он увидел богатырскую фигуру Хосе.

— Ну, белый человек знает все. Ты Хосе Дестино. — Он показал Хосе его документ и вдруг рывкнул: — Где находится твой отряд?

Привязанный к доске, Хосе стоял между двумя португальцами. Страх его прошел, возвратилось спокойствие. Они все еще ничего не знают об оружии. Только бы уйти живым из камеры! Он начал словесный бой.

— В лесах Сьерра-да-Гамба, — Хосе назвал Освобожденный район. — Хосе может провести вас туда.

— Хочешь удрать? Мы и без тебя знаем, что в том районе полно террористов. Скажи: кто из туземных рабочих на нефтеперегонном заводе в Луанде связан с тобой? Ты ведь там работал в последнее время? — Он развернул список, взял ручку. — У нас есть донесения о тебе от Секулу, которого ты убил.

— Секулу сказал неправду. Хосе ушел один. Каждая гиена знает дорогу в лес.

— Гиена? Ты не хочешь говорить со мной? — майор зло уставился на Хосе. — Я вижу, ты смелый парень. Но у меня разговаривают все. Кого знаешь на заводе?

По знаку майора парашютисты бросили доску с партизаном на пол, деловито укрепили провода на его голове и ногах. Португалец закрутил ручку магнето, боль пронзила все мышцы Хосе. «Конец, — решил он. — Крепко держи свою душу, Хосе. Не кричи перед врагами».

Два часа возились с ним парашютисты. Хосе то терял сознание, то снова приходил в себя.

— Пристрелить его, и все, — сказал один португалец и бросил на пол плетъ из кожи носорога.

— Крепок, ничего не скажешь, — процедил майор. Ему хотелось узнать хоть что-нибудь от командира «террористов» для рапорта начальству. Он вскинул глаза на Хосе, словно собираясь что-то еще сделать, потом взглянул на часы и махнул рукой: «Довольно». Этот «террорист» с квадратной челюстью будет молчать, даже если его распилить на части. Черт с ним, с Хосе Дестино. Надо идти обедать.

Хосе отвязали. Он с трудом поднялся, стоял покачиваясь. Майор вычеркнул имя пленника из списка. Размашисто написал вкось на протоколе допроса: «Передан истребительному отряду».

Хосе вернулся в проволочную клетку, молча сел рядом с Педро Феликсом, положив голову на колени. От перенесенного напряжения ломило тело, дрожали связанные руки. Педро ни о чем не спрашивал. Он сам побывал у майора.

Хосе думал, снова переживал поражение, гибель отряда. Одна мысль билась в мозгу — спасти оружие. Как дать знать о нем Перейре, если придется умереть? Педро тоже не уйдет отсюда. Нет, нельзя умирать, надо бежать.

Привели человек пятнадцать африканцев. Пленные стояли у входа, хмуро осматривались. Клетка была полна.

— Конеч, — тихо сказал Педро. — Им нужно место. Сейчас нас поведут. Бедные мои дети!

К клетке, смеясь и переговариваясь, подошли несколько парашютистов. Хосе смотрел на них, не отрываясь. Молодые, полные сил, они привыкли убивать не задумываясь. Сейчас они убьют и его, Хосе, если он ничего не предпримет.

Парашютисты вывели пленных из клетки. Хосе бросил взгляд на саванну, вздымавшую свои травы за аэродромом. Далеко. Со связанными руками не добежать.

Узников окружили, повели к взлетной дорожке.

Педро, встревоженный, шел рядом с партизаном.

— Ну, Хосе, прощай. Сейчас, кажется, конец.

— Нельзя Хосе умирать, — тихо сказал партизан. И, поколебавшись, добавил: — Хосе спрятал много винтовок, а в отряде не знают где. Бежать надо, и Педро тоже убежит со мной.

Педро взволнованно посмотрел на партизана.

— Винтовки? Как же ты так?

— Ты уже придумал, как убежать? — перебил его Хосе. — Если еще можно будет, вместе придумаем.

У вертолета остановились. Подталкиваемые солдатами-африканцами, поднялись по трапу. С железным лягом хлопнула дверь. Загудел мотор, и вертолет пошел вверх.

Летели к океану на небольшой высоте. Хосе сидел рядом с Педро, напряженно вглядываясь в расстилавшуюся под ним саванну.

Лучи заходящего солнца окрасили багрянцем настороженные лица.

— На Остров смерти летим, — подумал вслух Хосе.

— Нет, — возразил Педро. — Просто не хотят рыть для нас могилы, — вот он, океан!

— Сбросят?

Педро промолчал.

Хосе отчаянно пытался освободиться от пут. Крепкая шея его раздулась, напряглась.

— Развяжи мне руки, Педро, — прошептал он.

Они повернулись друг к другу спинами, и Педро незаметно принялся за дело.

Ровно гудел мотор вертолета. Внизу проплывал высокий

угрюмый берег с белой пеной прибоя. Солнце опустилось за выпуклую синюю чашу. Вертолет с десятком смертников уходил на небольшой высоте в открытый океан.

— Скорее, Педро, — возбужденно шептал Хосе, — скорее!

Связанные руки Педро работали медленно. Офицер отдал какую-то команду.

— Быстрее, Педро!

Открылась прямоугольная дверь, два солдата схватили парня с замком на губах. Тот замычал, уперся ногами в пол. Солдаты подтащили его к двери. Один из португальцев приставил пистолет к затылку пленного, выстрелил.

Парашютисты вернулись за второй жертвой. Снова выстрел, и снова связанный африканец полетел в бездну. Один за другим исчезали пленные за бортом.

Наконец Хосе освободился от веревки.

— Повернись, сожми кисти плотнее, — Хосе тяжело дышал.

— Мне конец, Хосе. Я не умею плавать, — голос Педро звучал глухо, но спокойно.

— Держи свою душу, Педро. Хосе с большой скалы прыгал в море. Мы с тобой оба...

— Слушай, Хосе, — перебил Педро, хмурясь, — тебе надо спастись. Ты должен доставить оружие во что бы то ни стало. Я помогу тебе... Сделаю все... Мне уже не спастись.

— Мы оба... килека... Поворачивайся...

Хосе возился с узлами на руках товарища. Солдаты были возбуждены, не обращали на них внимания.

Африканец со штыковой раной в груди смотрел в потолок обезумевшими глазами, шептал молитвы. Его подвели к двери. Он не сопротивлялся — не понимал, что происходит. Португалец сбросил его ногой в пропасть.

Парашютисты схватили последнего арестованного, сидевшего перед Хосе.

Настала его очередь. Эх, не успел он развязать руки Педро!

— Высканивай вместе со мной, — зашипел Хосе. — Падай головой вниз.

— Прощай, Хосе, ты должен спастись...

— Держи свою душу, Педро...

Все силы собрал Хосе. Вот идут двое. На их лицах безразличие и жестокость. Они хотят, чтобы он умер, растворился, как соль, в океане. Враги подходят, наклоняются над ним. Сердце толкает кровь к самому горлу. Надо выпрыгнуть прежде, чем выстрелят в голову...

Солдаты рывком поднимают Хосе.

Пора! Страшный удар железного кулака отбрасывает парашютиста к стенке. Хосе сминая, бросает на пол второго противника, прыгает через него, проскакивает мимо португальца, стоящего с пистолетом напротив двери. Позади топот. На мгновение краем глаза Хосе видит наведенный на него пистолет парашютиста, гневное лицо Педро, ринувшегося между ним, Хосе и солдатом. Затем крик Пед-

ро: «Прыгай!», выстрел. Хосе падает в свистящую бездну, летит вниз, сжавшись в комок. Мощный поток ударяет в лицо, ревет в ушах.

Хосе кувыркается. Синее небо и черный океан стремительно гонятся друг за другом по огромному кругу. В голове мутится. Стремясь остановить кружение, Хосе инстинктивно вытягивает руки и ноги. Кувыркание прекращается. Хосе стремительно летит в бездну. Могучий холодный шквал с воем несется навстречу, тянет за волосы, резинной струей врывается в рот, раздувает щеки, останавливает дыхание.

Хосе, напрягаясь, пытается лечь на упругую чудовищную струю вихря, распластаться на ней. Внизу необъятная черная равнина. Вокруг только ветер. Сквозь слезы, застилающие глаза, Хосе вглядывается в синеватый мрак. Хосе судорожно пытается выпрямиться, падать вниз головой. Он сгибается пополам, выпрямляется. Гряда темных валов приближается с невероятной быстротой. В реве и свисте падает Хосе навстречу темной пучине, страшным усилием удерживает вертикальное положение тела.

Держись, Хосе! Напряги все силы! Не дай океану оглушить тебя.

Рядом тусклый блеск воды. Удар. Всплеск. Ожгло лоб. Тонны упругой шипящей воды мчатся вдоль тела. Хосе метеором пронесется вглубь. Трещит в ушах. Хосе боится глубины, прогибается, тело очерчивает в воде крутую дугу. Все силы напрягает Хосе, чтобы океан не сломал его, не переломил в спине. Вот он пошел вверх. Движение замедляется. Над головой многометровая толща воды. Ноги и руки отчаянно работают. Грудь и живот конвульсивно вздрагивают. Воздуха! Тело сотрясается в удущье. Еще далеко! Хосе стиснул зубы — не открывать рта!

Вот она, поверхность, рядом! Хосе судорожно вздыхает. Поток воды устремляется в жадно открытые легкие. Хосе выныривает, с кашлем извергает воду и дышит, дышит, дышит.

Пологие волны медленно поднимают его и опускают. Хосе осматривается. Далеко-далеко закрытый серым туманом берег. Туда! Там его друзья...

В синей выси гудит вертолет врага. Хосе провожает машину взглядом. Где-то рядом утонул сейчас Педро Феликс, его новый благородный товарищ. Педро сказал ему: «Ты должен спастись. Я помогу тебе». Умирая, он хотел, чтобы Хосе жил, чтобы отряды получили оружие. И за это он, Хосе, пойдет в Лунду, найдет там детей Педро и возьмет их к себе. Они будут жить с ним в лесу до победы. И еще Хосе думал о том, что и он поступил бы так же, будь он на месте Педро...

Могучее Бенгельское течение несет его на север. Еще далеко до берега, но теперь Хосе не может умереть. Много сил у Хосе. Он доплывет. Отряды ждут оружие.

Есть в истории русского флота славные революционные страницы, известные пока немногим. Пользуясь материалами революционного отдела Центрального военно-морского музея, писатель Зуев-Ордынец попытался восстановить некоторые забытые революционные события, участниками которых были русские матросы.

Сейчас, когда наша страна отмечает срок пятую годовщину Советской Армии и Военно-Морского Флота, эти страницы читаются с особым волнением.

Бунт на борту

Мих. ЗУЕВ-ОРДЫНЕЦ

Летопись гордой славы русского морского флота! И грозкая боевая слава морских сражений, и слава тяжелых, дальних походов, открытий и исследований.

Модели кораблей, картины, рисунки, фотографии, карты, ордера морских батальев, написанные руками прославленных флотоводцев, старинные лоции, медные корабельные пушки, флаги, гюйсы, вымпелы.

Вот герои Чесмы, Наварина, Синопа — корабли «Азов», «Евстафий», «Гром», вот «Надежда» Крузенштерна и «Нева» Лисянского, первые корабли русского флота, обошедшие вокруг света. В кильватер им пристроились бриг «Рюрик», под командованием славного русского мореплавателя Коцебу открывший в Тихом океане многие острова и целые архипелаги, и военные шлюпы «Восток» Беллинсгаузена и «Мирный» Лазарева, открывшие новый материк Антарктиду. Здесь же и воспетый Гончаровым фрегат «Паллада».

А в следующих залах эпоха пара. Железные клиперы и корветы, пароходы и стальные броненосцы. Корабли песенной славы: крейсер «Варяг», канонерская лодка «Кореец», миноносец «Стерегущий». Чтобы не сдать врагу в бою под Порт-Артуром, моряки «Стерегущего» открыли кингстоны и потонули с гордо развевающимся на стеньге боевым русским флагом. И снова корабли, корабли-путешественники, исследователи, от-

кроватьели: корвет «Витязь», доставивший Миклухо-Маклая на Новую Гвинею, и корвет «Витязь» флотоводца и океанографа С. О. Макарова. За обширные и ценные исследования в Тихом океане название корвета записано золотыми буквами на фронтоне океанографического музея в Монако, в числе только десяти других судов. Здесь же, конечно, и «ледовый дедушка», тоже макаровский, «Ермак».

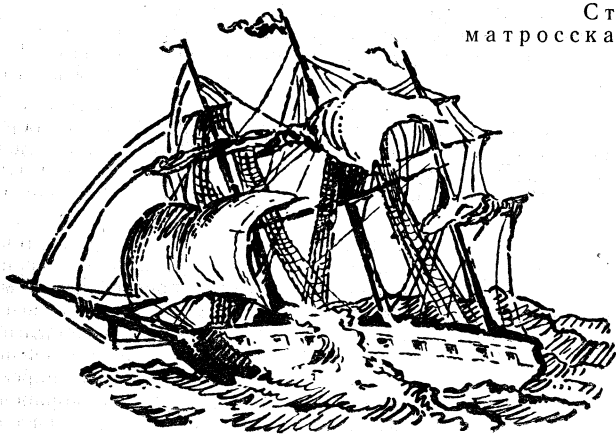
Но есть в музее залы, где хранится память о других кораблях, овеянных подчас трагической славой кораблей бунтарей и мятежников. Это на их палубах, мостиках и шканцах звучали мрачные слова, бросающие в озноб даже суровых капитанов:

— На борту бунт!..

КОРАБЛИ-БУНТАРИ

*Паруса на мачтах рвутся,
у матросов слезы льются.
Ой, братцы, льются!..*

Старинная
матросская песня

ТАСМАНИЙСКИЙ БУНТ

Тихим майским вечером 1823 года в порт города Хобарт, столицы острова Тасмания, медленно вошел трехмачтовый военный фрегат. Губернатор Тасмании коммодор Сарель с веранды своего дома разглядывал в зрительную трубу вошедший корабль. Фрегат глубоко зарывається носом в воду, значит в форпике вода, ванты провисли, а бакштаги слабо держат мачты, и они «ходят» в своих гнездах. Опытный моряк, коммодор без труда определил, что фрегат перенес жестокую трепку в океане. На гафеле корабля развеялся русский флаг — голубой андреев-

ский крест на белом поле. «Редкие гости!» — подумал Сарель. Паруса на мачтах исчезли с удивительной быстротой, заворчала в клюзе якорная цепь, и загремели пушки русского корабля — салют наций.

Не успели смолкнуть ответные залпы Хобартской крепости, как от фрегата отвалил капитанский вельбот. Коммодор радушно принял русского офицера — свой брат моряк! А когда офицер представился командиром фрегата «Крейсер» капитаном второго ранга Лазаревым, в радушии коммодора почувствовалось и глубокое уважение. До Сареля уже дошел слух о плавании шлюпов «Восток» и «Мирный» в самых южных широтах Тихого океана. Отчаянные парни эти русские! Три года назад всему свету было известно, что мир кончается пятым материком — Австралией. И вот перед ним, Сарелем, сидит один из открывших шестой материк, бывший командир шлюпа «Мирный».

Лазарев рассказал коммодору, что «Крейсер» и еще один корабль, «Ладога», находятся в кругосветном плавании. В Индийском океане фрегат пятеро суток трепал жестокий шторм, но все поломки будут исправлены силами экипажа.

«Лазарев опять в кругосветку пошел, и я не удивлюсь, если этот лихой моряк откроет и седьмой материк!» — подумал Сарель и охотно разрешил свезти на берег русских матросов. Он даже посоветовал подняться на шлюпках вверх по реке Дервент, в глубь острова, где растут мощные эвкалиптовые леса.

Не знал коммодор, что, давая это разрешение, обрекал себя на великие тревоги и волнения. Он не мог знать, что на борту «Крейсера» назревал матросский бунт. Команда искала удобный момент, чтобы свести, наконец, счеты со своим смертельным врагом, старшим офицером фрегата капитан-лейтенантом Кадьяном.

Кадьян славился на весь Балтийский флот зверской жестокостью в обращении с матросами. Он был виртуозом и в сквернословии, но здесь имел особенность — питал пристрастие к мифологическим именам. А матросы, услышав непонятные выражения вроде «Аполлон лопоухий» или «Меркурий тупорылый», чувствовали в этом особенное презрение к ним старшего офицера. Кадьян, воплотивший в себе самые жестокие черты царского офицера — самодура, превратил и без того суровую корабельную дисциплину в бессмысленное и бесчеловечное издевательство над матросами. Он придирался к любой мелочи, и на баке почти ежедневно свистели линьки. На другой день после разговора Лазарева с Сарелем два больших баркаса с фрегата вошли в устье Дервента и вскоре скрылись из виду. На берег съехало более двух третей экипажа. А еще через пару дней к фрегату, нещадно полосая палкой темные голые спины гребцов-тасманийцев, примчался взбешенный губернатор. Не дожидаясь, когда ему спустят парадный трап, он взлетел по шторм-трапу и, едва перевалившись через фальшборт, начал орать, что от русских вечно жди беды! Дождался беды и он, губернатор Тасмании! По вине русских на Хобарт надвигается страшная опасность! Высаженные на берег русские матросы взбунтовались и двигаются к городу, чтобы захватить фрегат и повесить

на ноке одного из офицеров, какого-то Кадыяна. К русским присоединились английские каторжники и дезертиры, сосланные на остров. Коммодор кричал, что у него только полурота и мятежники без труда могут захватить город, порт и всю колонию. Лазарев с немалыми усилиями успokoил губернатора и выпроводил его с фрегата. Но сам капитан 2-го ранга был взволнован. С третью команды он не сможет выйти в море, чтобы спасти корабль от бунтовщиков. Да и на оставшихся можно ли положиться? Теперь многое стало ясно! Теперь командир понял, в каком отчаянном, мучительном напряжении жили матросы во время плавания. Он ушел в свою каюту и приказал вестовому позвать к себе только одного офицера, которого любил и глубоко уважал, лейтенанта Завалишина, будущего декабриста.

Лазарев в невеселом раздумье катал по столу ладонью карандаш. Поднял глаза на вошедшего Завалишина и приветливо улыбнулся.

— Без чинов, Дмитрий Иринархович. Прошу садиться, — пригласил Лазарев. — Вы знаете английский и поняли, что кричал коммодор. Как будем усмирять мятеж?

— Оружием? — настороженно спросил Завалишин.

Лазарев вспыхнул и мучительно сморщился.

— Как у вас, голубчик, язык повернулся?

— Михаил Петрович, мы все знаем, что вы справедливый, добрый человек и безупречный командир! — взволнованно заговорил лейтенант. — Но откройте пошире глаза. У матроса двадцатипятилетний срок службы. Великий труженик и мученик! А у нас ежедневные порки, избивания, вечный страх и трепет. И кого терзают? Наши матросы ставят паруса в две минуты! На царской яхте только такое увидишь!

— Вам сколько лет, Дмитрий Иринархович? — ласково посмотрел на лейтенанта Лазарев. — Ручаюсь, и двадцати нет.

— Девятнадцать, — смутился Завалишин.

— Вот то-то: Свежестью от вас веет.

— Извольте взглянуть, Михаил Петрович. Так у нас чуть не каждый день! — распахнул Завалишин дверь капитанской каюты.

Капитан приподнялся вглядываясь. На баке стояла широкая скамья, а по обе стороны ее вытянулись два унтер-офицера с линьками в руках. Лица их были угрюмо-напряженными.

— Линьки с узлами! Против морского устава! — сказал возмущенно Завалишин.

Около скамьи стоял и капитан-лейтенант Кадыян, огромный, плечистый верзила с таким низким и узким лбом, что при взгляде на него становилось не по себе. Возле Кадыяна, понурив голову, ожидал порки матрос. Кадыян с размаху ткнул матроса кулаком в зубы, рявкнул свирепо:

— Ложись, Гермес мокрогубый! Влепить ему пятьдесят!

— Вестовой, — крикнул Лазарев, — передай старшему офицеру: линьки отставить! И пригласи его в мою каюту!

Вошел Кадыян, вытянулся, ожидая приказаний.

— Господин капитан-лейтенант, — с холодной и брезгливой любезностью обратился к нему командир фрегата, — покорнейше прошу вас удалиться в свою каюту и не выходить без моего разрешения!

— Есть! — вытянулся ошеломленный Кадьян.

А когда он вышел, Лазарев измученно опустился на диванчик.

— А что же с бунтующими матросами будем делать, Дмитрий Иринархович?

— Господин капитан второго ранга, — вытянулся по-строевому лейтенант, — прошу разрешить мне отправиться к взбунтовавшимся матросам. Я попробую уговорить их вернуться на фрегат. Но обещайте, что никакого наказания на них наложено не будет.

— Поезжайте, поезжайте скорее, дорогой Дмитрий Иринархович! Я знаю, что матросы любят вас за вашу доброту и постоянное заступничество. Ну конечно же, никаких наказаний не будет! Гребцов ваших вооружить? Береженого бог бережет!

— Я даже кортик с собой не возьму. Не запугивать еду, — ответил Завалишин.

Остаток этого дня и весь следующий день Лазарев не заглянул в свою каюту. Мрачный, понурившийся, мерял он шагами шканцы. Даже ночь он провел на шканцах, в кресле. Под вечер следующего дня сигнальщик вдруг крикнул:

— На левый крамбол два баркаса! Наши!..

Лазарев перекрестился мелко, часто, обрадованно.

Матросы поднялись на фрегат, угрюмо и опасно оглядываясь. Но не видя вооруженного караула, а главное, не видя Кадьяна, они успокоились. И едва боцманские дудки просвистали аврал и раздалась команда: «По местам стоять! С якоря сниматься!» — матросы взлетели на реи как бешеные.

А когда берега Тасмании скрылись за горизонтом, к лейтенанту Завалишину подошел молоденький офицер, которого на фрегате все любовно звали просто Павлушей, лейтенант Нахимов, будущий герой Севастопольской обороны.

— Вы знаете, Дмитрий Иринархович, — счастливо улыбаясь, сказал лейтенант Нахимов, — что Михаил Петрович не разрешил записывать в вахтенный журнал о случившемся?

„КРЕЙСЕР“ БУНТУЕТ СНОВА

Это случилось на Аляске, на рейде Новоархангельска. В ноябре 1823 года «Крейсер» пришел сюда из Тасмании и в ноябре же должен был отправиться в дальнейшее трехгодичное кругосветное плавание. Команда безропотно выполняла трудные работы по очистке днища фрегата от морских ракушек и водорослей и перетяжке такелажа. Назначен был уже день и час снятия с якоря. На палубе заканчивали найтовку перед походом, плотники забивали последние клинья под люковые брезенты, когда в каюту Лазарева вбежал вахтенный офицер и нервно доложил:

— На борту бунт!.. Матросы за ножи взялись!..

Причиной бунта снова был Кадьян. Он за какую-то оплошность истревенил матроса, а под конец замахнулся на него железным гаком. Испуганный матрос кинулся к вантам, потом по выбленкам взлетел на марс, верхнюю площадку на мачте.

Обезумевший от ярости Кадьян бросился вслед за матросом. Матрос, увидев разъяренную физиономию старшего офицера рядом с площадкой марса, от ужаса взобрался еще выше, на топ, которым оканчивалась мачта. А Кадьян вдруг ослаб, струсил. На рейде развело зыбь, фрегат дергался на якоре и раскачивался, мачта делала широкие размахи. Кадьян лег на марсовую площадку, изо всех сил вцепился в нее обеими руками и заревел от страха белугой. Вахтенный офицер послал ему на выручку четырех унтер-офицеров, те с трудом оторвали руки Кадьяна от бревен, но спуститься с мачты сам он уже не мог. Его ноги дрожали от страха. Кадьяна спустили на таях, как корову при погрузке. Осрамился на весь фрегат, на весь рейд! Команда встретила старшего офицера непочтительным хохотом. Кадьян схватил гак и бросился на матросов, по его оставил яростный рев сотен глоток. Блеснули матросские ножи. Кадьян, обливаясь от страха горячим липким потом, попытился и помчался в свою каюту.

Лазарев снова попросил Завалишина успокоить матросов. Но матросы твердо заявили ему:

— Ваше благородие, мы вас любим, нам не легко вас обслужить, но в это дело просим не вмешиваться. Сколько же нам слезы лить? Матросская слеза хоть жидка, да едка!..

Лазарев вынужден был списать Кадьяна якобы по его собственной просьбе на другое судно. Садясь в шлюпку, тот зловеще пригрозил матросам:

— Встретимся еще, стервецы!

— Встретимся! Земля-то круглая! — крикнули ему в ответ с палубы. — Только не советуем!

Вернувшись из кругосветного плавания в Кронштадт, Лазарев не сообщил в адмиралтейство о двух бунтах на «Крейсере» и этим спас матросов от царской расправы.

„СТРАМОВСКОЕ ДЕЛО“

Вот он, бриг «Усердие»! Художник поместил его на заднем плане картины. На море, видимо, добрый ветер, и бриг мчится, распустив все паруса, вплоть до кливеров. На фоне темного штормового горизонта он похож на летящую чайку.

...Никогда портсмутские лодочники не зарабатывали такие деньги, как в пасмурный день 13 октября (по старому стилю) 1827 года. Весь город бросился смотреть на русских бунтовщиков. В портовых кабаках моряки и докеры сочувственно обсуждали мятеж русских матросов, а портсмутские газеты, обрадовавшись сенсации, трубили:

«Бунт на русском военном флоте! Бриг «Усердие», из числа русской Средиземноморской эскадры, взбунтовался! Команда отказывается идти в море и, покинув судно, перешла на наш блокшив».

Английские обыватели опасливо останавливали лодки около Модербанки и отсюда, словно готового сорваться с цепи зверя, рассматривали бунтовщика. Красавец бриг, тихий, загадочный, покачивался на волне. Но напрасно портсмутские клерки и приказчики так пугливо разглядывали бриг. На нем остались толь-

ко офицеры, часть унтер-офицеров, да по шканцам в бешенстве метался командир «Усердия». Это был все тот же Кадьян.

Ему не пошли впрок тасманийский и аляскинский уроки. Перед выходом эскадры из Кронштадта он до полусмерти запарол двух матросов. Их свезли на берег, в госпиталь, а оставшиеся на судне затаили лютую ненависть против командира. О бунте шептались впередсмотрящие, сидя в своих гнездах около бугшприта, «лясничали» в ночные часы вахтенные, примопившись где-нибудь за мачтой от ветра, перекидывались недомолвками на жилых палубах подвахтенные, лежа в подвешенных койках. Но по-настоящему мятеж зрел на баке. Здесь, около бочки с водой и железного ящика с тлеющим фитилем, собирались на перекур свободные от вахты и работ матросы. На баке существовал свой неписанный устав, строгими охранителями которого была «баковщина», старые матросы, отломавшие по десятку и более кампаний, дальних морских походов и носившие на спине синие рубцы от линьков. Того, кто наябедничает офицерам о баковых разговорах по тайности, ждет матросский самосуд, жестокая расправа на берегу. А что постановила «баковщина», то святой закон для всей команды.

«Баковщина» и постановила бунтовать на портсмутском рейде. Проведен был бунт, на удивление, четко и единодушно. Едва «Усердие» бросил якорь, матросы по тайному знаку захватили шлюпки, спустили на воду и уплыли на рейдовый блокшив, расшаренный ветхий корабль, поставленный на мертвый якорь. Вместе с матросами съехали на блокшив и трое унтер-офицеров.

А на флагманском бриге «Ревель» шло уже совещание всех командиров судов эскадры. Флагман капитан-лейтенант Селиванов бегал по каюте, вцепившись в волосы руками. Какой позор! Его эскадра бригам должна спешить в Средиземное море на соединение с русским флотом. В воздухе пахло порохом, русский флот, возможно, уже сражается с турецким, а его эскадре из-за бунтовщиков приходится стоять в Портемуте, пропуская попутные ветры. А горше всего, что эта скандальная история происходит на глазах союзников — англичан! Что скажет «гордый Альбион», что скажет Европа?

В каюте флагмана, казалось, воздух раскалился от страстных споров и яростных, беспощадных слов. А на блокшиве было тихо. Сгущались сумерки. Матросы «Усердия» смотрели на огни эскадры. Что им ждать оттуда, какой новой напасти, какой новой лютой муки? И вернутся ли они на родную сторонку? Ждут их впереди турецкие ядра, а может быть, и петля на ноке. Не шуточное дело затеяли!

Старый матрос, у которого два пальца были оторваны марсафалом, тяжело вздохнул:

— Нет земли лучше нашей. Есть в чужих краях, к примеру, настоящий гриб? А у нас-то, господи! Белые, подосиновики, подберезовики, рыжики, волнушки. Эх, мать честная!

— А у нас лисичек, скрипиц, ну прямо диво! — взволнованно и радостно засмеялся вдруг молоденький матрос-первогодок. — Ведрами бабы несут! Ей-пра!

— Тихо, ребята! — крикнул кто-то из темноты. — Никак, к нам гребут?

Действительно, в темноте слышались ритмичные всплески весел. Так гребут только военные моряки.

— К нам. Ну, теперь держись, братва! — оттолкнулся от планшира старый матрос.

К блокшиву подвалил щегольской офицерский вельбот. Это сам командующий эскадрой капитан-лейтенант Селиванов приехал уговаривать мятежников. Матросы «Усердия» по команде своих унтер-офицеров выстроились во фронт и на приветствие Селиванова ответили заученным рывканьем: «Здрав... желам... ваш-скродь!..»

— Чем недовольны, ребята? Почему бунтуете, батюшку царя огорчаете? — ласково спросил командующий.

Молчание. Лишь слышно бульканье волны у борта блокшива.

— В молчанку будем играть? — построжел Селиванов.

— Дозвольте, вашскродие, жалобу принести от всей команды, — выступил на шаг из строя старый матрос.

Селиванов окинул его быстрым, внимательным взглядом. По всей повадке виден лихой матрос, отчаянный марсовый, крепивший паруса на ноке, на самом конце реи. Сутулый, мощный, как якорная лапа. «Основательный» матрос, из «баковщины»! Голова его была обмотана тряпицей, пропитанной почерневшей кровью.

— Что у тебя, служба, с головой? Упал, что ли, или снастью стукнуло? — кивнул Селиванов на голову матроса.

— Никак нет! — Брови матроса задрожали от сдерживаемой ярости. — Его высокородие капитан-лейтенант Кадьян стукнули. А в руке у него была трубка зажавши. Когда же конец этому будет?

— Уберите от нас Кадьяна!.. Иначе не вернемся!.. Здесь останемся!.. Довольно измываться!.. — закричали из строя.

Селиванов сорвался, затопал ногами, забрызгал слюной:

— Я вам не Лазарев! Няньчиться с вашим братом не буду! Расстреляем подлецов! Через час всем быть на бриге! А не то!..

Даже в пристрастном своем рапорте № 545 от 15/X 1827 года Селиванов не объясняет, что он подразумевал под этим «не то», но легко можно вообразить, какой зловещей угрозой прозвучали его слова. И бунтовщики поняли, что их всего лишь кучка безоружных людей против целой эскадры.

Вечером, собравшись в трюме на последний совет, они услышали гребки многочисленных весел, затем раздалась команда: «Крюк!.. Шабаш!..» — и мягко стукнули багры, вонзившись в корму блокшива. Это пришли большие, двадцативесельные баркасы, чтобы перевезти матросов на бриг. И тотчас вспыхнуло кроваво-красное пламя. Это эскадра зажгла фальшфейеры, сигнал к открытию пушечного огня. Думал ли Селиванов действительно обстрелять блокшив — неизвестно, но этот зловещий сигнал отнял у бунтовщиков волю к сопротивлению. Поздно вечером 14 октября матросы «Усердия» поднялись на палубу своего брига. Они были мрачны и подавлены. Со шканцев на них смотрел, злорадно улыбаясь, Кадьян...

А очень скоро команда «Усердия» отличилась в Наваринском сражении. Матросы брига сражались бесстрашно, самоотверженно, с высоким боевым искусством. Видимо, поэтому резолюция

Николая I на рапорте о бунте команды «Усердия» была «весьма мягкой»: «Надо будет взять строжайшие меры, чтобы подобное сему не повторялось. Дело страмовское, и видно, что начальники поступили, как дураки, не расстреляв подлецов. Определенные меры наказания бунтовщикам поручаю командующему Средиземноморской эскадрой адмиралу Гейдену». А тот нашел возможным дело «предать забвению», приписав бунт «невежеству матросов и незнанию ими своих обязанностей».

Но через два месяца новый бунт, вспыхнувший на глазах самого адмирала, доказал ему, что дело не в «незнании матросами своих обязанностей».

„РАССТРЕЛЯТЬ ЧЕРЕЗ ДЕСЯТОГО!“

Трехдечный стодвадцатипушечный корабль «Александр Невский». Художник вывел его на передний план картины, а кажется, он сам вырвался вперед, слегка накренившись подветренным бортом и развевая усы белой пены под острым носом. От всего облика корабля, от изящных обводов его корпуса, от туго наполненных ветром белоснежных парусов, гротов, бизаней, стакселей, лиселей, бомбрамселей, в четыре яруса поднятых на высоких, чуть подавшихся назад мачтах, веет романтикой моря, поэзией ушедшей эпохи парусного флота.

...20 декабря 1827 года. Валеттский рейд на острове Мальта. На рейде русская эскадра, разгромившая два месяца назад у Наварина турецко-египетский флот.

Глухая ночь. На кораблях пробили две двойные склянки. Два часа пополуночи. Самая трудная и неприятная для моряка «сбачья вахта». Эскадра спит, охраняемая вахтенными.

Вдруг между спящими судами несется стрелой легкая шлюпка-двойка. От разгона сердито журчит под носом вода.

Лишь у флагманского линейного корабля «Азов» двойка затормозила и стала приваливать к левому борту.

— Кто гребет? — встрепенулись вахтенные на флагмане.

— Офицер с корабля «Александр Невский»! К адмиралу!

Поднявшись на палубу, прибывший офицер взволнованно доложил вахтенному начальнику:

— Господин лейтенант, я мичман Стуга с «Александра Невского»! У нас на борту бунт. Разбудите адмирала!..

Когда встревоженный, полусонный вице-адмирал Гейден вошел в кают-компанию, там уже расспрашивал Стугу начальник штаба эскадры контр-адмирал Михаил Петрович Лазарев.

— Причина бунта вам известна?

— Никак нет! Казалось бы, должны быть всем довольны. Прекрасно кормим команду, обращение офицеров с нижними чинами тоже... прекрасное.

«Врешь, мичман! — думал Лазарев. — Ни с того ни с сего матросы не взбунтуются».

Ночь связывала адмиралу Гейдену руки. И только рано утром, еще до подъема флага, адмирал со всем своим штабом отправился на «Александр Невский». Мятежный корабль внешне ни-

чем не отличался от других кораблей эскадры. Во всем виден порядок: убранные паруса вытянуты на реях по ниточке, выбрана слабина на вантах, штагах и брасах, не провисает якорная цепь, блестит на солнце надраенная медь. Но что за странные звуки несутся с корабля? Адмирал приказал: «Суши весла!» — и в наступившей тишине тревожно прислушался. На мятежном корабле пели хором. С торжественной медлительностью выводили басы:

Дудки хором засвистели,
И пошел вовсю аврал.
Мачты, стены заскрипели,
Задымился марса-фал.

Песню подхватили с отчаянной удалью подголоски:

Мы матросы удалые,
Нам все в мире нипочем!..

По знаку адмирала гребцы снова опустили весла в воду. С корабля заметили адмиральский вельбот, и песня оборвалась на полуслове.

Команда корабля сбилась на баке, около баковой пушки, и, как стая затравленных зверей, угрюмо и зло смотрела на поднимавшихся по трапу адмирала и его блестящий штаб. Старый моряк Гейден понял, что эти доведенные до отчаяния люди готовы на все. Здесь нужны осторожность, мягкость, даже уступчивость и обещания, а потом... Потом можно будет говорить другим, военным языком!

Матросы послушно выполнили команду офицеров — выстроились на шканцах и дружно ответили адмиралу на его «Здорово, братцы!». Затем офицеры корабля были удалены с палубы, и начался опрос претензий. Адмиралу отвечали, не выходя из строя, и только из задних рядов, явно не доверяя его беспристрастности. Неслись раздраженные, злые выкрики:

— Голодом заморили! Щи не щи, а разлука какая-то!..

— Господа офицеры на расправу скоры!..

— Особенно мичман Стуга!.. Посчитайте, сколько он зубов поывбивал!

Лазарев вспомнил пошловато-красивенькое лицо Стуги и, закипая злобой, подумал: «Молодой начинающий подлец! Спаси нас, господи, от кадьянов и стуг, погубят они флот!»

После долгих расспросов, наконец, все стало ясным. Брожение в команде началось тотчас же по выходе корабля из Кронштадта. Причиной был не только мордобой. Продукты из матросского камбуза растаскивались для офицерской кают-компании. Делалось это бесстыдно, откровенно, на глазах матросов. Ничего не изменилось и после Наваринского сражения. Героям-матросам по-прежнему выбивали зубы и кормили их впроголодь. И выведенная из терпения команда взбунтовалась. Вечером 20 декабря 1827 года, как обычно, просвистали на молитву, а затем, после спуска флага, раздалась команда: «Подвахтенным койки брать!» Но матросы не пошли к коечным сеткам, а собрались на баке. Боцман Астафьев взял было свою койку, но ее вырва-

ли у него из рук и выбросили за борт. Не подействовали на матросов и угрозы офицеров...

Адмирал начал уговаривать матросов. Ласково лилась его речь. Он обещал сейчас же, не сходя с корабля, наказать виновных офицеров.

— Спускайтесь спокойно в свои жилые палубы, — ворковал адмирал, — будьте уверены, что я накажу ваших обидчиков!

Запуганные, издерганные, измученные тревожной бессонной ночью, матросы заколебались. Не было у них крепких вожakov, не было четкого плана действий. И Гейден, почувствовав переделом в настроении матросов, скомандовал:

— Подвахтенные, вниз!

Матросы, поколебавшись, пошли к люкам. Но лишь только они спустились вниз, выходы были заняты офицерскими караулами. И тотчас командир корабля подал адмиралу список на четырнадцать человек, «подозреваемых быть зачинщиками». Когда перечисленных в списке вывели наверх и посадили на гребные суда, остальная команда, все пятьсот человек, бросилась к выходам:

— Не отпустим!.. Вместе плавали, вместе тонули, вместе сохли!.. Все одинаково виноваты!.. Вместе погибать!.. — кричали и рвались к трапам матросы. Но, натолкнувшись на дула офицерских пистолетов, попятнулись. В результате этого второго возмущения наверх вывели еще шесть человек.

Вся эскадра затаив дыхание следила за шлюпками, увозившими мятежников на корабль «Азов». Матросы, не обращая внимания на брань и зуботычины офицеров, не отходили от люков и пушечных портов. Прощально трепетали на ветру шейные платки и матросские шапки...

1 апреля 1828 года по Валеттскому рейду раскатился пушечный выстрел. Это начали читать приговор по делу бунтовщиков с «Александра Невского». Тысячи глаз устремились на флагманский «Азов», ожидая следующих сигналов. Потекли томительные минуты, и тысячи людей вздрогнули, услышав на флагмане зловещую дробь барабанов и унылое пенье горна. Дробь — тревога! По этому сигналу на всех кораблях реи были опущены, один конец задран, другой опущен. Траурный знак смерти капитана или готовящейся смертной казни.

Приговор был таков:

«Наказать смертью двадцать зачинщиков и каждого десятого по именному списку нижних чинов команды корабля «Александр Невский».

Но смертников спасло опять-таки Наваринское сражение. Казнить вчерашних героев морской баталии, слава о которой прогремела на весь мир, не решился даже Николай I. А команда «Александра Невского» отличилась в этом бою, захватив турецкий флаг. Каждый десятый из команды мятежного корабля был беспощадно избит, и уже не линьками, а шпицрутенами. Двадцати зачинщикам смертная казнь была заменена ссылкой в Нерчинск, на вечную каторгу.

Из офицеров «Александра Невского» никто не был наказан или даже смещен.

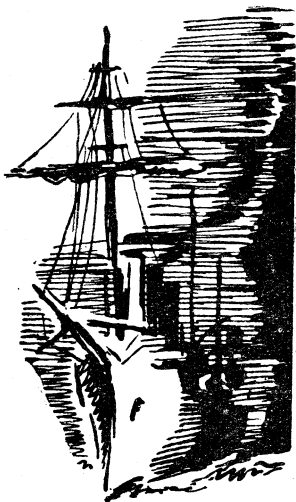
Бунтом на «Александре Невском» можно закончить историю матросских мятежей на русском парусном флоте. Это были мятежи, стихийные бунты. Во флот приходили крепостные крестьяне из глухих углов России, и они еще не доросли до сознания необходимости организованной революционной борьбы. Матросы бунтовали только против своих командиров, шкуродеров и воров; они даже и в бунтах оставались верноподданными царя-батюшки. Царь за эту верность награждал их зверской поркой и ссылкой на каторгу.

На смену парусным фрегатам, бригам, клиперам и корветам пришли стальные броненосцы, крейсера, миноносцы с их высокой для того времени техникой. Флоту понадобился другой матрос, грамотный, матрос-специалист — гальванец, минер, радиотелеграфист, машинист, артиллерист. На флот пришли рабочие, с немалым уже опытом революционной борьбы, с высоко развитым классовым сознанием. Теперь матрос твердо знал, за что, против кого и как ему нужно бороться. Теперь на флоте вспыхивают не безоружные бунты, а вооруженные революционные восстания с четким планом, с ясной целью, восстания, руководимые мудрыми, бесстрашными вожаками, членами революционной партии большевиков. Теперь на смену кораблям-бунтовщикам пришли

КОРАБЛИ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

*Закипела в море пена,
будет в жизни перемена.
Ой, братцы, будет!*

Старинная
матросская песня

Кончился 1905 год, трагический и славный год первой русской революции. Адмирал Чухнин, кровью заливший восстание черноморских моряков, в начале 1906 года телеграфировал царю Николаю II: «Революционная буря в войсках и на флоте затихла».

Адмиралу казалось, что в России снова мертвая тишина, как на кладбище. Разгромлено Декабрьское вооруженное восстание в Москве; артиллерийским огнем сметены баррикады в Новороссийске, Харькове, Горловке,

Красноярске; карательные экспедиции царских войск тушили кровью последние революционные искры под Москвой, в Прибалтике и Сибири. Ушел в Румынию «Потемкин», первый корабль революции, «стальная легенда свободы». Сотни тяжелых снарядов обрушились на революционный крейсер «Очаков».

Но адмирал оказался плохим предсказателем.

6 марта 1906 года на острове Березань были расстреляны лейтенант П. П. Шмидт, один из руководителей Севастопольского восстания, и три матроса с «Очакова». А всего через четыре месяца, в июле того же года, снова загремели грозвые раскаты революции.

Петербургская военная организация большевиков заранее готовила восстание Кронштадтской и Свеаборгской крепостей на островах. По примеру своего родного брата Черноморского флота должны были восстать корабли Балтийского флота: в Кронштадте броненосцы «Слава» и «Цесаревич», отряд миноносцев в Гельсингфорсе¹ и учебно-артиллерийский отряд в Ревеле². Обе крепости и все корабли должны были восстать в один день и час по сигналу. Этим революционный удар приобретал неотразимую мощь.

В революционных событиях 1906 года на Балтике особенной доблестью отличилась команда флагмана учебно-артиллерийского отряда крейсера «Память Азова». Недаром его называли потом «балтийским «Потемкиным».

„ТАЙНА МОРЯ“

Как это часто бывает на Балтике даже в июле, погода неожиданно испортилась. С севера налетел шторм. Он бушевал всю ночь, а когда к концу следующего дня море стихло, в устье реки Пирита, возле Ревеля, волны выбросили на берег утопленника. Казалось бы, дело самое обычное, понесло какого-то чудака горожанина на ночь глядя в море кататься, вот и докатался. Для такого происшествия достаточно и околоточного. Но труп утопленника почему-то огородили от зевак цепью городских и жандармов, приехал пристав, потом сам полицмейстер и два жандармских офицера. Труп был отправлен в морг, но и там осматривать его никому не разрешили. Ревельская газета «Эстляндские губернские ведомости» напечатала в отделе происшествий заметку под интригующим названием «Тайна моря», в которой сообщала, что утопленник, видимо, из простонародья, одет по-рабочему, но личность его не установлена. К трупу не подпустили даже репортеров, поэтому они не могли сообщить читателям, что на трупе обнаружено пять огнестрельных револьверных ран, все в грудь и все в упор.

Об этих ранах и шел серьезный разговор в кабинете начальника Ревельского жандармского управления полковника Мезенцева.

¹ Хельсинки.

² Таллин.

— Никакой тайны нет, — сказал, откладывая газету, глава политического сыска в Эстляндии. — Все ясно! Убит наш осведомитель. А он последнее время давал очень ценные сведения о связи ревельских рабочих с матросами.

— Особенно с крейсером «Память Азова», — согласно кивнул заместитель Мезенцева подполковник Никишин. — Имеем подозрения, что на крейсере есть большевистский комитет, связанный с берегом. На днях к крейсеру подплыла лодка, и сидевшая в ней барышня перебросила на палубу сверток. Конечно, нелегальщина!

— Усилите наблюдение за крейсером.

— У нас там есть опытные осведомители. Среди них — судовой священник отец Клавдий.

— Геройский поп! А в городской организации РСДРП есть наши люди?

— Теперь нет, — виновато ответил Никишин. — С гибелью нашего агента связь оборвалась.

— Прошляпили, черт возьми! — Мезенцев крепко потер ладонью стриженную под бобринку голову. — Хорошо хоть то, что крейсер «Память Азова» со всем учебным отрядом ушел из Ревеля в Папон-Вик¹ на учебные стрельбы. Нам меньше хлопот. Постойте-ка!.. — Он замолчал и, озаренный какой-то неожиданной догадкой, закусил палец. — Когда отряд ушел из Ревеля?

— В среду, то есть вчера на рассвете.

— А сегодня, в четверг к вечеру, мы получили свеженький труп нашего агента. Нет ли тут какой-то связи?

— Возможно, — в раздумье погладил усы подполковник. — Но какая?

— Значит, все-таки «тайна моря»? — раздраженно, со стуком переставил Мезенцев на столе тяжелое пресс-папье. — Вы не находите, господин подполковник, что в Ревеле с недавних пор, примерно этак с конца мая, действует чья-то опытная направляющая рука? Надо предупредить командира отряда капитана Дабича, чтобы офицеры усилили надзор за командами всех кораблей, особенно крейсера «Память Азова». Распорядитесь, господин подполковник!

ЛОПОУХИЙ

В тот же рассветный час, когда учебно-артиллерийский отряд снялся с ревельского рейда, на пустынном берегу Папон-Викского залива, на вершине дюны, в кустах можжевельника затаились четыре человека. Это были рабочие ревельского завода «Вольта» — эстонцы Тамберг и Эдуард Отто, третий тоже рабочий — с Балтийской мануфактуры. У третьего заметная внешность: большие оттопыренные уши. Вышло так, что архивы не донесли до нас ни его имени, ни фамилии. Все трое — члены штаба дружины. Их обязанностью было охранять четвертого, высокого худощавого человека с волосами светлыми, длинными и слегка вьющимися. Одет он был в суконные флотские брюки, потертый пиджак и косоворотку с вышитым воротом. Трудно было определить, кто он: по одежде не то рабочий,

¹ Теперь Колга, залив в сорока километрах от Таллина.

не то переодетый матрос, по тонкому умному лицу и стальному пейсне, несомненно, интеллигент. Это был партийный работник, направленный в Ревель петербургской военной организацией большевиков. По паспорту он значился тамбовским мещанином Степаном Никифоровичем Петровым, а в ревельских партийных кругах его называли Оскаром Минесом. Это и был тот, чью опытную направляющую руку почувствовал жандарм Мезенцев.

...Революционная гроза загремела неожиданно, спутав все планы. Раньше намеченного срока стихийно восстали на Свеаборгских островах пехотинцы и крепостные артиллеристы. Захватив форты на четырех островах, они начали бомбардировать Центральную крепость. Верные революционному долгу в поддержку Свеаборга восстали и кронштадтцы, захватили береговое укрепление Литке и форт Константин.

Поздно вечером 18 июля на конспиративной квартире по экстренному вызову собрались члены городского комитета, члены штаба рабочих дружин и матросы-большевики. Говорил Оскар Минес:

— Подробностей о Свеаборге и Кронштадте у нас пока нет, но партийная дисциплина обязывает нас поддержать тех, кто уже борется!

Собрание происходило в пригородном доме, и все невольно посмотрели в окно, выходящее на море. Где-то там, далеко, за чертой горизонта, по ту сторону Финского залива, уже второй день гремит орудийными залпами восставший Свеаборг.

— Ревель поддержит Свеаборг и Кронштадт, — продолжал Минес. — Мы уже договорились с эстонскими товарищами. Всеобщая забастовка и вооруженный захват власти! А вы, моряки, поддержите ревельских рабочих. Высаживайте десант, а если понадобится — ударьте главным калибром по казачьим и жандармским казармам, полицейским участкам и губернаторскому дворцу!

Но вот последовало неожиданное сообщение матросов. Из подслушанных разговоров офицеров они узнали, что морскому министерству известно о подготовке восстания на кораблях Балтийского флота и что приняты уже меры, чтобы раздавить его любыми средствами. Для начала приказано арестовать всех подозрительных матросов. На «Памяти Азова» уже арестован и передан жандармам минер Исадский, кроме того, есть приказ: команды на берег с завтрашнего утра не увольнять и рассредоточить флот. Во исполнение этого приказа завтра на рассвете учебно-артиллерийский отряд уйдет с ревельского рейда в залив Папон-Вик якобы для учебной стрельбы.

Растерянность и смятение отразились на лицах некоторых участников совещания. Послышались звинченные крики меньшевиков:

— Драку еще не начали, а сопатка уже в крови! Без флота из рабочих дружин царские мясники кровь будут цедить! Пропало дело! Восстание в городе и на кораблях отменить!

— Молчите, истерички! — поднялся Минес. Его лицо было сурово и твердо. — Дело не пропало! Перевод учебной эскадры из Ревеля в Папон-Вик усложняет нашу задачу, но это не поражение! Нет! Отряд придет обратно в Ревель и придет с красным флагом на мачтах! Я сейчас же отправляюсь в Папон-

Вик и завтра ночью буду на «Памяти Азова». Спустите мне, морячки, с борта какую-нибудь веревочку? — улыбнулся Минес матросам.

— Ты, Оскар, не марсовый, — засмеялись и матросы, — по канату тебе не подняться. Мы адмиральский трап спустим, оркестр выставим!

Ночью Минес и его охрана добрались на крестьянской подводе до залива Папон-Вик и на рассвете уже затаились в кустах, ожидая подхода отряда кораблей. Внизу, под стожком сена, была спрятана лодка, нанятая в рыбацкой деревне. Тамберга и Лопухого Минес оставил на вершине дюны дозорными, а сам вместе с Эдуардом Отто спустился немного по склону. Юноша успел шепнуть Минесу, что им нужно поговорить с глазу на глаз.

И вот теперь Отто рассказывал:

— Когда нас назначили вашей охраной, мы все трое побежали вытаскивать из гайников револьверы и патроны. Тамберг и я справились быстро, а Лопухий почему-то замешкался. Тамберг послал меня поторопить его. Вхожу, а он еще не готов. Сидит за столом и что-то торопливо пишет. Мне почему-то показалось, что он и не собирается с нами, а пытается улизнуть. Вошел я в его дом тише тихого, как мышь. Вы ведь знаете, что в нашем деле не надо лишних глаз и ушей. Он заметил меня, когда я стоял уже за его спиной. Если бы вы видели, товарищ Минес, как он вздрогнул! Будто около его уха выстрелили! И побледнел, куррат! Заметил он, конечно, что я удивился и вопросы буду задавать, сам первый затараторил: «Идем ведь на опасное дело, вот я и решил невесте письмо написать». — «Ну, дописывай, — говорю, — я подожду». — «Ладно, — говорит, — не стоит, пожалуй, ее расстраивать!» А сам все глубже и глубже письмо в карман запихивает, словно боится, что я листок из рук у него выхватю. А потом мы вышли к ждавшему нас Тамбергу. Что вы на это скажете, товарищ Минес?

— Письмо это и сейчас при нем, как вы думаете, Эдуард?

— Я все время следил за ним. Не выбросил. Разве вот сейчас попытается уничтожить. Так ведь при нем Тамберг.

Минес поднялся и зорко, внимательно оглядел окрестности. Отто понял.

— Здесь опасно. По дороге могут проехать. Лучше в море.

— Да, — согласился Минес.

И в этот момент они услышали голос Лопухого. Он стоял выше их на склоне дюны и громко, насмешливо говорил:

— Все совещаесть о мерах безопасности? На меня надеетесь, товарищ Минес, грудью прикрою тебя от царских пуль и штыков!

— Идемте вниз, спускайте лодку на воду, — приказал Минес.

— Зачем? — удивился Лопухий. — К эскадре поплывем ночью, а она еще и не пришла.

— Нужно осмотреть рейд, выбрать короткий и скрытый подход к кораблям.

Когда лодка отошла от берега так далеко, что деревья казались низеньким кустарником, а людей и вовсе не различить, Ми-

1 Черт (э с т.).

нес окинул взглядом море. Ни дымка, ни паруса на горизонте. Тогда он посмотрел в упор на Лопоухого.

— Дай твое письмо к невесте!

— Вы что?.. Вы с ума сошли? — взвизгнул Лопоухий, схватившись обеими руками за борт. Он, видимо, хотел выброститься из лодки. Но три револьвера уставились на него. Эдуард вытащил из его кармана письмо к «невесте», которое оказалось донесением в жандармское управление.

Минес прочитал его вслух. Фамилии товарищей из дружины и городского комитета РСДРП. Против каждой фамилии — домашний адрес. Затем предложение выдать боевую дружину, подпольную типографию и судовые партийные комитеты учебного отряда. Все за десять тысяч рублей.

Минес кончил читать Точку поставили три выстрела в упор. Убитый провокатор упал навзничь на корму, и Эдуард выстрелил в него еще два раза. В глазах юноши стояли слезы ярости и ненависти. Труп выбросили в море, привязав к нему лодочный верп. Но от разыгравшегося через несколько часов шторма якорек, видимо, отвязался, и труп принесло в устье Пириты, на радость жандарму Мезенцеву.

Повернули к берегу и гребли медленно, подавленные. Провокатор пробрался в штаб и в городской комитет! После долгого молчания Тамберг сказал:

— На волоске мы висели.

— Наше дело на волоске висело, а это хуже! — откликнулся Минес.

После полудня слышали далеко в море орудийные выстрелы. Отряд вел учебную стрельбу. А под вечер корабли вошли в залив. Минес и его товарищи глядели на них, лежа в прибрежных кустах.

Первым шел флагманский корабль, крейсер 1-го ранга «Память Азова». Он предназначался для самостоятельных действий на океанских просторах как рейдер — охотник за военными транспортами и торговыми судами неприятеля. Кроме мощных машин с шестью котлами, он имел и парусное вооружение для экономии топлива во время плавания вдали от берегов.

У «Памяти Азова» была славная родословная. Свое имя крейсер получил в память линейного парусного корабля Черноморского флота «Азов», эсобо отличившегося под командой М. П. Лазарева в Наваринском сражении. На носу крейсера были изображены белый георгиевский крест и полосатая черно-оранжевая орденская ленточка. Окрашенный в серо-голубой цвет, сверкающий надраенной медью, опрятный, щеголеватый, крейсер словно приготовился к торжественному морскому параду.

За флагманом вошли в залив минные крейсера «Воевода» и «Абрек», миноносцы «Ретивый» и «Послушный». Один из кораблей отряда, учебное судно «Рига», остался в Ревеле. Он проводил стрельбу у острова Нарген.

«Какая грозная сила! — думал Минес, любуясь кораблями. — Мы должны направить ее на борьбу за революцию!..»

Глухой ночью, в часы «собачьей вахты», лодка с тремя большевиками подошла к эскадре. На берегу, в соснах, свистели перые взмахи шторма.

КОЧЕГАР № 122

Тесное таранное помещение «Памяти Азова», куда не только офицеры, но и кондукторы¹ редко заглядывают, было набито матросами. Шло собрание корабельной большевистской организации. Председательствовал широкий в плечах, с густыми черными усами на твердом, волевом лице артиллерийский квартирмейстер² Нефед Лобадин. Справа и слева от Лобадина стояли члены комитета — стройный, высокий красавец гальванерный квартирмейстер Петр Колодин и румяный, смешливый баталер³ Степан Гаврилов. Рядом с ним стоял Оскар Минес, переодетый в матросскую форму. Говорил Степан:

— Надо немедленно начинать! Не терпится братве вцепиться в глотку царю-батюшке! Потемкинцы и очаковцы начали, мы, азовцы, закончим. А нам, балтийцам, сподручнее сшибать с трона царя. Нам до Питера ближе, чем черноморцам! — Степан задорно улыбнулся.

— Правильные слова! — заговорили матросы, но в задних рядах кто-то сказал ядовито: — Царя сшибать азовцы задумали, а в 1905 году не вы ли заслужили царское спасибо и удостоились лобызания ручки ее величества царицы?

— Это не мы, это офицерье и шкуры кондукторы лобызали!! — загудели возмущенно матросы. — А мы ее, стерву, так бы лобызнули!..

— На собрании чужие есть! — шепнул Минес Лобадину. Тот поднялся на цыпочки, вглядываясь. Потом сказал сердито и встревоженно:

— Тильман, как ты сюда попал? Ребята, ну-ка, задержите его!

Но уже хлопнула дверь горловины за выбежавшим Тильманом.

— Плохо получилось! — покачал головой Лобадин. — Уж больно у нас на крейсере команда разношерстная. Кроме основного состава, на который мы, как на каменную гору, надеемся, есть переменники-ученики. Переменники, за малым исключением, в революционном смысле материал совсем сырой. Тлеют, а не горят, хоть ты что! Ох, и тяжело будет!

— Революцию вообще тяжело делать! — серьезно ответил Минес. — А скажите, Нефед Лукьяныч, у вашего комитета есть связь с другими кораблями?

— И даже очень тесная! Партийные организации имеются на «Риге» и на «Абреке».

— А на «Воеводе» и на миноносцах сочувствующие выявляются. Сознательные и боевые есть ребята! — добавил Колодин.

— Это же огромная сила! — воскликнул Минес.

Собрание продолжалось.

А в это время Тильман докладывал торопливо пристегивавшему палаш и револьвер старшему офицеру крейсера капитану 2-го ранга Мансурову:

— В таранном отсеке собрались. Бунт готовят!

1 В царском флоте промежуточное звание между офицером и унтер-офицером.

2 Младший унтер-офицер царского флота.

3 Унтер-офицер по хозяйственной части.

Мансуров замысловато по-матросски выругался и вылетел из каюты.

Собрание вынесло решение поручить комитету сейчас же, немедленно разработать детальный план восстания и самое позднее через час сообщить его партийцам. А пока всем, кроме комитетчиков, выйти на палубы. В отсеке было невыносимо душно, кое-кому стало даже дурно. В этот момент влетел матрос:

— Полундра! Сюда Мансуров топает!

Словно по боевой тревоге колоколов громкого боя, матросы бросились к горловине отсека и разбежались по палубам. И когда появились капитан 2-го ранга Мансуров и вахтенный начальник, отсек был пуст. Но Мансуров уже узнал от Тильмана, что на корабле есть посторонний человек. Он вызвал караул и пошел по жилым палубам. На одной из коек лежали два человека. Один был знакомый Мансурову матрос, второго он не знал.

— Ты кто такой? — послышался строгий вопрос.

— Кочегар номер сто двадцать два.

— Нет у нас такого, — засмеялся Мансуров. — Взять его!

Минеса схватили и обыскали. Нашли заряженный браунинг и запасную обойму. Арестованного отвели в офицерскую ванную комнату и поставили четырех часовых, в число которых попросился Тильман. Дверь в ванную оставили открытой, а часовым было приказано заколоть арестованного при малейшей попытке к бегству.

ДЕЙСТВОВАТЬ ПО-ФЛОТСКИ!..

В носовой части артиллерийской палубы Нефед Лобадин опять собрал большевиков. Всем было ясно, что действовать надо немедленно. Через час уже будет поздно: Минеса отправят на «Воеводу», и на рассвете минный крейсер уйдет в Ревель.

— Не теряй время, командуй! — вырвалось нетерпеливо у Петра Колодина. — Упустим время, и нас брезентом накроют, как потемкинцев!

— Значит, решили! — свободно и легко вздохнул Лобадин. — Действовать по-флотски! Все за одного, один за всех!

— Трави до жвака-галса! Ура! — подкинул бескозырку веселый Степа Гаврилов. — Да здравствует наша родная, самая красивая, самая желанная революция!

На верхней палубе щелкнул вдруг револьверный выстрел. Сверху из люка кто-то крикнул:

— Лейтенант Захаров застрелил матроса! Ребята тоже не стерпели — по башке прикладом... Богу душу отдает!

— В ружье! — крикнул Лобадин. — Выключай свет! В темноте нам виднее! Ребята, за мной!

Крейсер погрузился в темноту. Выбегая на палубу, Лобадин услышал за собой топот матросов.

С тремя партийцами он бросился выручать Минеса. С фонариками в руках они вбежали в коридор. Дверь в ванную открыта, караула нет, в дверях Минеса.

1 Конец якорной цепи, приклепанный к палубе.

— Оскар! — бросился к нему Лобадин. Они крепко обнялись. У порога ванной лежал мертвый Тильман со штыковыми ранами в груди.

— Кто его? — спросил тихо Лобадин.

— Караульные, прежде чем убежать.

На верхней палубе гремели револьверные и винтовочные выстрелы.

Выбежав на палубу, Лобадин крикнул:

— Ребята, без крови! Бери офицеров в плен!

— Они нас в плен не берут!.. В упор стреляют! — закричали в ответ матросы.

Выстрелами сверху, через люки, матросы гнали офицеров в кают-компанию. Убит был вахтенный начальник Зборовский, тяжело ранен Мансуров и командир крейсера капитан 1-го ранга Лозинский. Офицеры панически метались по внутренним помещениям юта. Наконец, поняв, чего от них хотят, они ринулись толпой в кают-компанию и на кормовую батарею.

— Все! — вытер со лба пот Степа Гаврилов. — Драконы в клетке! — Он опустил винтовку.

Но ему пришлось тотчас же взять оружие на изготовку. С кормы закричали:

— Драконы бегут! На паровом командирском катере!

Офицеры бежали через кормовой адмиральский балкон, сообщавшийся с кают-компанией. Матросы забыли о балконе. Офицеры уже спустились в катер. Забурлил винт, катер начал пятиться от кормы крейсера.

— Катер к борту! — крикнул в мегафон Лобадин.

Но катер прибавил обороты и разворачивался носом к берегу. С палубы загрели винтовочные выстрелы.

— Нельзя их выпускать! — крикнул Лобадин. — Комендоры, к орудию!

Бортовой «гочкис» выплюнул пламя. Близ левого борта катера взметнулся фонтан. Второй выстрел. Катер качнуло, он стал зарываться носом. Снова два выстрела один за другим. Снаряды легли по бортам катера, и он застыл на месте. Офицеры начали прыгать в воду и побрели вброд к берегу. «Гочкис» сделал еще три выстрела подряд. Но офицеры уже добрались до берега и скрылись в лесу.

Убежали с крейсера не все офицеры. Загнанных в кормовую батарею там и заперли, отобрав у них оружие. С ними был поп Клавдий. Но часа через два попу выпустили и даже разрешили ему свободно ходить по кораблю.

Над морем занималась заря. Наступал новый день, 20 июля 1906 года.

Утром этого дня Николаю II подали телеграмму. Царь удивленно округлил белесо-голубые глаза. Телеграмма была послана из неведомой эстонской деревушки Колга. Содержание ее было коротким: «Команда крейсера «Память Азова» взбунтовалась. Убит командир и пять офицеров. Крейсер в руках мятежников»

Царский приказ был тоже коротким:

«Повелеваю немедленно привести в повиновение команду крейсера «Память Азова». В случае необходимости потопить его».

СЛЕДОВАТЬ ЗА МНОЙ!

Пять часов утра. Медленно пробили склянки. Раньше положенного по уставу времени с мостика раздалась команда:

— На флаг и гюйс смирно!

Горнист заиграл сигнал, его подхватила дробь барабанов. Из-за ходового мостика медленно поднялся красный флаг. На шканцах раздался могучий клич сотен глоток:

— Долой самодержавие! Да здравствует революция!

Команда была распущена, но не ушло с мостика новое командование крейсера. Командиром «Памяти Азова» был единодушно выбран Нефед Лобадин, руководитель корабельной большевистской организации, помощниками командира — Оскар Минес и Петр Колодин. Они совещались, как действовать дальше.

Неожиданно снялся с якоря и пошел к выходу из бухты минный крейсер «Воевода». На всех кораблях отряда слышали стрельбу на «Памяти Азова», потом увидели красный флаг на его мачте и без труда догадались, что крейсер захвачен восставшими матросами. Командир «Воеводы» лейтенант Гильдебрандт решил рискнуть уйти из бухты, чтобы сообщить в Ревель о случившемся. Но на «Памяти Азова» зорко следили за кораблями, и на мачту флагмана взлетел сигнал:

«Воеводе» встать на якорь».

Минный крейсер сделал крутой поворот, но пошел не обратно в бухту, а к берегу и выбросился на мель.

Тогда двинулся и «Память Азова». Крейсер пошел к выходу из бухты и на ходу поднял сигнал:

«Абреку» и миноносцам следовать за мной».

После томительной паузы минный крейсер и миноносцы подняли ответ:

«Ясно вижу».

На носу у шпилей засуетились якорные команды, из труб повалил дым, забурились под кормой винты, но корабли не двинулись с места.

— Враздрай работают!¹ — возмущенно и зло закричали на «Памяти Азова».

На правом борту крейсера высунулось в амбразуру шестидюймовое орудие. Вспухло облако дыма. Между «Абреком» и «Ретивым» поднялся мощный фонтан воды. И словно ожидая этого сигнала, минный крейсер и миноносцы дали полный ход. Но пошли они не к выходу из бухты, а тоже к берегу. Корабли врезались форштевнями в прибрежный песок, с бортов спустили трапы. Под дулами офицерских револьверов матросы сошли на берег и побежали в лес.

Все было кончено. Крейсер под красным флагом остался один.

Командный состав крейсера собрался в боевой рубке.

— Что будем делать? — обводя взглядом верных друзей, спросил командир крейсера Лобадин.

— Идти в Ревель! — без колебаний ответил Оскар Минес. — Там нас ждут рабочие. Объединенными силами, с моря и суши,

¹ Работать враздрай — это работать одной машиной вперед, а другой назад.

возьмем город и присоединим к себе солдат. Царских карателей из Петербурга в первые дни можно не бояться. Эстонские боевики взорвут железнодорожные мосты.

— А в Ревеле к нам присоединится «Рига». Я в этом уверен, — поддержал Минеса Лобадин. — Я тоже за поход на Ревель!..

Под кормой крейсера заklubились буруны. Он лег на курс в открытое море. Только чайки вились за кормой одинокого корабля с красным флагом на мачте.

„РИГА“ ПОКАЗАЛА КОРМУ

Из боевой рубки не расходились. Ждали, какие весты принесет радиотелеграф. Наконец на стальном трапе загромыхали шаги телеграфного квартирмейстера Николая Баженова. Но в рубку он вошел медленно, с угрюмым лицом.

— Молчат! Молчат как рыбы! — безнадежно развел он руки. — Свеаборг молчит, Кронштадт молчит, «Цесаревич» и «Слава» молчат, минный отряд в Гельсингфорсе молчит!

— А «Рига», как «Рига»? — нетерпеливо поднялся Лобадин.

— И «Рига», Нефед Лукьяныч, молчит, как проклятая!

После тяжелого молчания заговорил Петр Колодин, исполнявший обязанности старшего офицера:

— Дело будет серьезнее, чем думали. Поэтому давайте обсудим, как поступим с оставшимися на крейсере офицерами. Враги ведь!

— Комитет уже решил. Офицеров не трогать, их судьбу решит позднее революционный суд, — ответил Оскар Минес.

— Офицеры первые начали стрелять в матросов: Захаров, Соколовский, Зборовский. Ладно! Коли комитет решил так, перетакивать не будем. Но есть еще и кондукторы, а их даже не заперли в каютах.

— Как они себя держат? — спросил Лобадин.

— Как кулаки на деревенской сходке. Кучкой держатся, матросов чураются. Вспомните, товарищи, сколько вреда принесли шуры кондукторы в Севастополе и на «Потемкине».

— Ты, Петя, кондачок любишь. А тут дело серьезное, — недовольно возразил Лобадин. — Надо поговорить с ними, прощупать.

— Щупайте! — рассерженно отмахнулся Колодин. — Только они, извиняюсь, не куры-несушки.

Доверчивость и гуманность простых русских людей, матросов, вскоре погубила их.

Переговорная трубка на мостике заурчала.

— Рубка слушает! — крикнул Лобадин.

— Выходим на створ ревельских маяков! — донесся из трубки голос рулевого Мундштукова, теперь штурмана крейсера. — Начинаем поворот на Ревель!

— Поворачивайте! — ответил Лобадин. — И передай, Алеша, сигнальщикам, чтобы зорче смотрели. Ищите «Ригу»!

Командиры поднялись на мостик. А палуба крейсера уже была забита матросами. Все чувствовали, что приближается ре-

шительный момент. Открылся заросший соснами остров Нарген¹ у входа в ревельскую бухту. Отсюда до Ревеля час хорошего хода. Как-то встретит восставший корабль рабочий Ревель? И где-то близ острова проводит учебные стрельбы «Рига», готовая присоединиться к революционному крейсеру.

— «Рига»! — вдруг закричали на палубе. Взлетели бескозырки, загремело «ура».

Но куда же она идет? Обогнув южный маяк Наргена, «Рига» начала уходить за остров, на запад, а не на юг, в Ревель.

— Почему «Рига» уходит? — встревоженно посмотрел Оскар Минес на Лобадина. — Нужно ее догнать!

— Догоним! Обойдем остров с севера и ляжем на пересечку курса «Риги»! — ответил Лобадин.

Всех, и на мостике и на палубе, шатнуло от крутого поворота «право на борт». Крейсер весь дрожал от мощной работы машин. Вот и бело-красный маяк на северной оконечности острова. Тут азовцы снова увидели «Ригу», вернее — ее корму. Винты уходящего корабля бешено работали.

— У нас ход семнадцать узлов, у «Риги» двадцать! — сказал безнадежно Мундштуков. — Командуй, Нефед, поворот!

Лобадин приказал повернуть и идти на Ревель.

На палубе подавленно молчали.

Почему же ушла «Рига»?

Настроение ее команды с утра 20 июля было напряженным. Матросы уже знали о восстании в Свеаборге и Кронштадте, но о событиях на «Памяти Азова» им не было известно. А командир «Риги» капитан 2-го ранга Герасимов был извещен об этом по радиотелеграфу и принял меры. Экипаж «Риги», учебного судна, наполовину состоял из гардемарин² и кондукторов, проходивших артиллерийскую стажировку. Герасимов собрал их на одной из палуб и вооружил винтовками. Затем, чтобы избежать встречи с мятежным крейсером, приказал идти в Либаву³. На траверсе Наргена «Рига» встретилась с крейсером. Матросы-большевики «Риги», видя, что их корабль уходит от крейсера, дали давно ожидаемую команду:

— В ружье, товарищи!..

Разбив трюм, матросы начали доставать патроны. Но вооружиться они не успели. Налетели гардемарины и кондукторы под командой офицеров. Восстание на «Риге» было подавлено в самом начале. Утром того же 20 июля, после трехдневных кровопролитных боев, пал и революционный Свеаборг, в этот же трагический день было жестоко подавлено восстание матросов и солдат в Кронштадте. На броненосцах «Слава» и «Цесаревич» начальство списало на берег революционно настроенных матросов и заменило их гардемаринами. На миноносцах в Гельсингфорсе были произведены массовые аресты.

Вот почему молчал эфир, когда Николай Баженов выстукивал запросы из радиорубки «Память Азова».

¹ Теперь остров Найсар.

² Выпускники царского морского кадетского корпуса.

³ Лиепая.

АБОРДАЖ

В пять часов вечера революционный крейсер бросил якорь на ревальском рейде. Команда села ужинать. За столами против обыкновения было тихо. Ни шуток, ни смеха. Многих учеников не хватало за столом, а те, кто сел ужинать, вдруг по какому-то тайному сигналу поднялись и ушли. Пустовали и столы кондукторов.

Поп Клавдий спустился вниз и пошел к кормовой артиллерийской палубе, где сидели арестованные офицеры. Двери не заперты, но у порога стоят двое караульных из учеников-переменников. Поп вошел, умышленно не притворив за собой дверь. Караульные не решились задержать священника.

— Господа офицеры, «Рига» корму показала! — весело сказал поп. — Крейсер наш теперь один как перст!

— Вернее, как «Потемкин»! — воскликнул насмешливо лейтенант Сакович. — Тот в Румынию ушел, а наш крейсер в Швецию, видимо, потопает. С революционным визитом!

— Вы бы поговорили, батюшка, с нашими кондукторами и учениками, — умышленно громко сказал лейтенант Лосев, косясь на часовых-переменников. — Они ведь ни в чем не виноваты. Кашу заварили наши бунтари и этот мерзавец штатский. Несправедливо будет, если учеников на расправу потянут!

— Святые твои слова, сыне!.. Это даже мой долг, как духовного пастыря, — ответил поп, направляясь к дверям.

А на верхнем мостике в это время Лобедин, Оскар Минес и Петр Колодин рассматривали в бинокль город, порт, набережные и прилегающие к ним улицы, занятые войсками и полицией.

— В порту не менее двух рот пехоты! — сказал Лобедин. Опустил бинокль и Оскар Минес. — На крыше Батарейных казарм сидят артиллерийские наблюдатели. А во дворе конные жандармы и казаки!

— Посмотрите в сторону Балтийской мануфактуры! — воскликнул возбужденно Колодин. — Туда драгуны на рысях подходят!

На мостик взлетел Степа Гаврилов.

— Своими ушами слышал! — закричал он еще на трапе. — Кондуктор Давыдов тихо приказал ученикам: «После ужина разбирайте винтовки и по моему сигналу бросайтесь на главарей!»

— Начинается! — мрачно сказал Колодин. — Говорил ведь я, что шкуры кондукторы покажут нам кузькину мать!.. Слышите? Вот оно, самое!

Внизу раскатились два винтовочных выстрела, затем ударил залп. Ученики и кондукторы рвались на верхнюю палубу, но матросы согнали их вниз. Там контрреволюционеры одержали первую победу: захватили кормовую батарею и освободили офицеров. Теперь они орудовали по четкому плану, а революционные матросы из-за внезапности нападения действовали разрозненными группами, а то и в одиночку.

Бой на палубах крейсера длился более часа с переменным успехом. Кондукторы и ученики заняли было машинное отделение и кочегарку, но были выбиты оттуда машинной вахтой. На верхней палубе матросы-революционеры очистили бак, но у них

не было там вожака, руководителя. Лобадин с матросом Котихиным бросился к ним, но добежать не успел. Кондукторы перехватили его и погнали в обратную сторону, к юту.

— Котихин, к пулемету! — крикнул Лобадин, взбегая на кормовую пристройку.

— Стой! Бросай оружие! На распыл пушу! — закричал Котихин, водя пулеметом.

— Не балуй, дурочка! — засмеялся кондуктор Лавриненко и спокойно пошел прямо на пулемет. — Пулеметы мы давно испортили. И пушки тоже!

Котихин ударил кулаком по замку молчащего пулемета и от ярости заплакал. Лобадин бросил револьвер. Все патроны были расстреляны.

— Сдавайся! — крикнули ему снизу.

— Живым не возьмете! — гордо ответил он, поднимая правую руку. В кулаке было что-то зажато.

Враги бросились к нему по обоим трапам. Лобадин метнулся им навстречу, но споткнулся и упал, выронив из правой руки детонатор. Он взорвался и ранил Лобадина в живот. Озверевшие враги кололи его штыками, били прикладами, ногами. Так, героем, не сдавшись врагам, погиб командир революционного крейсера «Память Азова», матрос-большевик Нефед Лобадин.

А к «Памяти Азова» спешили со стороны города крейсер пограничной стражи «Беркут» и два портовых буксира. Их палубы были забиты жандармами и городовыми. Нападавшие применили тактический прием времен парусного флота — abordаж. Суда сцепились бортами. Жандармы и городовые лезли на палубу крейсера, матросы сбивали их штыками, прикладами, гандшпугами, кидали на их головы бочонки, куски угля. Дольше всех держался командный мостик. Там с десятком матросов сражался Оскар Минес. Когда оборонявшиеся расстреляли все патроны, Оскар отказался сдаться и прыгнул в море. Проплыв под водой метров тридцать, он вынырнул набрать воздуха. По нему начали стрелять, он снова нырнул. Он уплывал все дальше и дальше, но его настигла посланная в погоню шлюпка.

В семь часов вечера с мачты крейсера был спущен красный флаг.

РАСПРАВА

Вечером 20 июля на крейсере был арестован почти весь основной экипаж.

Следствием руководил главный военно-морской прокурор. Из Петербурга ему дан был наказ «не тянуть и не миндальничать». Прокурора особенно интересовал Оскар Минес, он же тамбовский мещанин Петров. Кто же он в действительности? Охранка, наконец, расшифровала его. Это оказался профессиональный революционер-большевик Арсений Иванович Коптюх. Ему было всего двадцать лет.

Следствие продолжалось неделю. Допрашивали, а потом судили и здоровых и раненых, даже тяжело раненного, обмотанного бинтами Ивана Аникеева. На скамью подсудимых посадили девяносто два человека. 5 августа суд Особой комиссией вынес

приговор: восемнадцать человек — к расстрелу, двенадцать человек — на каторгу до двадцати лет, тринадцать — в тюрьмы и дисциплинарные батальоны, пятнадцать — к наказанию в дисциплинарном порядке.

Приговоренным к смертной казни дали только полчаса на письмо к родным. В три часа ночи их привели в губернаторский сад и привязали к канату, натянутому между деревьями. Плечом к плечу стояли Арсений Коптюх, стройный красавец Петр Колодин, румяный весельчак Степа Гаврилов, радиотелеграфист Николай Баженов, защищавший Лобадина в бою матрос Котихин и остальные тринадцать. Раздалась команда:

— Стрельба взводом! Взвод!

Роковую команду заглушили крики смертников:

— Да здравствует революция!..

— Смерть тиранам!..

— Умираем за народ!..

— Пли!..

Залп. Тишина. И снова:

— Пли!..

Второй залп. Со зловещим карканьем поднялись испуганные вороны и черной тучей повисли над садом.

Солнце уже вставало над Финским заливом, когда в городе запели заводские гудки. Начала «Вольта», подхватили Балтийская мануфактура, «Круль», «Двигатель». Долго не смолкали скорбные гудки: рабочий класс Ревеля прощался с героями-азовцами. А в эту минуту около острова Нарген, в месте, где на карте отмечена стометровая глубина, с борта портового буксира сбросили в море восемнадцать наглухо забитых ящиков.

„СКОРЫЙ“ ВЕДЕТ БОЙ С ЧЕТЫРЬМЯ КОРАБЛЯМИ

Одним из последних аккордов первой русской революции было исключительное по дерзости восстание «Скорого».

17 октября 1907 года. Владивостокский рейд. В 8 часов 30 минут эсминец «Скорый» снимается с бочки, подходит к стенке и начинает грузить уголь. Бункеровка окончена, окатили палубу из брандспойтов. Задымили трубы. Миноносец разводит пары во всех четырех котлах, отходит от стенки и мчится к Гнилому углу, где расположены казармы 2-го армейского полка. На ходу «Скорый», к ужасу офицеров и командующего эскадрой, поднимает красный флаг революции.

С мостика эсминца видно, что полк выстроен на плацу. «Скорый» выкидывает сигнал «добро». И вдруг полк панически разбегается. Тогда эсминец начинает, словно ястреб, кружить по бухте и открывает артогонь по казармам полка.

Суть этих событий в следующем. Владивостокский гарнизон тайно готовил восстание. Кроме моряков, должны были восстать и пехотные части — 10-й и 12-й сибирские стрелковые полки и 2-й армейский пехотный полк. Начал восстание «Скорый».

Когда же на «Скором» увидели, что 2-й армейский не поддержал восстания, матросы обстреляли казармы.

Эскадра, стоявшая в бухте, сперва была безучастной свидетельницей событий. В штабе эскадры трусили, думали, что к «Скорому» присоединятся и другие корабли. Но эсминец был одинок. И адмирал решил.

В 12.00 миноносец «Грозный» выпускает по «Скорому» торпеду. Она прошла без вреда под кормой восставшего корабля. Тогда канонерка «Маньчжур», а также миноносцы «Смелый», «Сердитый» и «Грозный» открыли по «Скорому» артиллерийский огонь. Стреляли офицеры, так как матросы все поголовно отказались убивать своих товарищей.

«Скорый», отстреливаясь, пошел самым полным к выходу из бухты, надеясь вырваться в море. Но снаряды загордили ему путь и заставили вернуться. И «Скорый» принял неравный бой.

Но выстрелы его звучали все реже и реже. Тяжелым снарядом с канонерки перебило паровые трубы «Скорого» и заклинило руль. Эсминец рыскнул круто влево и выскочил на мель у Штабной пристани.

На корабле были убиты шесть матросов и руководитель восстания унтер-офицер Пайлов. Много матросов погибло при взрыве труб. Восстание продолжалось четыре часа.

Оставшихся в живых судили военно-полевым судом. Приговор был жестокий: двадцать шесть человек к расстрелу, девяносто два человека на каторжные работы, остальные — в дисциплинарные батальоны и тюрьмы. Оправданных по суду не было. Сплоченная, спаянная революционной идеей команда «Скорого» не имела ни предателей, ни трусов, ни колеблющихся.

* * *

Отгремела первая русская революция 1905—1907 годов.

Наступила пора черной реакции, потом кровавый угар первой мировой войны. Кронштадт и Балтийский флот объявлены на «осадном положении», за нарушение его — военно-полевой суд. И все же сигналом грядущего Октября снова звучат мятежные, зовущие слова: «В ружье, товарищи!..»

В 1915 году вспыхнули волнения на линкоре «Гангут». Начальство успело изолировать «Гангут» от других кораблей Балтфлота, а затем стрелковые команды береговых флотских экипажей, укомплектованные из самых неразвитых и забитых матросов, расправились с гангутцами.

Затем Февральская революция. Матросы принимают в ней активное участие.

25 октября 1917 года. Выстрел «Авроры». Славный русский военный флот ложится на курс, проложенный великим Лениным.

Л. ЛАГИН

Атавия — крупнейшая страна капиталистического мира. Военно-монополистическая камарилья Атавии пытается спровоцировать третью мировую войну путем массированного ядерного залпа по собственным союзникам. Результат получился совершенно неожиданный...

В публикуемом эпизоде описываются злключения самолета, который должен был доставить атавийского генерала, главнокомандующего Европейской армией Плэгуюя в его штаб, в Париж.

Рисунки В. КОВЕНАЦКОГО

1

Как и было предусмотрено планом генерала Бэрдля, самолет Плэгуюя оторвался от взлетной площадки точно в 21.00.

Спустя минуту после взлета аэродром погрузился в полную темноту. Аэродромы и зенитные установки Атавии уже четвертые сутки тщательно затемнялись.

Дежурный по аэродрому, довольный тем, что никаких неполадок при проводах такого незаурядного пассажира не произошло, зябко потер руки, зевнул, равнодушно, больше по привычке, нежели из любопытства, глянул вверх и, умиротворенный, ушел в свое помещение. Где-то над ним, сыто урча моторами, быстро набирал высоту самолет «питон-18», плоский, огромный, разлапистый, бесхвостый, похожий в одно и то же время и на камбалу, и на бумеранг, и на

летучую мышь. Из тупого угла, образованного обеими плоскостями, торчал наружу только острый и коротенький хвостик фюзеляжа, походивший на заостренный конец сигары. Над этим хвостиком возвышалась каплевидная башня с двумя скоростными пушками, охранявшими с тыла покой и сохранность особы главнокомандующего Европейской армией, который в самом спешном порядке следовал навстречу славе, бессмертию и окончательному покорению мира.

Самолет не находился еще в воздухе и полных трех минут, как Плэгуэю было доложено о непредвиденном усложнении обстановки: со всей аэронавигационной радиоаппаратурой творилось нечто несусветное, попытки связаться с землей ни к чему не приводили. Все указывало на магнитную бурю. В наушниках стоял сплошной треск, гул, рокот, визг; все это пронизывали то тоненькие, очень высокие, то барионовые и даже басовые завывания. Шум никак не мог быть вызван случайной порчей радиоприемника, потому что и экраны радиолокатора тоже были сплошь засвечены, по ним скакали какие-то нелепые пятна, полосы, на мгновение экраны вдруг становились совершенно белыми, и вся свистопляска начиналась снова. Если бы можно было в точной научной терминологии широко пользоваться поэти-

Усиленно работаю над новым романом для взрослых и над повестью для детей. Роман, вероятнее всего, будет называться «Голубой человек», повесть — «Заколдованный класс». Если ничего непредвиденного не произойдет, закончу обе эти книги в ближайшее время. И тогда получится, что книги для детей я пишу раз в двадцать пять лет: «Старик Хоттабыч» написан мной и впервые опубликован в 1938 году.

Одновременно исподволь подготавливаю к переизданию мой роман «Атавия Проксима». Очень много правлю и вычеркиваю, очень мало вписываю нового. «Полет в никуда» — единственный новый эпизод этого романа.

Матин

ческими сравнениями, тогда то, что творилось в эфире, было бы куда правильней назвать не магнитной бурей, а магнитным штормом, тайфуном, ураганом.

Так как подобные магнитные возмущения в эфире продолжаются обычно от двух-трех часов до двух-трех суток, штурман предложил, пока они еще находятся вблизи аэродрома отправления, немедленно возвращаться. Подать сигнал ракетами, потребовать приготовить посадочную площадку и сесть. Учитывая драгоценность особы генерала Плэгуэя, штурман считал слишком рискованным пускаться при такой густой и низкой облачности в трансатлантический перелет без современных радиоприборов. На такой же точке зрения стоял и командир самолета подполковник Вейланд Аверелл Линч.

Плэгуэй сразу догадался об истинной причине того, что заварилось в эфире, хотя за ревом моторов никак не мог расслышать отдаленного грохота сплошного взрыва, три минуты назад одновременно опоясавшего всю Атавию.

Конечно, благоразумней всего не пускаться в путь без действующей радиоаппаратуры. Но, во-первых, следовало во что бы то ни стало торопиться в Европу, где с минуты на минуту должны были разыгаться первые и решающие этапы третьей мировой войны. А во-вторых, и с этим вынуждены были согласиться и штурман и подполковник Линч, самолеты летали и до изобретения радиолокации и вообще радиосвязи.

— Летали ли люди до изобретения радиолокации? — язвительно осведомился генерал.

Все члены экипажа «питона-18» находились на своих боевых постах. В длинной кабине без окон, кроме Плэгуэя и его чемоданов, прикорнули в разных ее уголках пять офицеров, составляющих свиту генерала. Они собирались вздремнуть, но увидели, что генерал с кем-то ведет беседу, то и дело поправляя давивший его толстую шею ларингофон. Содержания беседы им не дано было знать, потому что ни у кого из них, кроме старшего адъютанта, вообще не имелось шлемофонов, а невооруженным ухом ничего нельзя было расслышать в кабине из-за грохота моторов, толкавших всю эту огромную дюралевую махину через океан, через тысячи километров, на восток, во Францию.

— Летали, господин генерал, — услышал Плэгуэй голос подполковника Линча.

— Вы ничего не слышали насчет такого прибора, как гирокомпас?

— Слышал, господин генерал. У нас на борту имеется гирокомпас.

— И вы умеете им пользоваться?

— Я хотел только сказать, господин генерал, что в условиях...

— Надеюсь, штурман тоже умеет пользоваться гирокомпасом? — перебил его Плэгуэй.

— Майор Швайншмерц — один из лучших штурманов нашей авиации!

— Ну, вот и отлично. И не мешайте мне спать. Мне завтра предстоит уйма работы.

— Желаю вам спокойной ночи, господин генерал.

— Вот это разговор, достойный атавийского пилота!

— Билл! — подполковник нажал кнопку переговорного устройства, соединяющую его со штурманской рубкой. — Билл, генерал спросил меня, умеешь ли ты пользоваться гирокомпасом.

— А ну его! — рассердился Швайншмерц. — В конце концов почему я должен больше него беспокоиться о его же безопасности!

— Вот это разговор, достойный атавийского штурмана! — похвалил его Линч. — Набираю высоту, Билл, вхожу в сплошную облачность.

— Валяй, — отвечал ему из своей рубки майор Швайншмерц. — Курс прямо на ост, и нужно приложить неслыханные усилия, чтобы сбиться с такого курса.

— Спасибо за доверие, сынок!

Они были с майором однолетки, вместе летали на бомбежки в Корее, вместе кутили в Токио и Париже, вместе любовались своими фотографиями во многих и многих газетах и журналах, потому что они были чрезвычайно прославленные асы. Впрочем, это и так понятно: первому встречному никогда не доверили бы такой ответственный рейс.

На всякий случай Линч проверил правильность показаний гирокомпаса по звездам. В других условиях это было бы таким же ненужным времяпрепровождением, как проверять таблицу умножения. Но рейс начался нелепо, и подполковник Линч решил потратить несколько лишних минут на не менее нелепое дело.

Пришлось пробиваться сквозь почти шестикилометровую толщу туч, чтобы выбраться в чистое небо. Луна еще не взошла. Гирокомпас, как и следовало ожидать, в точности совпадал с привычными звездными ориентирами. Слева по борту, на траверсе, чуть ниже полпути к зениту, точно там, где ей полагалось, то есть на 42-м градусе, блистала Полярная звезда.

Затем Линч, посмеиваясь над своей глупой недоверчивостью к гирокомпасу, снизился до четырех километров и продолжал путь в западном направлении.

Крошечный вороненый самолетик, служивший стрелкой на приборе «искусственный горизонт», показывал, что они идут строго параллельно земле.

Сколько раз потом выпытывали у подполковника Линча, почему он повел самолет сквозь непроглядную гущу туч, когда проще было бы держаться над ними, ориентируясь по астрономическому компасу. Линч объяснял это тем, что у него якобы было какое-то особенное предчувствие. Возможно, что он, озлобленный на Плэгую, заставившего его продолжать опасный путь без радиоприборов, действовал по знаменитому принципу «пусть мне будет хуже».

Что до самого генерала, то он, как и полагается в такие минуты десятелю его масштаба, был весь, по самую свою макушку, погружен в размышления исторического порядка.

И вдруг омерзительное чувство падения в бездну прервало ход мыслей полузадремавшего генерала. Он уже не раз испытывал подобные ощущения: воздушные ямы попадаются на пути следования даже таких высокодоверенных и высокооплачиваемых деятелей Атавии. Но обычно этих ям хватало на доли минуты... А сейчас...

Выждав сколько следует, чтобы не выглядеть трусом в глазах пилота, генерал нажал кнопку переговорного устройства и услышал хриплый голос командира корабля:

— Подполковник Линч слушает.

— У меня такое ощущение, будто мы падаем.

— Так точно, господин генерал, я не решался вам раньше времени докладывать об этом...

— Падаем?.. Мы падаем на землю?! — Теперь настала очередь охрипнуть Плэгуэю.

— Никак нет, господин генерал. В том-то и дело, что никак нет.

— То есть как это нет?.. Значит, мы не падаем?

— Мы падаем... но только не на землю... Кажется, мы падаем на небо, господин генерал.

2

Минут за пять до этого удивительного разговора Линч, бросив ленивый взгляд на гирокомпас, удостоверился, что самолет летит правильным курсом. Стрелка компаса показывала прямо на ост. Очень приятно! Подполковник Линч ничего иного и не предполагал.

Он бросил еще более ленивый взгляд на прибор «искусственный горизонт» и тут же облился с головы до ног холодным потом: стрелка этого прибора, изображавшая крохотный вороненый самолетик, рванулась вниз и распласталась у самой нижней кромки шкалы. Это могло означать только одно: самолет, не игрушечный самолетик-стрелка, а настоящий, тот самый, которым командовал подполковник Линч, стремительно падал. Мы не говорим, что он падал вниз, так как вскоре выяснилось, что можно падать и вверх. А гирокомпас как ни в чем не бывало по-прежнему показывал, что самолет идет прямо на ост. Это было необычно, непостижимо, противоречило простейшей логике, и все же это было именно так.

Но времени на то, чтобы предаваться удивлению, у Линча не оставалось. Надо было попытаться выровнять самолет, если это еще окажется возможным. Вероятней всего, они уже так близко от поверхности земли, что выровнять не удастся...

Ему удалось выровнять самолет. Он блаженно вздохнул и позволил себе вытереть лоб. Показания гирокомпаса и «искусственного горизонта» были, наконец, приведены в соответствие. Однако, когда Линч уже поднес руку к кнопке, чтобы попытаться уяснить со Швайншмерцем, что это за чертовщина получилась с обоими приборами, стрелка альтиметра вдруг пулей взвилась вверх, и это означало, что и самолет свечой, чуть ли не по вертикали, взмывает вверх.

Их вышвырнуло из мощного слоя туч в чистое звездное небо, и облачность осталась у них ПОЗАДИ, не под ними, как следовало ожидать, а именно ПОЗАДИ, в самом буквальном и неожиданном смысле этого слова. Она высилась мрачной, бескрайней, чуть розовеющей снизу ВЕРТИКАЛЬНОЙ стеной.

Стрелка альтиметра показывала высоту в двенадцать с лишним тысяч метров. Слева по борту буднично и спокойно сияла Полярная звезда. Большая и Малая Медведицы, как всегда, мирно и без видимых результатов черпали своими бездонными блистающими ковшами темно-синюю, почти черную плоть небосвода. Привычно взвивалось четырехглазое созвездие Дракона. Впереди добродушно помаргивали старые знакомые — звезды Ориона, Близнецов, Льва, Большого и Малого Псов.

«Хорошо, что хоть со звездами все обстоит нормально», — подумал с некоторым не очень веселым юмором подполковник Линч и секундой спустя убедился, что поспешил со своим оптимистическим выводом.

«Вот я и спятил!» — пробормотал он с каким-то горьким удовлетворением и устало откинулся на спинку кресла.

Внизу, прямо внизу под самолетом, там, где следовало ожидать пелену облаков или чистую землю, Линч, его второй пилот и оба штурмана тоже увидели ЗВЕЗДНОЕ НЕБО, бескрайнюю, темно-синюю звездную бездну, и это был первый случай в истории человечества, когда люди смогли одним взглядом окинуть не половину (обычно даже меньше половины), а почти всю звездную сферу.

Но это не все.

Прямо под собой в быстро светлеющей бездне они увидели гигантский белоснежный серп какого-то неведомого небесного светила. Оно было по меньшей мере в пятнадцать, а то и в двадцать раз больше видимых размеров Луны и казалось настолько близким, что чудилось, вот-вот самолет со страшным, душу выматывающим скрежетом коснется его верхнего острия, и тогда и от самолета и от его экипажа и пассажиров даже пыли не останется.

Гирокомпас с идиотским упорством продолжал показывать, что «питон-18» летит курсом на ост, альтиметр показывал предельную высоту, «искусственный горизонт» — что они стремглав летят вниз, и физически все на самолете испытывали тошнотворное чувство быстрого проваливания в пропасть, а видели они, что падают не вниз, а вверх, в глубину быстро светлеющей бездны, на дне которой белел, так же быстро теряя в яркости, неправдоподобно огромный серп загадочного светила.

Как раз в этот волнующий миг Линч и услышал в наушниках своего шлемофона раздраженный голос генерала.

— Мы падаем... Мне кажется, что мы падаем на небо, господин генерал, — сказал, как мы помним, одуревший от обилия навалившихся на него впечатлений подполковник Линч.

— Оказывается, вы шутник, подполковник.

— Никак нет, господин генерал... Вы себе не можете представить!.. Генерал, это похоже на дурной сон!

Плэгуй ввалился в кабину пилотов в своем непомерно большом шлемофоне, облекавшем его розовое, идеально выбритое лицо, словно капор. На распахнутый китель свисали шнуры ларингофона, ошейником обхватывавшего его плотную шею.

Пилоты не заметили появления генерала. Свесившись со своих кресел и почти соприкасаясь головами, они растерянно смотрели на необычную картину прямо под их ногами, по ту сторону толстого слоя плексигласа, который отделял кабину от ледяного и разреженного воздуха субстратосферы.

Первое, что заметил генерал, глянув в том же направлении, насколько это позволяли головы обоих пилотов, был свет. Он брезжил снизу в кабину. Не сильный и не похожий ни на лунный, ни на электрический, но, конечно, и не солнечный. В тринадцать минут десятого вечером двадцать первого февраля на сорок втором градусе северной широты ожидать солнечного света мог только полный безумец или двухлетний ребенок.

— Я себя чувствую словно в оборвавшемся лифте, — промолвил генерал, позабыв, что могучий рев моторов исключал возможность разговора без помощи специальных приспособлений.

Сам не расслышав собственного голоса, он искал, как бы тут подключиться к переговорному устройству, не смог разобраться в обилии разноцветных и разнокалиберных розеток и, чтобы привлечь к себе внимание, дотронулся до плеча одного из пилотов. Пилот поднял голову. Это был Линч.

Вероятно, то, что он видел под своим самолетом, начисто затормозило у него условный рефлекс субординации и чинопочитания. Он не встал с кресла, не предложил его Плэгуй, не кинулся включать в розетки переговорного устройства штепселя генеральских шлемофона и ларингофона, не отрапортовал, как положено по уставу, об обстановке. Не вставая с кресла, точно перед ним был не главнокомандующий Европейской армией, а старый его собутыльник, он обнял генерала и пригнул его голову к прозрачному полу кабины. Только после этого он занялся шнурами его переговорных приспособлений.

Теперь и Плэгуй убедился, что можно, испытывая все неприятные ощущения, сопутствующие стремительному падению, падать при этом не вниз, на землю, а вверх, в небо.

— Что это значит, Линч? — спросил Плэгуй таким тоном, точно все, чему он сейчас был свидетелем, явилось плодом незначительности командира воздушного корабля.

Линч не ответил.

— Что это за громадный серп? — продолжал Плэгуй. — Неужели Луна?

— Луна во-он где, — отозвался Линч и снова с полнейшей бесцеремонностью повернул генерала головой направо.

Там генерал увидел сразу два светила. Одно из них условно было Луной. Второе слепило глаза, хотя оно еще только-только возникало из-за горизонта. И это светило безусловно было Солнце. Солнце — в четверть десятого, вечером, зимой!

— Вы что-нибудь понимаете? — крикнул генерал, хотя в шлемофон хорошо слышен и шепот.

Линч отрицательно покачал головой.

— Откуда сейчас солнце?

Линч молча пожал плечами.

— Где мы находимся? Приблизительно, конечно.

— Если это действительно солнце и оно действительно восходит, то мы, видимо, уже где-то над Советским Союзом... Хотя, по совести, я никак не возьму в толк, как мы проделали такой путь за четверть часа...

— Назад! — закричал Плэгуэй, хотя в шлемофон, повторяем, слышен был и легчайший шепот. — Немедленно поворачивайте назад вашу колымагу!.. Этого еще не хватало!..

— Слушаюсь, господин генерал, — с готовностью отвечал подполковник.

Но только он взялся за ручку штурвала, как Плэгуэй, побуждаемый какой-то внезапно осевшей его идеей, командовал:

— Отставить!

— Есть отставить! — послушно отозвался удивленный подполковник.

— У вас есть с собою фотоаппарат? — спросил генерал.

— Гарри, — сказал Линч второму пилоту, — дай генералу мой аппарат.

— Значит, никто из вас не знает, что это за серп и как он называется? — переспросил генерал и сделал один за другим четыре снимка, норовя захватить в объектив сразу все три светила, видневшиеся под самолетом. Затем он несколько раз заснял один только таинственный серп.

— Не думаю, чтобы хоть кто-нибудь на земле мог дать ответ на наш вопрос, — ответил Линч за себя и своего помощника. — Разве только какие-нибудь особенные специалисты. Хотя весьма сомнительно, чтобы такая большая сенсация могла оставаться тайной больше получаса.

— Вы все-таки на всякий случай проверьте у штурманов.

— Билл, — нажал кнопку переговорного устройства подполковник Линч, — генерал интересуется, известно ли вам, штурманам, что это там за рогатая штука торчит прямо по носу?.. Угм!.. Угм... Ну, конечно, конечно, разве другого ответа можно было ожидать от такой глубоко просвещенной особы!.. Он говорит, господин генерал, что теряется в догадках. Единственно, в чем он твердо уверен, так это в том, что ни один другой штурман во всей военной и гражданской авиации Республики Атавии и всего мира не смог бы сказать по этому вопросу больше него, то есть он хочет сказать, больше майора Билла Швайшмерца.

— В таком случае я единственный человек, знающий, что это небесное тело называется «Литтл Атавия», потому

что именно так я его и называю на правах первооткрывателя. Приказываю вам, господа офицеры, быть свидетелями, а штурману Швайншмерцу зафиксировать в надлежащей форме и выражениях в бортовом журнале самолета, что, — генерал посмотрел на свои часы, — двадцать первого февраля сего года, в двадцать один пятнадцать генерал Плэгуэй открыл неизвестное доселе небесное светило, названное им в честь Атавии «Литтл Атавия». Поздравляю вас, господа, с тем, что вам выпало счастье и честь быть свидетелями нового завоевания атавизма! Да поможет нам бог!

— Амины! — ответили пилоты, а подполковник Линч, кроме того, нетерпеливо спросил:

— Теперь можно поворачивать?

— Поворачивайте с богом, — ответил генерал, преисполненный самых набожных мыслей. Он считал, что если бог вдруг и в самом деле существует, то он, генерал, показал себя неплохим атавийцем...

Так, двадцать первого февраля, в двадцать один час пятнадцать минут атавийским генералом Плэгуэем с борта атавийского тяжелого четырехмоторного самолета «питон-18» была открыта и запечатлена в бортовом журнале, во славу атавизма, под названием «Литтл Атавия», то есть «Маленькая Атавия», планета довольно хорошо и давно известная человечеству под названием «ЗЕМЛЯ».

3

Опять взлет и физическое ощущение падения в пропасть. «Искусственный горизонт» поднялся до нормы, альтиметр показал предельную высоту, и вдруг снова ПРЯМО ПОД САМОЛЕТОМ развернулась звездная бездна. Но на сей раз в ней не было ни Луны, ни Солнца, ни Земли. Сейчас прямо под ними на дне черно-синей ямы лежали Большая и Малая Медведицы, созвездия Дракона, Геркулеса, Волопаса, Змея, Девы, Лиры. «Питон-18» камнем падал вверх (а может быть, это надо было уже назвать «вниз?»), на Полярную звезду.

А судя по гирокомпасу, они по-прежнему держали курс на ост.

И вот, когда Плэгуэй, на которого, как на старшего по званию и положению, легла вся ответственность за принятие решения, совсем было потерял голову и собрался приказывать, чтобы снова поворачивали назад (хотя куда, собственно, поворачивать и зачем, было непонятно), все вдруг само по себе встало на место. Небо, как ему и положено спокон веков, все собралось над самолетом, внизу снова угадывалась верхняя кромка безбрежного моря облаков, «искусственный горизонт» успокоился на средней линии, Полярная звезда как ни в чем не бывало заняла свое обычное место, на этот раз справа по борту.

Несколько минут все в кабине — и оба пилота и генерал — молчали, напряженно вглядываясь в небо — не упадет ли оно им снова под ноги. Небо пока что не падало.

Но надолго ли оно останется на месте? Какую еще фантастическую неожиданность таило в себе это видимое спокойствие? А вдруг самолет ни с того ни с сего перейдет в вечный штопор и будет в таком виде вертеться, пока не рассыплется на части? А что, если он будет продолжать свой полет боком, на крайнем ребре крыла, или хвостом вперед? Или вдруг из-за какого-нибудь созвездия вышвырнет им навстречу Сатурн и они с лету врежутся в его кольца?

Но время шло, никаких происшествий не происходило. Все приборы, кроме бездействовавших радиоприборов, работали исправно и безотказно. Правда, гироскоп показал, что самолет идет курсом не на ост, а на вост, но в этом не было ничего удивительного, потому что они легли ведь сейчас обратным курсом. Надо было принимать решение насчет дальнейшего пути: с каждым мгновением — и это было ясно и пилотам, и штурманам, и генералу — они, очевидно, все больше удалялись от берегов Франции.

Плэгуэй вопросительно оглянулся на Линча. Линч сидел, непринужденно откинувшись на спинку кресла, и смотрел на генерала с почти нескрываемым злорадством. Всем своим видом он недвусмысленно показывал, что с себя лично он всякую ответственность за полет в таких идиотских условиях снимает и что пускай господин генерал, если ему придет в голову дельная мысль (что весьма сомнительно), сам отдает приказания, и он, подполковник Линч, пожалуй, как дисциплинированный офицер, будет их выполнять, сколь бы нелепы и бесполезны они ни были.

Ну и влипли же они в кашу по милости этого проклятого генерала!.. Следовало сразу, как только началась чертова магнитная буря, во что бы то ни стало, не считаясь ни с каким риском, немедленно идти на посадку...

Непривычное чувство горькой легкости, дурманящее волю, сознание полной обреченности, освобождающее от утомительных и бесполезных попыток спасения, на некоторое время овладело им. Подполковник Линч был слишком лакеем, чтобы взбунтоваться по-настоящему, именно поэтому он и упивался беспомощностью положения, в котором находился его столь высокопоставленный и всемогущий начальник.

Часы на пульте перед Линчем показывали двадцать один час двадцать три минуты. Неужели с момента взлета с аэродрома прошло меньше получаса? Он проверил по своим ручным часам и удостоверился, что именно так дело и обстояло.

— Ну? — буркнул Плэгуэй, не выдержав затянувшегося молчания.

— Я слушаю вас, генерал, — отвечал Линч с подчеркнутым повиновением.

— Что вы собираетесь предпринимать?

— Я жду ваших приказаний, господин генерал.

Плэгуэй сделал вид, будто не понял издевательского характера этого ответа.

— Может быть, стоило бы пробиться под тучи и ориентироваться по местности?

— Слушаю, господин генерал.

— Да постойте вы! — рассердился генерал, видя, что командир самолета с вызывающей исполнительностью взялся за штурвал. — Хотелось бы раньше узнать ваше мнение, стоит ли это делать.

Линч с такой же готовностью выпустил из рук штурвал.

— Полагаю, сударь, что это было бы не очень резонно. Под нами или океан, или, чем черт не шутит, суша, неизвестная нам часть суши.

— Ничего не понимаю! Разве нельзя определить по каким-нибудь наземным ориентирам?

— Я не очень доверяю нашим приборам. Конечно, не всегда, а только сейчас, после всего того, что мы только что пережили. Нас могут свободно подбить наши же собственные зенитные батареи, если мы не над океаном. Поэтому что теперь опасно верить и гироскопу.

— А разве нельзя сначала хоть приблизительно определиться по звездам? Астрокомпас в порядке?

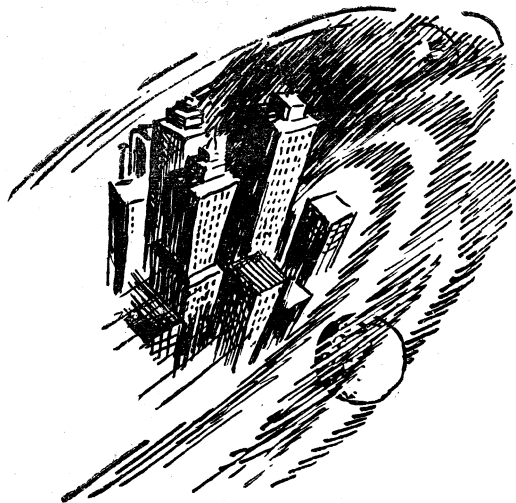
— Боюсь, господин генерал, что звезды не в порядке.

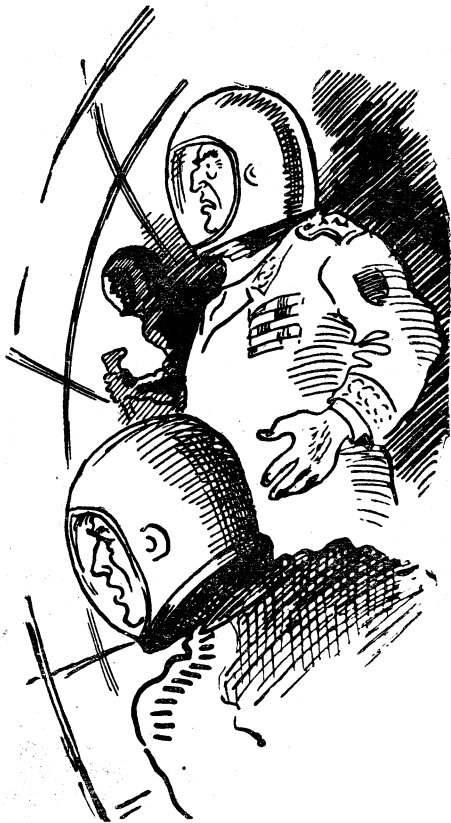
— Остроумно сказано! Давайте все же попробуем.

— Слушаю, господин генерал... Билл! — Линч соединился с Швайншмерцем. — Надо срочно определиться по звездам. Займитесь этим делом оба и порознь. А я пока буду совершать круги.

И самолет стал кружить в холодном и мрачном черном небе в ожидании результатов расчетов, которые в штурманской рубке спешно производили Швайншмерц и его помощник.

Видимо, у них что-то не клеилось. Они сделали все необходимые расчеты, и один раз и другой тщательно проверили расчеты, и снова принялись за таблицы.

— Вам не кажется, что следовало бы выбирать для своего самолета более опытных штурманов? — съязвил Плэгуй.

— Несправедливо сказано, господин генерал. Мы с ними проделали всю корейскую кампанию. Они отличные штурманы.

— Сомневаюсь... Так что же у них там получается, если это не тайна?.. Звезды в порядке?

— В порядке, господин генерал... Звезды в порядке... Но Луна... Я разрешаю себе исходить из бесспорной предпосылки, что астрономические таблицы не заслуживают никаких сомнений и не могут испортиться...

— Короче! Прошу вас, ко-ро-че!

— ...С Луной что-то не совсем ладно...

— Да не выражайтесь вы загадками, черт вас побери! Говорите точнее и короче!

Видно было, что Линч не на шутку огорошен тем, что ему доложили штурманы, и это никак не прибавляло генералу спокойствия.

— Я предполагал, господин генерал, вернее, я позволил себе шутливо утверждать, что не совсем в порядке звезды. Так вот: если ориентироваться по звездам, то все в порядке... Но если ориентироваться по Луне...

— Боже, да говорите же!..

— Какая-то чертовщина, — пожал плечами обескураженный подполковник Линч. — Единственный разумный вывод, который можно сделать, если исходить из предпосылки, что астрономические таблицы не врут... Словом, все расчеты показывают, что мы находимся на высоте **ОКОЛО ШЕСТИДЕСЯТИ ТЫСЯЧ КИЛОМЕТРОВ НАД УРОВНЕМ МОРЯ...**

4

Последующие расчеты неизменно приводили к тому же несуразному итогу.

У Плэгуэя мелькнула мысль, что штурманы лишились рассудка. Но в таком случае почему у них, работавших порознь, роковым образом получались одинаковые цифры?

— Будем снижаться? — спросил он у помрачневшего Линча.

— Боюсь, что у нас нет другого выхода. — Линч отвечал не очень уверенно. — Может быть, нам как-нибудь удастся приземлиться... В крайнем случае будем летать под нижней кромкой облаков, пока не успокоится магнитная буря, потому что ведь должна же она когда-нибудь закончиться, будь она трижды проклята!.. Разрешите пробиться к земле?

— Шестьдесят тысяч километров вниз по прямой?! — хихикнул генерал. — Вам не кажется странным, что мы удерживаемся на такой высоте? До сих пор я был убежден... Меня учили в школе, что на высоте, и в тысячу раз меньшей, не то что самолет, даже паутинка не может удержаться. А вас разве этому не учили?

— Меня учили, что и падать на Луну не менее немислимо...

Они пробились сквозь толщу облаков и совсем близко, не более чем в двух километрах под собою, увидели несколько больших скоплений мерцающих огней, соединявшихся тоненьким двойным светящимся пунктиром. Все это никак не походило на звездное небо. Нетрудно было догадаться, что самолет сравнительно низко пролетает над какими-то населенными пунктами, а тоненький двойной пунктир был двумя рядами фонарей, освещавших дороги между ними.

— Сколько мы потратили на снижение, подполковник? — воспрянул духом Плэгуэй. Голос его был полон яда.

— Четыре минуты, господин генерал.

— Займемся простейшей арифметикой: делим шестьдесят тысяч на четыре. Получается пятнадцать тысяч?

— Так точно. Пятнадцать тысяч.

— Помножаем пятнадцать тысяч на шестьдесят. Получаем часовую скорость, равную девятистам тысячам километров. Не так ли, подполковник?

— Так точно, — отвечал Линч, — девятьсот тысяч.

— И вы будете после всего этого утверждать, что ваши штурманы не наделали в своих расчетах самых идиотских ошибок? — не унимался Плэгуэй.

— Я не знаю, как это произошло, — устало отвечал Линч, окончательно сбитый с толку, — только что касается квалификации моих штурманов, то...

Однако закончить фразу ему на этот раз не удалось. Одновременно слева и справа по борту на земле беззвучно вспыхнули десятка два багровых всполохов.

— Ого! — пробормотал он, с силой дернув на себя штурвал. — Узнаю знакомую картину.

Но прежде чем самолет успел скрыться в спасительном мраке облаков, они увидели, как и внизу, на земле, все также погрузилось во мрак, и сразу в радующем отдалении от самолета с ослепительным пламенем грохнули разрывы двух десятков зенитных снарядов.

— Молодцы зенитчики! — пробурчал Линч, с шумом выдыхая из себя воздух.

Дальнейших залпов не последовало, потому что радиолокация все еще бездействовала. Зато в небе стремительно рыскали толстые и бесплотные щупальца прожекторов, выхватывая из низкого облачного неба расплывчатые желтоватые непрозрачные дымчатые круги.

— А теперь что? — спросил генерал, глядя в ветровое стекло кабины, за которым ровным счетом ничего не было видно. — Можете быть уверены, на тысячи километров в округе уже объявлены затемнение и воздушная тревога!

— Поднимемся за верхнюю кромку облачности и будем там летать.

— Покуда не иссякнет горючее?

— Или покуда не утихомирится магнитная буря, господин генерал.

— Успокоительная перспектива, нечего сказать!

— К сожалению, ничего более приятного предложить не могу, господин генерал, — снова ожесточился подполковник Линч.

— Ну что ж, — скривил губы Плэгуэй, — полетаем.

И отправился отдохнуть.

Был на исходе второй час с момента их отрыва от взлетной дорожки...

Они проплутали после этого в воздухе еще девятнадцать с лишним часов. Пять раз пытались пробиться вниз, под облака, чтобы определиться по местности, и все пять раз еле уносили ноги.

Когда спустились ранние сумерки двадцать второго февраля, горючее у Линча было на исходе.

Плэгуэю, как старшему по чину и положению, было предоставлено печальное право определить, каким образом принять им всем неминуемую и сейчас уже вплотную приближившуюся кончину: от зенитных снарядов, от пулемет-

ного или пушечного огня истребителей или в результате заранее обреченной на катастрофу посадки на первом попавшемся поле или пустыре.

— Орудия и пулеметы изготовить к бою! — скомандовал Линч.

Из башен (две на крыльях, две под крыльями и одна хвостовая) доложили о готовности к бою.

Они были на полпути к нижней кромке облаков, когда в радиорубке вдруг грянул джаз. Разухабистые синкопы рок-н-ролла загремели с такой силой, что у радиста чуть не лопнули барабанные перепонки. Это был радиомаяк. Магнитная буря прекратилась так же внезапно, как и началась.

Потребовалось несколько мгновений, чтобы определить, что это атавийский маяк на атавийской территории, и немногим больше, чтобы договориться с ближайшим аэродромом.

Вскоре они благополучно снизились, проплував над Атавией в общей сложности свыше двадцати одного часа. Они привезли с собой фотографии нового небесного светила, открытого генералом Плягузем и в высшей степени патристично названного Маленькой Атавией, и подробный отчет о первых двух часах полета, который должен был перевернуть вверх дном многие привычные представления о небесной механике и строении солнечной системы.

Но сейчас Атавии, которая все еще не знала, что она сама стала новым небесным телом, было не до походов и открытий генерала Плягуэя и его свиты.

Страна была охвачена паникой.

Итак, вот что произошло в результате ядерного залпа, организованного незадачливыми атавийскими стратегами. Атавия вместе с прилегающей к ней небольшой страной Полигонией оторвалась от Земли и на высоте шестидесяти тысяч километров превратилась в самостоятельное небесное тело — плоское, со средней толщиной сорок-пятьдесят километров. Вокруг этого выброшенного в пространство тела и плутал самолет с атавийским генералом на борту.

Путешественник по векам

Василий Васильевич живет в Акрополе Пантикапея — на месте столицы древнего Боспорского царства. Адрес у Василия Васильевича «исторический» — Керчь, Верхняя Митридатская, Дом археологического заповедника.

Василий Васильевич по специальности не археолог. Он инженер. Всю жизнь проработал на строительстве железных дорог. Впрочем, почему всю жизнь? Ведь без этих лет, которые прожиты здесь, в этом маленьком домике, летопись его дел была бы неполной...

Началось это тогда, когда Василий Васильевич Веселов работал на строительстве переправы через Керченский пролив. Удивительная история этого края, настоящей археологической кладовой, заинтересовала инженера. Он стал частым гостем библиотеки Керченского историко-археологического музея. Он мечтал найти Порфмий — поселение, откуда древние переправлялись через пролив на Большую землю. Археологи безрезультатно искали его сто лет... А он нашел! Нашел, верно, потому, что сам строил переправу. Древние греки оказались неплохими инженерами — ось фарватера их переправы совпала со створом нынешнего парома-гиганта.

Пенсионер, почетный железнодорожник, он думал, что Керченская переправа будет его последней стройкой и теперь он сможет заняться историей. Но в газетах появилось новое слово — «целина», и Василий Васильевич решил, что царю Митридату придется подождать его еще несколько лет.

В длинном списке мест, где приходилось работать путейцу Василию Веселову, прибавились новые стройки: станция Шильда, Адамовский район.

Вот уже несколько лет живет Василий Васильевич в Акрополе Пантикапея, прямо у ограды домика начинается раскоп...

Некоторые археологи называют Веселова «королем искателя». Веселов открыл более пятисот древних памятников керамики, обнаружил и нанес на карты поселения эпохи бронзы и раннего железа, сооружения древних греков, археологические клады времен римского владычества и раннего средневековья. Он составил уникальный каталог найденных им клейм, которыми древние мастера метили черепицу, отыскал черепицу новых форм и объяснил ее назначение.

**ИЗ БЛОКНОТА
ИСКАТЕЛЯ**

Его работы опубликованы в научных журналах, переведены за рубежом.

Осенью прошлого года, рассматривая отвалы грунта, вынутого при рытье одного котлована, Веселов нашел мраморную голову. Скульптурный портрет боспорца пролежал в земле 2 300 лет.

— Думаю, что это один из правителей династии Спартакидов. Афиняне ставили им памятники в награду за боспорский хлеб, — говорит Василий Васильевич.

Свою находку Веселов послал в Москву. Через некоторое время в домик на горе Митридат пришло письмо:

«Министерство культуры СССР приносит Вам глубокую благодарность за передачу одному из центральных музеев обнаруженной Вами античной портретной скульптуры. Мы высоко ценим Ваш гражданский поступок, который Вы связываете с XXII съездом КПСС, крупнейшим историческим событием в жизни нашего народа. По нашему мнению, найденный Вами памятник должен занять достойное место в экспозиции Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве...»

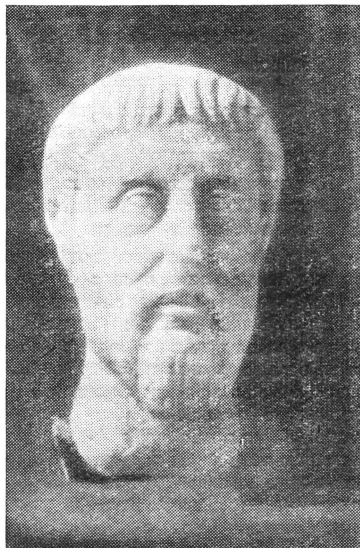
Василий Васильевич уверен: его народу нужны и железные дороги, которые он строил, и обломки клейменных черепиц, которые он отыскал на горе Митридат. А ведь эта уверенность и есть человеческое счастье.

Я. ГОЛОВАНОВ

ЛАБОРАТОРИЯ ПОД ВОДОЙ

Каким способом можно погрузиться в глубины моря, чтобы вести там научные исследования? В скафандре, в подводной лодке, в батискафе... Еще как!

По проекту известного французского океанографа Ива Кусто в Ницце изготавливается стальная труба длиной свыше 300 метров. С помощью балласта в 110 тонн она будет вертикально поставлена в море. Верхняя часть трубы, через

которую станет поступать воздух, будет возвышаться над водной поверхностью. Лаборатория, устроенная в средней части трубы, окажется под водой.

МУЗЕЙ МЕТЕОРИТОВ. Экспонаты в этот музей попадают... с неба. Работники обсерватории в маленьком городке Пульсинец на юге ГДР вот уже тридцать два года коллекционируют метеориты. Конечно, собранные здесь небесные тела — некоторые из них весят несколько центнеров, а другие всего граммы — упали на Землю не в том месте, где стоит городок Пульсинец. Организаторы музея при обсерватории ведут переписку с астрономами мира и, как правило, получают в год примерно по два новых экспоната.

БАБОЧКИ С РАДАРом. Это, конечно, удивительная особенность летучей мыши — ее «радарное устройство». Издавая ультразвуки, она не только безошибочно ориентируется в своих ночных полетах, но и точно засекает, где в данное мгновение находится насекомое, ее добыча. Жертве ускользнуть не удастся...

Так по крайней мере считалось до сих пор. Но совсем недавно у одной из разновидностей ночных бабочек обнаружено нечто не менее удивительное. Оказывается, эти бабочки имеют слуховой аппарат, который позволяет им принимать сигналы летучих мышей на большом расстоянии и ускользать от опасности.

Исследования энтомологов Рёдера и Трима — поведение бабочек они фотографировали, а ультразвуки летучих мышей записывали на пленку — продолжают...

ВМЕСТО ЭПИГРАФА

...В 1892 году по притокам Ангары шелкопряд погубил около двухсот тысяч гектаров леса.

«Лесная энтомология»

За последние годы тысячи гектаров леса погибли от шелкопряда в Сибири и на Дальнем Востоке.

Журнал «Ангара»
№ 2, 1961 г.

С 1896 по 1900 год шелкопряд принес Восточной Сибири еще больший ущерб. Общий убыток от снижения качества древесины составил по тогдашним ценам 8 833 760 рублей золотом. И это еще не все. Охота и ореховый промысел потеряли более полумиллиона рублей...

«Лесная энтомология»

СХВАТКА С ОБОРОТНЕМ

Николай КОРОТЕЕВ

ЭТО ПОВЕСТЬ О ЛЮБВИ...

Кедры стояли густо, почти без подлеска. Могучие, в два обхвата, стволы уходили ввысь. Кроны смыкались будто у облаков.

Солнечный свет проламывался сквозь ветви косыми плотными снопами. Ближние деревья казались на их фоне черными. Стоило сделать несколько шагов, и сквозь световую завесу проступали очертания новых стволов, таких же огромных и стройных.

Под деревьями было сухо, и желтый ковер опавших кедровых игл мягок и приятен.

Талаевым овладело странное чувство безмятежности и в то же время беспокойства. Он словно впервые окунулся в тайгу. Так окунаются в море и всем телом ощущают его. Еще так бывает, когда горожанин, считающий, что он хорошо знает свой город, — хотя по-настоящему помнит, случается, только дорогу от дома до работы да две-три близлежащие улицы, — в один прекрасный день вдруг открывает город будто наново и дивится его красоте, чтобы через несколько лет, может быть, опять испытать то же чувство неизведанности и узнавания.

Они шли час и два, а из-за светового занавеса все так же выступали кедры. Охотники будто кружили на месте. Они пересекали глубоко пробитые звериные тропы, по которым здесь веками ходят поколения кабанов, изюбров, лосей, медведей и всяких других обитателей тайги. Изредка на коре кедров им попадались медвежьи задиры. Во время гона косолапые хвастаются удалью: показывают своим противникам, какие они есть. Став на задние лапы, медведи передними царапают кору

как можно выше. Попав в обиталище более высокого, а значит, и более сильного противника, трусливый неудачник покидает «владения». А коли местный «хозяин» слаб, пришелец гонит его от медведицы.

Увесистая кедровая шишка, величиной с кулак, упала к ногам Талаева. Он остановился и посмотрел вверх. Кроны были так высоко, что пришлось запрокинуть голову и придержать шляпу рукой. И там, на тридцатиметровой высоте, он увидел белку. Она раздраженно зауркала. Крошечный пушистый комочек жизни был чем-то недоволен.

Когда Талаев перевел взгляд на своего спутника, ушедшего вперед, то и Болдырев, низенький крепыш в кепчонке и сырмятных ичигах, показался совсем крошечным в этом царстве молчаливых великанов. Среди могучих деревьев все казалось неправдоподобно маленьким.

Талаев думал о том, что рядом с этими деревьями — а им лет по пятьсот — и жизнь отдельного человека очень мала. Почти вся история цивилизации уложилась для этих кедров в существование пятнадцати поколений.

Перешагивая звериную тропу, Талаев поскользнулся. Поднявшись, Василий Петрович отряхнул руки, колени и сердито подумал, что гонка, которую устроил Болдырев, совсем ни к чему. Не понимает он, что ли, — не удалась охота.

Талаев устал. Но просить Болдырева прекратить бессмысленную уже погоню не хотел. Не хотел признаваться в слабости. Владимир Осипович в сыновья годился Талаеву и сам мог бы догадаться, как тому трудно.

Они вышли из избушки лесника задолго до восхода солнца, отмахали добрый десяток километров до места, устроили засаду. Болдырев стрелял первым, но либо промахнулся, либо лишь легко ранил козюлю. Так думал Василий Петрович.

Однако Болдырев считал, что дичь далеко не уйдет, и они отправились в погоню. Они преследовали подранка уже часа четыре, а Владимир Осипович все не хотел признать своего поражения.

Болдырев неожиданно остановился, потом бросился в сторону. Талаев увидел, что он погнался за бабчочкой.

«Ну-ну! Энтомолог всегда энтомолог», — подумал Василий Петрович, наблюдая, как тот, изловчившись, схватил бабочку прямо рукой, внимательно осмотрел ее и раздавил.

Василия Петровича передернуло, но он промолчал.

Чем дальше они шли, тем больше попадалось крупных бабочек. Они были серыми в тени и казались ослепительно белыми в косых лучах солнца. Болдырев гонялся за ними, ловил и убивал. Потом плюнул и стал мрачным.

Настроение праздничного раздумья в душе Талаева пропало окончательно.

— В науке нет места ненависти, — проговорил он.

— Полюбите чумную бациллу или холерный вибрион. Это бабочка шелкопряда. Она хуже чумы для кедра.

— Я не думаю, что эмоции могут помочь ученому.

— Вы принципиальный сухарь, Василий Петрович.

Талаев остановился вдруг.

— Что это?

Слова прозвучали в звенящей пустоте.

Деревья вокруг стояли голые. Это были не кедры, а скелеты их. Черные, словно обгоревшие стволы, воздетые к небу обнаженные ветви.

Пекло солнце. Скелеты не давали тени.

Тайга была мертва.

— Что это? — снова спросил Талаев.

— Шелкопряд. Идет шелкопряд. Он в четные годы — гусеница, а в нечетные — бабочка.

— Оборотень?

— Физиологический цикл.

— Страшная штука!

— Как видите.

Оглядевшись, Талаев неожиданно спросил:

— А как мы сюда попали?

— Шли и пришли.

— Спасибо за экскурсию! — сказал Талаев. Он только теперь понял, что Болдырев пригласил его не на охоту.

Уже несколько месяцев кряду энтомолог довольно регулярно заходил к нему в лабораторию и заводил разговоры о тайге, жаловался, что ученые смежных, в известном смысле, областей совсем не интересуются лесом, хотя во многом могли бы помочь лесовикам и энтомологам, которые буквально задыхаются от всякой нечисти, свалившейся на тайгу. А могли бы!

— Я доволен, — ответил Болдырев. — Вы увидели, что такое шелкопряд в тайге.

— С таким же успехом вы могли пригласить меня на кладбище.

— Но гибель этих деревьев бессмысленна!

— Не апеллируйте к моим чувствам!

Болдырев замолчал.

Они пошли к домику лесничего.

Увидев их вернувшимися с пустыми руками, лесничий почему-то очень обрадовался, крикнул, чтобы поставили самовар, засуетился у стола.

— А я думал, вы побаловаться решили, — приговаривал он, собирая на стол. — Сам-то я, грешным делом, не терплю любителей. Любитель во всяком случае что купчишка в кабаке. Вот кабанья свежинка. Губа сохатина — хозяйка сама коптила. Пальчики оближешь! Да вы не стесняйтесь!

Талаев смотрел на стол, уставленный яствами. Такого пиршества он не видел с довоенных лет.

— Скоро и промысловикам и любителям делать здесь будет нечего, — сказал Болдырев.

Лесничий остановился у стола с тарелкой в руках.

Солнечный свет широкой полосой врвался в окно, падал на белую скатерть с глубокими слежавшимися прямоугольниками складок и озарял всю избу — желтые скобленные стены и потолок, печь, сложенную из серых камней, нехитрую утварь. И лицо лесника, застывшее в изумлении.

— Шелкопряд идет. На соседнем участке — шелкопряд, — сказал Болдырев, наливая водку в стакан.

Лесничий будто стал ниже ростом, потоптался на месте и почему-то понес полную тарелку мяса обратно на кухню.

— Почему вы боитесь своих чувств, Василий Петрович? Не отрещивайтесь от них. Сухарник, что мы видели, — капля в море. Только в нашей области шелкопряд съел больше миллиона гектаров кедра. А в других? Бабочки, которых мы видели, перемахнули через Байкал. Шелкопряд идет на леса Бурятии.

— Почему вы мне это говорите?

— Вы микробиолог. И я знаю, что микробиологи пытались бороться с насекомыми с помощью бактерий.

— Вы, Владимир Осипович, энтомолог. Гусеницы — это по вашей части, а если вы слышали о попытках, то слышали и о том, что они оказались безрезультатными.

* * *

В дверь постучали. Неожиданно и резко.

Василий Петрович оторвался от микроскопа.

— Войдите...

И по привычке окинул взглядом кабинет — белый, сверкающий никелем и стеклом. Все стояло на своих местах и было очень чисто и аккуратно.

Дверь распахнулась. Болдырев вошел в лабораторию, шумно придвинул стул, сел, облокотившись о колени, и сцепил пальцы рук.

— Вы помните кедры?

— Кедр? — переспросил Талаев. Он помнил. Они шли по лесу, и перед ними отступал солнечный занавес, открывая корабельную чащу. Это видение посещало его часто все два года, что прошли с того самого дня неудачной охоты.

— Конечно, помню!

— Можете забыть. Кедров нет!

— Шелкопряд?

— Да.

Талаев не мог представить себе, что там, в корабельной чаще, лишь черные скелеты с вздыбленными сучьями. И он понял, что никогда не сможет представить себе этого.

— Жаль, — проговорил Василий Петрович. Ему не хотелось вдаваться в расспросы.

— Мы неблагоприятные млекопитающие! — сказал Болдырев и, ощутив неуместность выпененной фразы, поднялся, отошел к окну, думая, что объяснять великую сущность растительного мира Талаеву смешно. Разве он не знает, что растения первыми вышли на берег Мирового океана древности и утвердились на безжизненных скалах? Разве он не знает, что, будучи нашими антиподами по дыханию, растения начали поглощать углекислый газ и выделять кислород? Или Талаев не знает, что атмосферный кислород — продукт жизнедеятельности растений? И пищу, и кров, и огонь дали людям растения! А мы говорим этакое милое «жаль»...

— Что вы хотите, Владимир Осипович?

— Чтобы вы вспомнили...

— О том, что я неблагоприятное млекопитающее, или о том, что погибли кедры?

— Нет. Об опытах Д'Эрелля!

«Вот оно что!» — подумал Талаев и сказал:

— Опыты Д'Эрелля неудачны. Бактериологический способ борьбы с саранчой потерпел провал. И у кого — у знаменитого микробиолога, первооткрывателя бактериофага!

— Ну и что? — подойдя близко, Болдырев оперся одной рукой о стол, а другой — о спинку стула, на котором сидел Талаев. — Ну и что? Какое значение имеют прошлые неудачи?

Рука Болдырева, опершаяся о стол, была распухшая и красная.

— Они предупреждают, — ответил Талаев.

Он думал о Болдыреве: «Тороплив и... не уверен в себе. Вспомнил бы, что многие крупнейшие ученые посвящали всю свою жизнь иной раз какой-то одной, весьма узкой проблеме. Они ввязались в нее с необоримой верой в правоту своих взглядов и — побеждали. А Болдырев? Он окончил университет, ушел воевать и три года назад вернулся к научной работе. Он еще и двух лет не занимается шелкопрядом, борьбу с которым взял темой кандидатской диссертации. И, кажется, не верит в эту свою тему».

— Но ваша работа продвигается успешно, я слышал. Вы, по моему, на верном пути. Ваши попытки очень остроумны.

— Удивительно остроумны, — проворчал Болдырев.

«Можно ли не верить в тему и работать над ней? — думал Талаев. — Это все равно, что ехать не в ту сторону. Но ведь мысль о борьбе с шелкопрядом с помощью насекомых, паразитирующих на нем, действительно остроумна. В природе насекомые, похожие на ос, — наездники — откладывают яйца в тело гусеницы шелкопряда. При этом шелкопряд погибает. Болдырев поставил перед собою цель — искусственно ускорить процесс, который в естественных условиях занимает едва ли не десятилетия. Конечно, за два года многого не добьешься». И Талаев сказал:

— Вы хотите все и непременно быстро?

— Я хочу уничтожить сибирского шелкопряда.

— Я хочу выполнить свой научный план.

— Понятно!

Василий Петрович поднялся со стула. Вежливость вежливостью, но она предполагает обоюдность.

— Не думаете ли вы, Владимир Осипович, — довольно холодно начал Талаев, — что мне следует бросить работу над моей докторской диссертацией и сломя голову приняться за истребление сибирского кедра... шелкопряда, простите... В ваши годы я тоже думал, что тема, над которой я работал, по меньшей мере осчастливит мир. Но и учился быть терпеливым. Много лет сотрудничал с Писаревым, Вавиловым и другими учеными, которые занимались выведением новых сортов пшеницы для нечерноземной полосы России. Потом вот почти уже десять лет я занимаюсь физиологией грибов.

Рядом с Болдыревым, подвижным крепышом в офицерском кителе, Василий Петрович в белом халате казался глыбой льда.

«Однако, — подумал Талаев, — быть резким не стоит». На месте аспиранта Болдырева он и сам мог бы потерять в разговоре с собеседником чувство такта. Шагнув к Владимиру Осиповичу, Талаев закончил в шутовском тоне:

— Согласитесь, что, приди ко мне раздосадованный физик и попроси заняться изучением квантов, я бы оказался почти в таком же положении, как и после вашего любезного предложения.

— Вы у нас крупный микробиолог! А здесь для вас непочатый край работы.

Талаев вздохнул.

— Лыстать вы не умеете. Да и я не честолюбив.

— Разве я об этом! — Болдырев махнул рукой. — Просто тогда в тайге я подумал...

— Дорогой Владимир Осипович, наука — ну как бы вам сказать? — в известном смысле — это дом со множеством окон. Но для каждого ученого — свой свет в своем окне.

— А если в одном пожар? Вы пройдете спокойно? Я вернулся из тайги. Она горит. Без дыма, без огня. И пожар будет бушевать четверть века, захватывая гектар за гектаром!

— Я, Владимир Осипович, понимаю и ваше отчаяние и вашу горячность.

Болдырев неожиданно сел.

«Ничего-то вы не понимаете, — устало думал он. — Просто я буду счастлив, если спасением сибирского кедра займется десятки, сотни ученых. Чем больше ученых с разных сторон подойдут к проблеме, тем скорее она будет решена. Пусть будут неверные пути, ошибочные, их тоже надо пройти. Здесь не стоит пренебрегать никакими гипотетическими путями».

— Но посмотреть-то вы можете? — спросил Болдырев.

— Что?

— Дохлых гусениц под микроскопом. Отчего они гибнут.

— А вы дипломат! Привозите.

Болдырев стремительно вышел и вернулся с небольшой корзинкой — садком.

Он прошел к столу и поставил на него садок. Талаев снова обратил внимание на его красные, распухшие руки.

— Вот, Василий Петрович, — сказал Болдырев. — Трупы гусениц собраны в разных местах. Там написано.

— Хорошо. Я ими займусь. — И, провожая Владимира Осиповича, подумал: «Так вот где он поморозил руки...»

* * *

Дома на рабочем столе Талаева появились книги по энтомологии. Он изучал их вечерами, снова и снова перечитывал труды Мечникова, который первым высказал мысль о возможности бактериологического метода борьбы с насекомыми. Василий Петрович попросил жену перевести с французского и несколько статей Д'Эрелля. Выполнив просьбу, Анна Михайловна не выдержала — полюбопытствовала:

— Какое отношение имеет бактериологическая борьба с саранчой к физиологии грибков, к теме твоей диссертации? Я, как и ты, микробиолог, но не понимаю.

Василий Петрович рассказал о встрече с Болдыревым и его просьбе.

— А твоя диссертация?

— Она не пострадает, — ответил Талаев и смутился.

— Знаешь, Василий, — улыбнувшись, сказала жена, — ты сейчас напоминаешь мужа, который завел себе любовницу.

— Анна!

— Видишь ли, я инстинктивно против этого, — рассмеявшись, закончила она свою мысль.

Талаев вздохнул.

— Конечно, я, в сущности, не имею права уделять столько внимания другой работе. Будь добра, увидишь у меня книжки про насекомых — отбирай без жалости.

— Хорошо. Только ты не читай их потихонечку по ночам.

И книги про насекомых были отправлены под арест — в нижний ящик стола.

На их месте появились другие — про лес.

Читая их, Василий Петрович удивлялся. Казалось бы, ему ли, выросшему в Киренске, городке, затерянном среди необозримой ленской тайги, не знать, что такое лес? Пожалуй, едва научившись толком говорить, он уже умел и различать породы деревьев. А теперь тайга, понятная вроде бы сызмальства, открывалась перед ним наново. Она виделась Василию Петровичу былинным великаном, по чьей воле собираются и проливают дождем тучи, который умеряет дневной жар и дышит теплом по ночам, умеет смирять своенравность бешеных потоков.

Василий Петрович частенько появлялся в лаборатории университета осунувшимся после бессонной ночи, проведенной в обществе «лесных духов». Сотрудники за его спиной сочувственно покачивали головами — «с диссертацией не ладится».

Не ладилось.

Талаев рассматривал под микроскопом скопление крошечных грибов, состоящее из тончайших разветвленных нитей, а ему казалось, что он видит не привычную картину, а какие-то дикие таежные заросли. Веточки сплетались в непроходимые чащи, а мысли возвращались к лесу.

Оторвав взгляд от окуляра, Талаев смотрел на ту сторону Ангары. Сразу же за косыми улицами правобережья, тогда, в конце сороковых годов, лежала на увалах тайга.

Она дремала под лебяжьим пухом снегов, была величавой и грозной, сумрачной и беспомощной. Она представлялась Василию Петровичу гордым и сильным человеком, который страдает молча, подчас тайно, незримо для тех, кто не дал себе труда коснуться его могучего и любвеобильного сердца.

«Лес — наваждение какое-то!» — думал Талаев.

* * *

Они внесли в кабинет корзину с ветками кедра, и комната преобразилась. Она стала будто светлее и шире от наполнившего ее смолистого запаха хвои.

Петя Валуев и Сережа Туз поставили корзину посередине кабинета и вынули из нее стеклянную банку, набитую гусеницами шелкопряда. Черные, покрытые серебристыми волосками, они были словно одним, единым шевелящимся клубком.

Прошел месяц с тех пор, как Болдырев привез десять экземпляров погибших гусениц. Талаев взял по частичке от каждого трупа, приготовил препараты и изучил их под микроскопом. Предстояло выяснить: есть ли среди гусениц, привезенных Бол-

дыревым, погибшие от какой-либо заразной болезни? Если есть хоть одна, то прах такой гусеницы должен был заразить здоровых.

И только в том случае, если опыт с заражением повторить несколько раз и смертность окажется стопроцентной, можно будет предположить, что найдена бактерия, способная вызвать эпизоотию — смертоносную эпидемию среди гусениц.

Микроорганизмы, которые Талаев находил в умерших гусеницах, сильно отличались друг от друга. Одни микробы уже были известны, с другими Талаев столкнулся впервые. Оказалось, что один из видов микробов вообще не значился в специальном микробиологическом каталоге.

— Спасибо, — сказал Талаев студентам.

Василий Петрович вытащил из-за стола заранее припасенные десять стеклянных литровых банок из-под солений, поставил их на подоконник и насыпал в них свежих кедровых веточек из корзины. Потом он взял штатив с десятью пробирками, в которых был водный раствор из праха тех десяти гусениц, и пипетками окропил по очереди хвою в банках.

Потом пинцетом рассадил шелкопряда в эти зараженные теперь банки.

Черно-серебристые твари тотчас принялись пировать. Быстро двигаясь по веткам, гусеницы перекусывали хвоинки, и Василию Петровичу показалось даже, что он слышит, как похрустывает на жвалах упругая зелень.

«Вот и все. Опыт патч. Начата новая работа», — подумал Талаев. Ему вдруг очень захотелось курить. Василий Петрович глубоко несколько раз затянулся.

«Гусеницы погибли в разных местах, при различных обстоятельствах, — думал он. — Все десять из этих десяти могли погибнуть случайно. Сто из ста — тоже. Тысяча из тысячи — тоже. Возможно, что только тысяча первая — жертва эпизоотии. Ведь в тех очагах, где они обитали, не замечено признаков массовой гибели вредителя. Может, болезни, вызывающей мор гусениц шелкопряда, вообще нет в природе? Впрочем, это противостоит природе. Нет такого существа или растения на земле, которое не было бы подвержено эпидемиям. Следовательно, болезнь «икс» теоретически существует.

Но попалась ли гусеница, погибающая от «чумы» шелкопряда, среди этих десяти экземпляров? Даже степень вероятности неизвестна... Ну что ж! Начнем следствие по делу «Поиски верного убийцы...» Не хватает только вывесить на дверях лаборатории объявление: «Требуется высококвалифицированный убийца шелкопряда».

Шути, шути, Василий Петрович, но, кроме всего прочего, тебе придется отвечать перед ученым советом за срыв научной работы, за диссертацию... заваленную. Выбор сделан.

И ему снова и снова виделся световой занавес солнечных лучей меж медных стволов гигантов, слышался глухой верховой шум крон. А потом — скелеты деревьев.

Теперь он понимал, что, раз возникнув, новое чувство к лесу не оставит его... Никогда раньше он не был захвачен делом так целиком, без остатка. Его занятия той или иной проблемой были работой — интересной, любимой. Но делал он ее всегда

как бы с холодной головой. Больше того, эту холодность он считал известным достоинством.

Выходит, он ошибался. Он почитал строгость науки, ее железную логичность. Наука была ему целым миром. Только теперь он понял, вернее — начинал понимать, что до сих пор нередко любил оружие само по себе, а не то, во имя чего оружие вынимают из ножен, во имя чего оно создано, — для борьбы.

«А может быть, — думал он, — может быть, это закономерно? Может быть, понимание потому и пришло, что теперь я владею оружием — методикой научного исследования, суммой необходимых знаний».

Талаев снял халат.

«Надо идти к ректору... Что ж, выговор за нарушение производственной дисциплины я заработал».

О НЕНАВИСТИ...

— Я к вам, Василий Петрович, — сказал Болдырев. — Поверьте, я совсем не хотел, чтобы у вас были неприятности.

Талаев столкнулся с ним неожиданно — на лестничной площадке — и, выслушав, махнул рукой.

— Э, Владимир Осипович, достаточно того, что вы отлично знали, чего хотели. По-моему, это немаловажная заслуга. А то, чего мы не хотим, по сути, обратная сторона наших желаний. Вот гусениц мне бы еще сотенку... Идемте, я вам кое-что покажу.

Они прошли в лабораторию. Болдырев почти не узнал комнату: в углах и посредине, у столов, разместились в ведрах большие ветви кедра. В воздухе стоял плотный смолистый запах. Стекло столиков и никель приборов будто смущенно прятались в зарослях. Около окна на высокой подставке стояли десять больших стеклянных банок, прикрытых марлей.

В первой лежали начисто обглоданные ветки кедра. Все гусеницы были живы. Черные, величиной в палец руки взрослого человека, покрытые серебристыми волосками, они бойко ползали по дну в поисках пищи. Во второй хвоя тоже оказалась съеденной, но две гусеницы погибли. В третьей повторялось примерно то же самое.

А в четвертой — цел кедр. Дно банки усеяли трупы гусениц.

Болдырев взял в руки четвертую банку.

— Все до одной подошли!

— Значит, инфекционная болезнь, вызывающая мор среди шелкопряда, существует.

— Это успех!

— По-моему, Владимир Осипович, до эмоций еще далеко, — сказал Талаев, — но гусеницы, как видите, гибнут поголовно. От септицемии.

— Простите?

— От гнилокровия. Неизвестная, по-моему, неизвестная бактерия вызывает у гусениц шелкопряда как бы общее заражение крови. Я провел около ста опытов. И каждый раз гусеницы

в банке погибали. Именно в этой банке, зараженные именно этим микробом.

— Так чего же вы хмуритесь? Найти микроб, убивающий сибирского шелкопряда! Это же открытие мирового значения!

— Рано так говорить. Нужен производственный опыт. В тайге Но работа внеплановая, ученым советом не утверждена. Детище, так сказать, незаконнорожденное.

— А отпуск вы за этот год использовали?

— Нет.

— Приезжайте к нам, на опорный пункт. Примерно через месяц мы начнем травить шелкопряда с самолета. Там будут и наши и ленинградские ученые. Приезжайте! Уголок в избе мы вам выделим. Да проживем! А вы и опыт поставите.

— Надо подумать...

— Не надо думать — надо ехать! А я теперь побегу к летчикам — насчет машин договариваться. — И уже в дверях Болдырев крикнул: — Жду!

Талаев постоял, раздумывая, взял из термостата несколько чашечек Петри, в которых были посеяны бактерии, приготовил препарат для микроскопа.

«Что ж, давай знакомиться дальше, бациллюс дендролимус!»

На серебристом поле в окуляре микроскопа проплыла короткая голубая палочка — одна, вторая, третья...

«Ты названа мною так потому, что расплавляешь ткани гусеницы. Дендролимус — шелкопрядорастворяющая. И мне сказочно повезло, что я нашел тебя сразу.

На вид ты, бациллюс дендролимус, — и в скобках: название пока условное, — куда безобиднее, чем оборотень, которого побеждаешь», — подумал Василий Петрович, припомнив, как первый раз он рассматривал под лупой живую гусеницу. Она предстала перед ним диковинным чудищем — огромные, навывкате сферические глаза, застывшие, остекленевшие, и массивные, словно из чугуна, жвала. Живая и в то же время какая-то мертвая, будто машина.

«А тут — темная палочка... Два года назад... Впрочем, зачем кривить душой, два месяца назад я был бы счастлив, что мною открыта новая, неизвестная науке бактерия. Ведь это примерно как обнаружить новую звезду на небе. По установившейся традиции к названию открытого микроба добавляется имя ученого-первооткрывателя. Палочка Коха, кокк Нейсера...

Но на кой черт мне это имя нужно, если окажется, что бациллюс дендролимус ни к чему не пригоден, разве только для микробиологического каталога. Мне нужен солдат, микроб-солдат, который будет драться с шелкопрядом.

«Пожар, — говорил Болдырев. Да, заражение тайги сибирским шелкопрядом считается в лесном хозяйстве стихийным бедствием. И надо попробовать силу бациллы там, где бушует эта стихия». — Талаев поднялся, подошел к банкам у окна.

— Что ж, наверное, Владимир Осипович прав, — проговорил он вслух. — Для борьбы с пожаром хороши все средства. А отпуск... Ладно, попытаюсь отдохнуть на «пожаре». Может быть, бациллюс дендролимус приобретет славу солдата раньше, чем права гражданства в академическом мире.

Вместе с Анной Михайловной они добрались до Слюдянки. С Байкала тянуло свежим ветерком. Рыбачьи лодки покачивались у берега.

Неподалеку от платформы остановилась полуторка. Из кабины вышел высокий поджарый человек. Василию Петровичу бросилось в глаза его нервное лицо с впалыми щеками, резкие морщины протянулись от крыльев носа к углам рта.

— Простите, — подошел Талаев к мужчине. — Это автомобиль из опорного пункта?

— Талаев? Садитесь. А багаж? — спросил мужчина, глядя на маленький чемоданчик в руках Василия Петровича. — С чем вы работать будете?

— Вот, — Талаев достал из кармана пиджака маленькую пробирку, залепленную воском. — Здесь мои бактерии-солдаты. — Ну, ну... — как-то неопределенно пробормотал мужчина и снова пригласил садиться.

Они так и не познакомились.

Полуторка пошла по проселку.

На фоне утренних розовобоких облаков тайга выглядела черной и хмурой. Тянуло грибным духом и сыростью.

На крутых подъемах и спусках, чередовавшихся один за другим, шофер неторопливо переключал скорости, и тогда, в мгновения тишины, слышался какой-то непонятный, вкрадчивый звук. Сначала он казался мелодичным, даже приятным, подобно шуму крупного дождя.

— Стой! — застучал по крыше кабины мужчина, встретивший Талаева, и махом выпрыгнул из кузова.

Василий Петрович услышал детский плач, приподнялся.

Машина остановилась у наспех сколоченной сторожки. Перед дощатой дверью стояли мальчишка лет семи и голенастая девчонка чуть постарше и дружно в голос ревели:

— Дядь! Дядь! Дя-а-адь... Отда-а-ай туески!

Из сторожки вышел огромный бородатый лесник, сделал страшное лицо.

— Кому сказал — марш отседова! Марш!

Ребята отступили на шаг и принялись реветь еще громче.

Бородач развел руками, словно приглашая приехавших в свидетели своего бессилия.

— Почему они прошли? Спал! — набросился на лесника поджарый спутник Талаева.

— Да не спал я, Вадим Алексеич! Ей-богу, не спал! Черт за ними уследит! Проскочили!

— Проскочили!.. Я тебе проскочу! — взволнованно кричал Вадим Алексеевич. Потом подошел к мальчишке, взял его за подбородок. — Открой рот! Ел ягоды?

— Да не отравились они, Вадим Алексеич, — вставил лесник.

— Ничего мы не ели! — сквозь слезы говорила девчонка. — По горсточке и собрали. Этот вот набросился. Туески, ягоды отобрал. Прибить обещал.

Вадим Алексеевич облегченно вздохнул.

— Не ели, значит, ягоды?

— Не-е-е, — затряс головой с перепугу замолчавший мальчишка. — Мы тоже пришли, а этот нас за шкуру...

Ребят заставили вымыть руки, а заодно и лица.

— А теперь, мелюзга, марш в машину, подвезу.

* * *

...Широкоскулое лицо Болдырева сияло. Потчуж Талаевых чаем, он выглядел именинником.

Яркий день ликовал на поляне за окнами. Но они были плотно прикрыты.

Однако и здесь, в помещении, Василию Петровичу не чудился, а слышался тот же неотвязный дождевой шум. А временами казалось, что это какая-то странная болезнь накинута нежданно, и мучит и мучит непрерывным вкрадчивым шумом.

— Кто такой Вадим Алексеевич? — спросил Талаев у Болдырева, чтобы как-то отвлечься.

— Начальник экспедиции. Лозинский.

— Удивительно нервный человек. Он болен?

— Здесь все больны, — сказал Болдырев. На скулах у него проступили желваки, а узкие глаза заблестели.

— Он так кричал на детей, которых задержал лесник... И на самого Федора тоже.

— Федор, видимо, проглядел, — невозмутимо объяснил Болдырев. — Ребята прошли оцепление. Не манной кашей мы шелкопряда кормим с самолетов. Поэтому пикеты и выставили.

Налили еще по стакану чаю.

Неожиданно Анна Михайловна сжала пальцами виски.

— Шумит... Все время шумит в голове. До боли!

— Да, черт возьми, и у меня...

Болдырев подошел к окну и ударом ладони распахнул створки.

— Слышите?

Звук стал совсем явственным — дождь, сильный крупный дождь обрушился на тайгу.

— Слышите? Это — он.

— Шелкопряд так шумит? — удивилась Анна Михайловна.

— Он не шумит. Он — ест. Он — жрет кедр!

Владимир Осипович несколько секунд постоял у окна, потом закрыл его и, обернувшись к Талаеву, сказал:

— Давайте пить чай.

— Сколько же этих гусениц, если они так шумят? — спросила Анна Михайловна, еще не придя в себя.

— Столько же, сколько звезд на небе, плюс еще десять, — ответил Болдырев.

— Фу, какая гадость!

— Что поделаешь, Анна Михайловна. Ваш муж все-таки не представлял себе достаточно ясно, с каким врагом он собрался бороться. Теперь он столкнется с ним лоб в лоб.

Талаев молчал. Он был поражен и подавлен.

— Давайте пить чай, как говорил чеховский профессор, когда его спрашивали о смысле жизни, — Болдырев иронически улыбнулся. — Больше нам, к сожалению, ничего пока не остается делать.

— Но ведь вы же боретесь! — с жаром сказала Анна Михайловна.

— Боремся...

— Разве химический метод так безрезультатен? — спросил Василий Петрович.

— Почему же... результаты есть! В конце лета мы составим протокол. Определим смертность гусениц, но... Оставшиеся в живых окуклятся, превратятся в коконы. Будущим летом, в летний год, пойдут порхать по тайге большие серые бабочки. Пусть их будет миллион. Всего миллион. Они разлетятся на десятки километров, а к осени стложат во мхе по пятьсот личинок. Значит, через год снова пятьсот миллионов гусениц набросятся на кедр. Но разве гусениц останется миллион? Покропили мы шелкопряда ядом, а на другой день — дождь. Начиная все сначала. Миллиарды гусениц остаются. Выходит, через год их будет сотни миллиардов.

— Но когда-то они кончат так размножаться, — сказала Анна Михайловна. — Не может же это продолжаться вечность!

— В одном месте шелкопряд бушует примерно четверть века, — ответил Болдырев. — Потом уходит в другие места. Выходит, он вечен. Мы боремся с ним то там, то здесь. А результат... Простите за еще одну цитату: «Саранча летела, летела и села. Посидела. Все съела и снова улетела».

— Послушаешь вас, Владимир Осипович, так поневоле пессимистом станешь, — заметил Талаев. — Где же ваша уверенность? Где задор?

— Вы хотите сказать: «Заманивал, заманивал, а теперь пугает»? Нет. Я вас знакомлю с конкретными условиями работы. Враг за стеной.

— Вы, вероятно, устали, Владимир Осипович, — сказал Талаев.

— Нет. Просто действует на нервы этот шум. Это смех над нами. Смех над бессилием человека.

«Не может Болдырев обойтись без красивого слова», — подумал Василий Петрович и сказал:

— Владимир Осипович, помогите мне. Надо раствор приготовить. Где здесь вода?

Когда в сенях загремели ведрами, из своего закутка вышел Лозинский.

— И мне ведро дайте.

У колодца Вадим Алексеевич неожиданно спросил у Талаева: — Вы всерьез шелкопрядом интересуетесь? Или как любитель?

— Любитель? — усмехнулся Василий Петрович, вспомнив, как тогда после охоты с Болдыревым лесничий отозвался о любителях. — Нет, Вадим Алексеевич, не как любитель. Я считаю, что проще всего освободиться от дела, которое тебя взволновало, — это сделать его.

— Ну, ну, — буркнул Лозинский. — А то у меня такое впечатление, что Болдырев готов хоть шамана пригласить, лишь бы тот согласился.

Владимир Осипович, стоявший рядом, полушутя-полусерьезно сказал:

— Игра стоит свеч.

Поутру шум «дождя» звучал, казалось, с новой силой.

Василий Петрович наполнил баллон обыкновенного садового

опрыскивателя водой, в которой содержались бактерии дендролимуса. Болдырев помог ему надеть баллон на спину. Владимир Осипович был молчалив и сосредоточен, словно не Талаеву, а ему предстояло провести опытное заражение шелкопряда.

Потом Болдырев и Лозинский, пожелав Талаеву успеха, отправились к самолету, а Василий Петрович — в тайгу, к молодняку кедра, который можно было легко опрыскивать с земли.

Седая от росы трава стлалась на лужайке перед домиком опорного пункта. И тут же сразу, в нескольких шагах, поднимались великаны кедры. Домик на лужайке, у подножия сорочкаметровых гигантов, представлялся игрушечным. Под этими деревьями могло укрыться и десятиэтажное здание.

Подойдя ближе к ним, Василий Петрович пригляделся и остановился, пораженный: ствол, ветви, веточки дерева перед ним шевелились. Кедр сплошь покрывали гусеницы. Шум черной армии, казалось, стал угрожающим, будто дерево ожило и поживает, пытаясь сбросить врага.

Где-то неподалеку послышался рокот мотора самолета.

Василий Петрович ступил в кедровник. И тотчас почувствовал легкий удар по руке. Гусеница! Толстая, величиной с палец, она как ни в чем не бывало ползла к плечу. Талаев брезгливо стряхнул ее наземь.

Но сейчас же послышался шлепок на ворота. Василий Петрович стряхнул и эту. Потом поднял воротник пиджака и пошел быстрее, уже не обращая внимания на осыпавших его гусениц. Он шел не оглядываясь.

Неожиданно шорох ливня притих. Стало светлее.

Талаев остановился. Он понял, в чем дело.

Рядом, совсем рядом, кедр еще зеленел. Его дообглядывали гусеницы, замыкавшие опустошительное шествие. Дальше деревья стояли обнаженные. Черные скелеты с голыми сучьями, воздетыми словно в немой мольбе о пощаде.

Стон, глухой и протяжный, раздался в глубине мертвого леса. Стих. Послышались тяжелые, неуверенные шаги. И снова стон. На этот раз короткий и хриплый.

«Неужели человек? Попал под опыление ядом и...» Талаев хотел броситься на помощь, но неожиданно вдали, среди обнаженных стволов, увидел рогатую голову изюбра. А в следующее мгновение грациозное тело оленя вздрогнуло, рога запрокинулись на спину. Он упал.

«Все...» — подумал Талаев, но изюбр поднялся снова. Он встал на колени, рывком вскочил. Изюбр был большой, серокрасный, калюной масти, голову его украшали ветвистые рога в пять сойков — отростков. Видимо, почувствовав приближение новых судорог, зверь рванулся, но тут же упал, забился. И новый стон вырвался из его глотки.

«В сущности, тоже жертва шелкопряда».

Резко повернувшись, Василий Петрович пошел прочь. Он не слышал шелеста пирующих гусениц, не чувствовал тяжести баллона садового опрыскивателя за спиной, да и не видел ничего толком перед собой.

Потом остановился, войдя в молодой кедровник, — ветви, словно напомнив о себе, задели его по лицу. Хвоя была чистой, но ливневый шум шелкопряда слышался где-то рядом. Ше-

лящаяся шкура гусениц уже затягивала деревца в нескольких шагах позади.

«Место удобное, — прикинул Василий Петрович, — опрыскаю здоровые кедры. Тогда бациллю дендролимус, может быть, преградит этим мохнатым дьяволам путь дальше».

Наметив ряд, Талаев принялся опрыскивать деревья. Он старался не пропускать ни единой веточки. Меж кедрами проводил широкую полосу по мху. Несколько раз возвращался в дом на поляне и наполнял опрыскиватель.

Стояла духота. Парило, как в предгрозые, и солнце жгло немилосердно.

Василий Петрович работал не разгибаясь, в каком-то чаду душливого гнева.

ОБ УДАЧЕ...

Гроза разразилась ночью. Она прикрыла землю плотным душным пологом туч и в крошечной тьме била тайгу ослепительно синими всполохами молний, оглушала резкими ударами грома.

Обитатели домика проснулись, но света не зажигали. Беспорочно ворочался за тонкой перегородкой Болдырев.

— Хоть бы молния подожгла сухарник! — неожиданно громко сказал он. — Глядишь — и шелкопряд сгорел бы.

— А сами поджечь боитесь? — проговорил Лозинский.

— Не могу.. Тут можно больше потерять, чем выиграть. Это ведь я так сказал... от чувства...

Анна Михайловна прошептала:

— Дождь бьет по крыше, будто шелкопряд падает... Так встанешь утром, а дом до крыши гусеницами завален...

Дождь продолжался и днем — мелкий, нудный. Серый день тоскливо тек каплями по оконным стеклам.

Лозинский, возглавлявший экспедицию по химической борьбе с шелкопрядом, все утро вздыхал за перегородкой. К завтраку вышел сонный, нахохлившийся, погонял по тарелке картошку, залпом выпил чаю и снова скрылся в своем закутке.

— Мне можно зайти в вашу лабораторию? — спросил Талаев у Владимира Осиповича.

Тот ответил, что будет рад, и, встав из-за стола, они прошли на край поляны, где разместились палатка энтомолога.

Свет ненастного дня слабо освещал сплетенные из ивовых прутьев садки и фанерные ящики. Болдырев объяснил, что в них наездники и гусеницы.

— Наездники, как вы знаете, откладывают личинки в тела этих волосатых тварей. Личинки развиваются, губят шелкопряд, а потом насекомые вылетают.

— Много?

— Из одного ящика тысячи две наездников. Только уж больно капризны мои подопечные, — вздохнул Владимир Осипович. — Вот сегодня дождь — и наездники скисли. Они, как мухи, жмутся к теплу.

Болдырев снял крышку с ящика, и Василий Петрович увидел копошащуюся кучу насекомых с тонкими, осинными талиями и прозрачными крылышками. Наездники тихо жужжали, словно

в полусне. Несколько их вылетело, они покружили по палатке и сели на брезент.

— А попробуй открыть ящик в жаркий день — выскакивают пулей!

— Да... — протянул Василий Петрович, — войско не из бодрых.

— Собрался я сегодня их выпускать в тайгу, а — дождь. К завтрашнему дню половина попередохнет: подавят друг друга...

— Как же вы их подсаживаете к шелкопряду?

— Просто. Беру ящик, иду в тайгу, открюю его — они и вылетят.

— А оценка результата?

— Ведь мы, Василий Петрович, только ускоряем естественный процесс. Обычно там, где пируют гусеницы, появление наездников наблюдается на десятый-двенадцатый год. А если их подсаживать, то массовое развитие наездников ускорится года на два. Значит, и гибель гусениц начнется быстрее. Можно спасти сотни гектаров кедрача.

— Это уже установлено?

— Нет. Так предполагается.

— Ясно.

— Куда уж как ясно, — нахмурился Болдырев. — Я ведь только четвертый год работаю над темой...

— А что вы сегодня будете делать?

— Спать, — глядя в сторону, усмехнулся Болдырев.

* * *

В темноте сеней Василий Петрович наткнулся на пустые ведра. Они с дребезжащим грохотом покатались по полу. Распахнув дверь, Талаев крикнул в избу, ни к кому не обращаясь:

— Кой черт ведра на дороге поставил! Места им нет, что ли!

— Извини, Вася, это я, — удивленно проговорила Анна Михайловна. — Что же ты кричишь?

— Не кричу, а говорю, — проворчал Талаев. — На место надо ставить.

— Ты, Вася, отдохни. Не надо себя так мучить.

— Кто же это себя мучает? — вспыхнул Талаев. — Я дело говорю.

— Хорошо, хорошо, — сказала жена. — Сейчас я ведра на место поставлю. Извини.

Василий Петрович, нахмурившись, вошел в комнату.

— Я книгу оставил на столе. Где она?

— На полке.

— Там закладка была.

— Я с закладкой и поставила.

Взяв с полки книгу, Талаев подсел к окну, но, видимо, ему не работалось. Он долго листал страницы, смотрел в запотевшие стекла, покашливал. Потом подошел к жене:

— Извини.

— Я не сержусь.

Вечером, получив сводку погоды, Лозинский хмуро проговорил:

— Что ж, завтра начнем сказочку про белого бычка... Вы тоже, насколько я понимаю. Так ведь, Василий Петрович?

— Нет. Мне надо еще два дня подождать. Скрытый, инкубационный период септицемии у шелкопряда — четыре дня.

Вадим Алексеевич нетерпеливо взъерошил волосы. Его осунувшееся лицо при свете лампы казалось истощенным, только глаза вызывающе блестели.

— А вы, Василий Петрович, не боитесь оказаться в положении Фауста или в роли ученого-атомника, потерявшего контроль над реакцией? Эпизоотию вы вызовете, а она перебросится на животных, на людей? А?

— Не думаю, — помолчав, сказал Талаев. — По каноническим законам микробиологии это невозможно.

— Но ведь чумой, насколько мне помнится, сначала заболевают крысы, мыши, суслики. Потом болезнь перебрасывается на человека. Или бруцеллез? Им болеет скот. А от него заражаются люди.

— Про дендролимуса могу сказать одно — не знаю...

— Что ж, по крайней мере честно.

* * *

Подходя к зарослям молодого кедрача, Василий Петрович почувствовал одышку. Удивился. Потом понял: он всю дорогу почти бежал.

Черные, обнаженные скелеты поросли стояли тихо. Кругом было мертво. Только где-то далеко в зарослях едва зеленели остатки хвои.

«Ничего не понимаю, — мелькали мысли. — Ничего не понимаю. Как же бациллюс дендролимус?..»

Он вошел на кладбище молодых кедров. Заметил одну гусеницу на ветке, вялую, едва живую. Он хотел дотянуться до нее, взять на исследование, глянул под ноги, чтобы удобнее встать, и присел от неожиданности. В густой траве под кедром он увидел десятки трупов гусениц.

— Дохлые! Совсем дохлые! — шептал Василий Петрович.

Он обходил делянку метр за метром, и всюду были трупы гусениц. Собрав с десяток в разных местах, он положил их в пергаментные пакетики, пронумеровал и побежал к домику.

— Аннушка! Смотри — дохлые! Онидохнут! — едва открыв дверь, с порога закричал Василий Петрович.

— Если ты будешь так носиться, то после отпуска попадешь в больницу! — отчитала его жена.

— Ладно! Куда угодно! Но ты только посмотри!

Вскрыв трупы гусениц, они убедились, что смерть наступила от септицемии — гнилокровия. Бактерии дендролимуса разрушили не только кровь. Под их действием распались все внутренние органы гусеницы. Шелкопряд напомнил кожаный мешок, наполненный вонючей коричневой жидкостью.

— Замечательно, — говорил Талаев. — Прекрасная работа! А ведь это только начало. Посмотрим, что будет через три-четыре дня.

Потом он сорвал несколько веток свежего кедра, набрал гусениц, бойких, здоровых, посадил их в банку и стал кропить плазмой погибших. Но действовать так было неудобно. Василий Петрович взял пульверизатор и с силой дунул.

Пыль растворенной в воде плазмы ударила в лицо.

Талаев отшатнулся, зажмурил глаза. Рука инстинктивно потянулась к воде. Но Василий Петрович ошупью отыскал стул, сел. Он чувствовал, как подсыхает на коже влага.

«Я знаю, что болезни насекомых для человека не заразительны. Дендролимус не исключение. Не исключение? А что ты о нем знаешь? Ничего... Ровным счетом ничего, кроме того, что он вызывает смертельную и явно заразительную болезнь у гусениц сибирского шелкопряда. Поэтому надо рискнуть заболеть септициемией? Все равно рано или поздно пришлось бы проверить, заразен ли дендролимус для человека. Рано! А может быть, уже поздно?»

Василий Петрович почувствовал на плече руку жены.

— Ты что не отзываешься?

— Я?

— Минут пять зову тебя. Смотри, гусеницы расплзутся.

— Сейчас. Сейчас их соберу.

— Что случилось?

— Ничего. Ровным счетом ничего... Просто я очень обрадовался, — говорил Талаев, подбирая расплзшихся по столу гусениц. — Я не ожидал такого результата...

И встретил встревоженный, недоверчивый взгляд жены.

— Садись обедать, Василий.

— Чуть попозже. Еще не хочется...

— Не притворяйся. Я все видела.

— Ну и что такого! — вспыхнул Талаев. — Ты не хуже меня знаешь, что ничего не должно случиться!

— А ты, так же как и я, знаешь, что дендролимус подсыпан курам, свиньям, собаке. Но контрольный срок еще не истек. Он истекает завтра...

* * *

— Как, Василий?

— Нормально.

Через три дня вызвали врача из поселка. Он приехал быстро, был очень внимателен. Анна Михайловна попросила его взять на анализ кровь мужа и сообщить о результатах сразу же. Врач пожал плечами, но просьбу выполнил. Он позвонил после обеда — формула крови оставалась нормальной.

— Теперь о делах, — сказала Анна Михайловна мужу. — Я закончила, вернее почти закончила исследование дендролимуса на спорообразование. Думаю, можно считать установленным, что бациллы дендролимуса в плохих для него условиях образует споры и в состоянии анабиоза может сохранять свою жизнеспособность сколько угодно.

— О! — сказал Талаев. — Ты знаешь, что ты открыла?

Анна Михайловна улыбнулась.

— Значит, есть возможность приготовить и сухой концентрат дендролимуса, — торжествовал Талаев. — Заготавливать впрок сразу большие количества! И сухой препарат удобнее распылять

с самолета. Мы двинем против врага авиацию и бактерии. Нет, бациллюс дендролимус не капризные наездники. Он стоек и вынослив, как настоящий боец.

* * *

Дверь распахнулась, и в комнату вошел Болдырев.

— Поздравляю, Василий Петрович! Я с опытного участка. В молодом кедрке весь шелкопряд передох!

Владимир Осипович тряс Талаева за локти. Он, наверное, расцеловал бы его, да не мог дотянуться.

— Однако и шуметь не стоит, — улыбнулся Талаев. — Согласитесь, что это еще не широкий производственный опыт.

— Э, Василий Петрович, теперь уже вы хотите все и непременно быстро? Забыли собственные поучения?

Талаев махнул рукой.

— Какие уж тут поучения, когда я видел своими глазами, как гибнет кедр! Я готов не вылезать из лаборатории год, два, десять, лишь бы добиться полного успеха.

— Из лаборатории! — воскликнул Болдырев. — Да идемте, посмотрите, что творят ваши дендролимусы...

Подошел и Лозинский. Вчетвером они отправились к зарослям молодых кедров.

Тошнотворный трупный запах заполнял воздух опытного участка. Только самые первые кедрки, стоявшие на пути шелкопряда, погибли, и вокруг них на хвойной подстилке валялись убитые гусеницы.

Анна Михайловна остановилась на краю делянки.

— Дух... — и она потрясла головой.

Лозинский и Болдырев пошли отметить, как далеко распространилось действие дендролимуса.

Будто не веря своим глазам, Василий Петрович прошелся по полю боя дендролимуса с шелкопрядом. Талаев чувствовал себя победителем.

«Мне повезло, — думал он. — Здорово повезло! Там, где одни терпели неудачу, а другие боялись идти, казалось, ненадежным путем, я выиграл бой. Пусть пока небольшой, но выиграл. А ведь, собственно, я ничего не сделал. Разве что нашел дендролимуса. В остальном я действовал по советам и указаниям Мечникова и поставил опыты типа Д'Эрелля. Только. И открыл микроб шелкопрядной «чумы» — бациллюс дендролимус. Теперь ему надо дать права гражданства».

Налетел порыв ветра. Ослабел тлетворный запах. Туго загудели спасенные кедрки. Их было немного: зеленый островок.

Шум был очень мелодичен. Василию Петровичу показалось, что их зелень свежее и ярче всей той зелени, которую ему когда-либо приходилось видеть.

Подошли Болдырев и Лозинский. Сдержанный Вадим Алексеевич протянул Талаеву руку.

— Поздравляю с отличным началом!

...Через неделю, когда Талаевы уезжали, кедрки были похожи на увешанные игрушками новогодние елки. Оставшиеся в живых гусеницы заворачивались в коконы, чтобы вылететь из них крупными серыми бабочками и начать новый цикл размножения и распространения.

Оборотень принимал новое обличье. Он ускользал от расплаты за опустошение в тайге: с бабочками бороться было невозможно.

От Слюдянки Талаевы ехали поездом. Локомотив словно летел над берегом бирюзового Байкала, нырял в бесчисленные тоннели, потом побегал вдоль Ангары. У самого города Василий Петрович тронул жену за плечо: за их двухмесячное отсутствие на левом берегу вырос целый городок — начиналось строительство ГЭС.

О НАДЕЖДЕ...

Рано утром Василий Петрович взял полторы странички только что отпечатанного текста, вычитал его и остался доволен, что машинистка не наделала опечаток. Он достал конверт, надписал адрес микробиологического журнала Академии наук СССР. Потом спустился на первый этаж и отдал конверт в экспедицию.

Из окошка экспедиции послышался торжественный голос диктора:

«Сегодня строители Иркутской ГЭС приступили к монтажу первой турбины гидроэлектростанции...»

Вернувшись в лабораторию, похожую на дендрарий, Василий Петрович сел к столу. Перед ним стоял маленький пузырек изпод пенициллина, запечатанный парафином. На дне пузырька — щепотка желтоватого порошка. И полторы странички текста, второй экземпляр... Порошок — чистая культура бациллы дендролимуса, а полторы странички — описание бактерии.

Он видел перед собой свободный от бумаг стол, где всего день назад громоздились описания тысяч опытов по определению бактерии Бациллюс дендролимус Талаева. Теперь никому не составит труда отличить микроб под этим именем от сонма других. Известны его размеры, условия жизни, условия размножения.

В двух институтах — Ленинградском и Новосибирском — по просьбе Талаева другие ученые исследовали дендролимус и тоже пришли к выводу, что перед ними новая, еще неизвестная науке бактерия. Таковы общие условия, при которых вновь открытая бацилла считается признанной.

Рабочий стол был пуст. Документы отправлены в архив. Однако проблема, ради которой ученый взялся за изучение смертельного врага шелкопряда, оставалась пока нерешенной. Большой производственный опыт должен был подтвердить, что дендролимус является той силой, которая способна вступить в борьбу с шелкопрядом и одержать полную, безоговорочную победу над извечным врагом сибирского кедра.

Потребовалось три года, чтобы изучить бациллу и выделить чистую культуру.

Отложив в сторону отпечатанные на машинке странички, Василий Петрович почувствовал, что сегодня не сможет больше ничего сделать: сказывалось напряжение последних дней работы.

Василий Петрович вышел на улицу.

Наступала весна. Длинные сосульки свисали с крыш. Днем посмеивалось поднимавшееся все выше солнце, а по ночам откуда-то из сопок в город приходил мороз. Иногда налетали

на Иркутск с юго-востока тучные облака, полные влажного снега, и на улицах бушевала метель.

Но сегодня светило солнце, уже не оранжевое, как в зимние месяцы, а янтарное, медовое.

На той стороне Ангары, поверх кривых улочек, дальше в сопки уходили улицы нового Иркутска.

Домой вернулся к обеду. Удивился небывало пышно сервированному столу, цветам, пачке телеграмм.

Нарядная Анна Михайловна обняла его, затормошила:

— Где ты пропадаешь? Тебя все ищут!

— Что случилось?

— Не знаешь? Смотри, — и протянула газету.

Под передовой «Успехи иркутских гидростроителей» Указ Президиума Верховного Совета. Строчки прыгали: «В связи с пятидесятилетием и многолетней научной работой наградить... Талаева... орденом Трудового Красного Знамени».

* * *

Самолет вошел в вираж. Земля заслонила весь иллюминатор. Василий Петрович увидел тайгу, прошитую просеками лесовозных дорог, большие вырубки под склады, несколько поселков. Все это было привычно и в то же время необыкновенно: дороги пустовали. Кое-где молодая поросль яркой зеленой ряской затянула просеки. Поляны-склады пусты: ни одного штабеля. Вымерли и поселки. Окна домов заколочены, двери забиты досками крест-накрест.

Василий Петрович обернулся к соседу, встретился с ним взглядом, кивнул вниз.

Выразительное смуглое лицо Георгия Плугаря сморщилось, словно от боли, и он безнадежно махнул рукой. Талаев понял, что они добрались до места. Под крылом самолета — мертвый леспромхоз. Построили его года два назад, вбили в дело миллионы, а на лиственницу напал шелкопряд. Валить стало нечего.

В лабораторных опытах Талаев установил, что дендробациллин — сухой препарат бактерий дендролимуса — поражает не только кедрового, но и лиственничного шелкопряда.

Дендролимус приобрел еще большее значение в лесном хозяйстве. Теперь лесовики ждали непосредственных результатов.

Самолет приземлился на крохотной посадочной площадке. Коренастый легчик-наблюдатель Иван Семенович Неудачин, помогая выгружать имущество, бросил через плечо:

— Видели?

— Видели, — ответил расторопный, похожий на цыгана молдаванин Плугарь. Он был студентом лесотехнического техникума и, узнав о работе Талаева, попросился к нему в помощники.

Подготовка к производственному опыту прошла быстро. Василий Петрович только диву давался. Понадобилось, конечно, ходить по разным учреждениям, но стоило Талаеву появиться в дверях, как его приветствовали незнакомые люди и просьбы Василия Петровича исполнялись быстро и хорошо. На него

смотрели с нескрываемой надеждой и при упоминании о дендрологическом питомнике почитательно и понимающе кивали. А надежды надо оправдывать.

Вспомнил последний разговор с Болдыревым. Он теперь работал в Чите и бывал в Иркутске наездами. Владимир Осипович появился дня за два до отлета Талаева в тайгу.

— Вы не представляете, Василий Петрович, как нужно сейчас, чтобы ваш производственный опыт прошел удачно.

— Успешно, вы хотите сказать?

— Успешно, конечно, лучше. Вы знаете, что Совет Министров республики принял постановление? Оно запрещает применение ядохимикатов при борьбе с вредителями и болезнями леса. Ведь от них погибает и зверье — и то, что жило в этих местах, и проходное. Понимаете, как поднимается значение биологии?

— Ведь ваша тема тоже...

— Моя тема! Могу честно сказать, что моя попытка в принципе исчерпала себя. Наезднички слишком дорогие. Они выполняют работу, но требуют такую «зарплату»... Нужно возводить дорогостоящие питомники и затрачивать столько средств на разведение наездников, что эти насекомые-помощники обходятся дороже, чем золото. Надо считаться и с экономикой!

— Значит... — начал Талаев.

Но Болдырев прервал его:

— Значит, буду, как любитель, разводить наездников понемногу и подсаживать в шелкопрядники. А надежда главная на вас...

(Окончание следует)

Ричард Эдуард Коннелл — американский писатель первой половины XX века. Его имя стало широко известно после того, как в 1923 году писатель получил премию имени О'Генри, присуждаемую за лучший короткий рассказ. Коннелл — автор около трехсот рассказов, двух пьес и ряда сценариев для кино. Писатель избрал своим героем «маленького» человека, бунтарству которого против власти и силы капитала искренне симпатизировал.

Рассказ «Последний из Плосконогих» впервые на русском языке был напечатан в 1928 году в сборнике произведений Коннелла «Человек в клетке». Новая редакция перевода сделана для «Искателя» Е. Толкачевым.

Ричард КОННЕЛЛ

Рисунки С. ПРУСОВА

Его звали Угобичибугочибилаупаукиписвискививичингуби... На языке индейцев племени Плосконогих это значит «Маленькая-Жирная-Мускусная-Крыса-Сидящая-На-Еловой-Шишке-С-Хвостом-Волочащимся-По-Земле». В школе резервации¹, куда он был взят в самом нежном возрасте, учитель — простоты и патриотизма ради — переименовал его в Джорджа Вашингтона Уга.

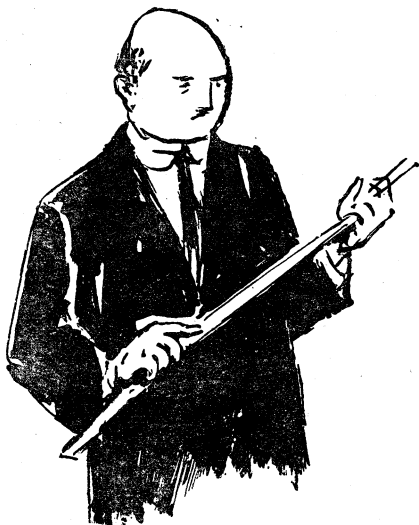
Прошло несколько месяцев, и учитель начал жалеть о своей опрометчивости. При ближайшем знакомстве он со вздохом констатировал, что едва ли из Уга получится образцовый ученик. Юный индеец был совершенно нечувствителен к знаниям, кото-

¹ Резервации — земли, куда правительства США и Канады насильственно переселяют индейцев.

рыми старались его напичкать. Тогда учитель решил переименовать его в Уолтера Мускрата ¹.

Тут-то и выявилась одна из неприятнейших черт характера Уга. Он наотрез отказался именоваться Уолтером Мускратом. В его голове прочно угнездилась мысль, что Джордж Вашингтон — великий белый вождь, у которого было много перьев, лошадей, жен и скальпов, и что носить его имя — большая честь. Уг бесстрастно, но непоколебимо заявил, что он останется Джорджем Вашингтоном Угом, и баста. Что его, то его. Ни уговоры, ни угрозы не действовали. Он отказывался откликаться на другое имя и перестал есть. Столкнувшись с таким упорством, учитель сдался: Уг остался Джорджем Вашингтоном Угом.

Учитель, добрая душа, уделял особое внимание обработке Уга. Это было для него делом чести, поскольку Уг, по всей видимости, являлся последним из племени Плосконогих. Цивилизовать Плосконового — такой славы готов был добиваться любой учитель. До сих пор это никому не удавалось. Сколько юношей Плосконогих, выйдя из школы, казалось бы, совсем культурными людьми, покрытыми лаком цивилизации, усвоившими привычку носить шляпу-дерби, иметь текущие счета, некоторую долю морали, безопасную бритву, молитвенник, подтяжки, складку на брюках и другие культурные атрибуты, при первом удобном случае начинали вновь предаваться своим варварским обычаям...

— Все эти Плосконогие атависты, — говорил огорченный учитель. — Они сбрасывают культурный налет так же легко, как змея кожу. В субботу вечером, надев шляпу-дерби, он ест мороженое и мирно обсуждает достоинства автомобилей различных марок, а в понедельник как ни в чем не бывало, наце-

¹ Вальтер Мускусная Крыса.

пив на себя перья и мокасины, отплясывает священный танец племени и выкапывает топор войны.

— Но, — продолжал учитель, — я все-таки верю, что из Уга выйдет толк: я взял его совсем малышом. Последний из Плосконогих будет и лучшим из Плосконогих. Я его выдрессирую так, что он никогда не снимет шляпу-дерби. В конце концов шляпа — символ культуры. Разве станет дикарь носить шляпу?

И он не покладая рук трудился над Угом. Время текло с положенной ему скоростью, у индейца увеличивался аппетит и объем груди, а учитель с радостью наблюдал, как увеличивается число признаков его морального развития.

— Во всяком случае, — утешался учитель, — достаточно того, что я сделаю из него законопослушного члена общества. — И продолжал обстреливать Уга из тяжелых орудий цивилизации.

Когда Угу исполнилось четырнадцать лет, произошло одно многообещающее событие. Учитель собственными глазами видел, как на школьном дворе Уг поругался с Генри Джемсом Серым Медведем, отпрыском племени Черноногих. Не поддававшийся влиянию цивилизации, Генри Джемс во время обсуждения какого-то технического вопроса ударил Уга. Обычно такой оборот беседы вызывал немедленную свалку. Но, к удивлению и восторгу учителя, Уг звонко воскликнул:

— Я не буду драться с тобой, Генри Джемс Серый Медведь! Учитель говорит, что дерутся только дурные люди: хорошие люди подают в суд. Если ты ударишь меня еще раз, то на вечерней молитве я на тебя пожалуюсь отцу небесному, и он тебе задаст хорошую взбучку, Генри Джемс Серый Медведь!

Генри Джемс нагло предположил, что Уг просто трусит, на что тот возразил:

— В хороших книгах говорится, что драться позорно; и вообще, чего пристал к маленькому? Выбрал бы себе противника под пару... — Произнеся это, Уг не без достоинства удалился.

Учитель почувствовал прилив гордости.

— Плоды цивилизации, — сказал он.

Вечером учитель гулял в дубовой роще. Вдруг он услышал какие-то звуки. Сперва, это был шорох, топот, потом раздались выкрики, перешедшие в пение. Учитель тихо пошел на голос и остановился за кустом перед лесной поляной.

Пел Джордж Вашингтон. Пел и плясал. Это был дикий танец, состоявший из прыжков, жестикуляции и быстрого верчения. Штаны Уга висели на суку вместе со шляпой-дерби. В черных волосах торчали перья из хвоста свежоопианного индюка. В руке сверкало лезвие перочинного ножа, которым Уг грозил

красному червю-выползку. Он плясал и пел боевую песнь. Затем отсек червяку голову.

На лице учителя отразилось страдание. Он понимал слова песни: «Помоги мне, о кровавый дух войны, поразить моего врага, Серого Медведя, как я поражаю эту змею. Дай мне силу его опрокинуть, оседлать, оскальпировать, изрезать на мелкие кусочки...»

Это был запрещенный «Змеиный танец», который когда-то плясали храбрецы Плосконогие перед вступлением на тропу войны.

Рассердившись, учитель сцапал Уга, конфисковал остатки червя и крепко оттаскал за ухо индейца.

В ту ночь учитель опять до головной боли думал о проблеме воспитания Уга.

«Я должен сделать большее, чем привить ему манеры, — решил учитель. — Он должен стать морально другим. Но как? Надо овладеть его воображением. Надо найти такую нотку, на которую отзовется его душа».

И он стал нащупывать эту тайную нотку. И, наконец, нашел...

Когда учитель говорил о глаголах и спряжениях, лицо Уга оставалось безразличным. Но когда начинался урок истории и учитель принимался рассказывать о дяде Сэме, Уг подтягивался, глаза его блистали. Для опытного педагога это было откровением. Он стал упираться на могущество дяди Сэма, на любовь дяди Сэма ко всем народам, населяющим его владения, а особенно к его подопечным индейцам, и, в частности, персонально к некоему маленькому индейцу из племени Плосконогих по имени Джордж Вашингтон Уг. На Уга это произвело огромное впечатление. Он страстно влюбился в дядю Сэма; он положительно таял от счастья при мысли, что этот удивительный пожилой джентльмен в цилиндре со звездами, в брюках со штрипками и козлиной бородкой является его другом и покровителем. Уг не совсем ясно понимал, что такое подопечный, но очень гордился тем, что его опекун сам дядя Сэм. Он начал свысока поглядывать на белых фермеров, чьи земли лежали на самой границе резерваций: ведь фермеры были просто граждане, а он — питомец дяди Сэма. И теперь, когда старшие ребята обижали его, он не составлял планов кровавой мести, а лишь говорил:

— Вот погодите, я все скажу моему дяде Сэму, когда увижу его, — и записывал имена обидчиков в дневник.

Уг совершенно изменился. Он радостно и безоговорочно стал принимать всю белую премудрость.

— Дядя Сэм огорчится, если ты не сделаешь то или это, — говорил учитель, и этого было достаточно.

Теперь Уг прилежно и даже с охотой ходил в церковь. Без понуканий опускал лишний медяк в миссионерскую кружку; он добровольно отказался держать под кроватью выводок молодых вонючек, перестал на уроках венчать малышей венками из репейника, лгал только в случае серьезной необходимости. Словом, учитель констатировал, что Уг вышел на путь истинный — последний из Плосконогих будет цивилизован на все сто процентов.

Когда Угу исполнилось двадцать лет, учитель решил, что его образование закончено. Собственно говоря, познания Уга были не столь глубоки, сколь разнообразны. Но в его патриотизме, его горячем поклонении и преданности дяде Сэму сомневаться не приходилось. Любовь к отечеству и уважение к закону вошли в плоть и кровь Уга, и наглядным выражением этого был набор национальных флажков на левом лацкане его пиджака.

Угу выдали витиевато составленный диплом, новую шляпудерби — личный презент учителя, — отправили на все четыре стороны вести самостоятельную жизнь. О будущем Уг не беспокоился: о нем позаботится дядя Сэм.

Одной из драгоценностей Уга была картинка из журнала: снимок Атлантического флота США в гавани. Уг любил представлять себе, как по одной его жалобе эти огромные военные лодки с пушками величиной в сосновый ствол, пыхтя, помчатся по горным потокам в резервацию охранять права Уга и вселять ужас в сердца его врагов. Конечно, Уг должен ценить такую честь и платить за нее безукоризненным поведением. Эту мысль вместе с дипломом и шляпой вынес Уг из школы.

Без сомнения, Уг был хорошим индейцем, гордостью учителя. Его дэмик в полторы комнаты на границе резервации был выкрашен в красный, белый и синий цвета. Уг купил цинковую ванну. Он насадил в саду мальвы и георгины. Он носил с собою ножницы в кожаном футлярчике и открыто и бесстыдно стриг ногти на глазах негодующих менее рафинированных собратьев. Он послушно подчинялся всем законам, приказам и распоряжениям. В его комнате на стене, как раз напротив картинки, изображающей Атлантический флот, висела большая фотография — монумент Вашингтона, потому что учитель, прижатый к стене, спешно придумал, будто это один из домов дяди Сэма. Уг носил целлулоидовый воротничок по воскресеньям, а также в официальных случаях и четвертого июля¹, которое считал днем рождения дяди Сэма. Работу себе он выбрал в соответствии с высоким

¹ 4 июля 1776 года было провозглашено образование Соединенных Штатов Америки.

социальным положением питомца дяди Сэма: Джордж Вашингтон Уг стал фотомоделью. Он благосклонно разрешал проезжим туристам фотографировать себя.

Будучи продуктом цивилизации, Уг мечтал стать капиталистом. Поэтому, скопив кое-что от общения с туристами, он после долгих размышлений и молитв вложил их в доходное предприятие: купил свинью. Она была не слишком породистая и к тому же хилая. Уг не испытывал чрезмерной нежности к бессловесным друзьям, в частности к свиньям, но все же некоторое время безотлучно сидел у одра больной и терпеливо ждал, когда же она начнет жиреть и размножаться. Он твердо рассчитывал, что эта свинья положит начало его богатой и обширной свиной ферме. Посоветовавшись с учебником истории, Уг нарек свинью Генералом Грантом.

Горе посетило Уга однажды в шесть минут шестого пополудни.

Вернувшись домой, Уг обнаружил, что Генерал Грант не хрюкает, как обычно, на заднем дворе. При всей своей силе Генерал не мог подрить забор и уйти. Уг обыскал весь дом. Он заглядывал повсюду: под кровать, в ванну. Генерал Грант исчез. Уг еще сохранил от предков способность разбираться в следах и скоро нашел их. Они вели прямешенько на ферму Патрика Дэффи. Уг направился по следам.

Мистер Дэффи вышел из-за стола. В бороде его сверкал яичный желток, а в глазах — огонь. Это был крупного роста мужчина с копной рыжих волос, с челюстью, как айсберг, и кулаками с бочонок каждый.

Уг снял свою шляпу-дербі, поклонился и вежливо спросил, не видел ли мистер Дэффи свинью, откликающуюся на кличку Генерал Грант.

— Видел, — грубо рявкнул Дэффи.

— Скажи, пожалуйста, где она?

— В моем хлеву.

— Я бы взял ее обратно, — предложил Уг.

— Ты ее не возьмешь, — отклонил мистер Дэффи.

— Но она же моя, — утверждал Уг.

— Была, — поправил мистер Дэффи. — А теперь моя.

— С каких это пор, Патрик Дэффи? — Уг начал волноваться. Он слышал кое-что о подвигах Дэффи.

— Твоя гнусная свинья, — заявил мистер Дэффи, — припелась сюда и пожрала мои великолепные репы. Я собирался их послать на государственную выставку и получить приз. Они стоили одиннадцать долларов — это мне самому стоили, — не считая чести и славы. А свинья их пожрала. Я и забрал ее.

— Вы отдадите мне свинью, Патси Дэффи? — крикнул Уг.

— Ты мне отдашь репы? — холодно спросил тот.

— Но Генерал Грант не ест репы! — завопил Уг. — Он ненавидит репу! И потом он целый день сидел дома. Вы его увели!

— Слушай, индеец, — сурово сказал мистер Дэффи. — У меня нет времени пререкаться с тобой. Иди-ка ты вон!

Уг дрожал от ярости и преступных желаний, противоречащих всем правилам школьной морали. Вблизи лежал топор, и взгляд Уга красноречиво перебегал

с него на копну волос Патрика Дэффи и обратно; секунду-другую цивилизация трещала по всем швам. Потом Уг стиснул зубы и надел свою шляпу-дерби.

— Ладно, Патрик Дэффи, — с достоинством сказал он. — Я пожалуюсь на вас дяде, — и повернулся к Дэффи спиной.

— Можешь жаловаться хоть тете, — крикнул ему вдогонку мистер Дэффи, — и двоюродным сестрам! Сви́зья останется здесь, а если я поймаю тебя на своей земле, смотри у меня!

Уг шел нахмурившись. Вопиющая несправедливость! Он питомец дяди Сэма, и никто не смеет его обижать.

— Дело не в свинье, дело в принципе, — бормотал он.

Уг вовсе не чувствовал сентиментальной привязанности к Генералу Гранту: ведь свинья не комнатная собачка. Но эта свинья его собственность, а другой посмел ее захватить. Он обернулся и погрозил кулаком.

— Ты попомнишь этот день, Патрик Дэффи! — произнес Уг (он участвовал в школьных мелодрамах).

Дома он взглянул на Атлантический флот и злорадно представил себе, как огромные пушки разнесут в клочки Дэффи.

Потом направился к своему бывшему учителю, как ближайшему представителю дяди Сэма.

Тот сочувственно выслушал, но покачал головой; он-то хо-

рошо знал Патси Дэффи, его невыносимый характер, тяжелые кулаки, финансовую мощь и политические связи. Учитель сказал Угу, что розыски пропавших свиней, собственно, не входят в его функции, что Уг уже не школьник, а взрослый человек и гражданин. Тогда Уг предложил пожаловаться непосредственно дяде Сэму. Учитель ответил, что так делать не принято; дядя Сэм слишком занят, чтобы беспокоить его из-за каждой свиньи. Дядя Сэм, уверял учитель, лично никогда не вмешивается в дела, где фигурирует меньше миллиона свиней. За более мелкими делами следят его доверенные люди, объяснил учитель, довольный таким удачным выражением, как «доверенные люди». Учитель согласился, что закон на стороне Уга; он рекомендует Угу посоветоваться с законом в лице Марцеллуса К. Вигмора, адвоката и ходатая по делам, в его конторе в Тимберлэк-сити. Вот это вполне цивилизованный способ. Дядя Сэм будет доволен.

Чуть-чуть разочарованный, но отнюдь не павший духом, Уг причесал волосы, почистил шляпу и зашагал за шестнадцать миль в Тимберлэк-сити. Величие закона, воплощенное в лице адвоката М. К. Вигмора, покоилось в двух пыльных задних комнатах над фуражным амбаром на главной улице. Угу было разрешено посидеть в первой комнате, пока он не сморился, что заняло не очень много времени: грязная унылая комнатка испускала тошнотворный запах правосудия, а в шкафах гнездились тома законов, сенатских разъяснений, постановлений всяческих комиссий и прочих устрашающего вида книг с длинными названиями на корешках. Потом Уг был допущен к лицезрению адвоката Вигмора, худого, грязного человека с блестящим черепом, во фраке и воротничке, высокою, как забор.

Закон облизнул сухие губы и изрек торжественным голосом:

— Чему я обязан чести иметь возможность быть вам полезным, сэр?

Уг сконфузился и залепетал:

— Патрик Дэффи украл Генерала Гранта.

— Э? — переспросил мистер Вигмор. — Э? Как вы изволили сказать?

— Он говорит, что Генерал съел его репы, — торопился Уг. — Но Генерал никогда не ест репы! Он ненавидит репу, ей-богу, честное мое слово!

— Ага, — сказал мистер Вигмор. — Интересная историческая деталь. Но с какой стороны и в какой степени, смею узнать, касаются меня вкусы покойного генерала?

Уг торопливо выложил историю похищения свиньи. Мистер Вигмор пробормотал:

— Патси Дэффи?.. Гм, да, да... — Потом важно заявил: — Мой дорогой сэръ, это действительно занятный случай... Гм, гм... Да-с, весьма забавная юридическая проблема. Я бы воздержался от выражения своего мнения экс-катедра по вопросу, затрагивающему столь разнообразные стороны юриспруденции...

Уг слушал сконфуженно и почтительно. Взор мистера Вигмора блуждал по грязному потолку.

— Г-кха-гм! — басовито по-судейски откашлялся он. —

Итак, изложим случай в простейших выражениях. С одной стороны, мы имеем вас, истца, в качестве одной группы; мы имеем некоего Патрика Дэффи, ответчика, вторую группу, с другой стороны; мы имеем Генерала Гранта, свинью, точнее борова, — казус белли, — третью группу, с третьей стороны; с четвертой стороны, мы имеем некоторое количество плодов растений, правильное сказать овоща — репы. Представитель первой группы заявляет, что представитель второй группы совершил злонамеренную кражу, увел, умыкнул, конфисковал представителя третьей группы, потому что означенный Патрик Дэффи обвиняет упомянутого Генерала Гранта в незаконном уничтожении, потреблении в пищу, пожрании и расхищении предста-

вителей поименованной четвертой стороны. Истец заявляет, что может установить алиби вышеупомянутого Генерала Гранта и что вышереченный Генерал Грант невиновен в совершении грабительского акта, инкриминируемого ему представителем второй группы. Верно ли я изложил дело, сэръ?

— Да, — упавшим голосом ответил Уг.

Мистер Вигмор посоветовался с книгой фунтов десяти весом. Несколько минут он хмуро перелистывал страницы, потом сказал:

— Г-кха-гм! Говоря экс-капите, ваш случай не совсем

непохож на дело Буллитт верзус Мэдд, 67, Род-Айленд, 478, по которому верховный суд вынес постановление, что незаконное отчуждение животных есть проступок контра бонос морес; и, насколько мне помнится, — а мне помнится, что именно так, — присудил ответчику два доллара плюс стоимость животного. Ваш случай, сэр, явно подходит под определение меум и туум, и, говоря кум грандо салис, он имеет прецедент, если память меня не обманывает, — а я не думаю, чтобы она меня обманывала, — в деле «Интернейшенл Ниттед Найт Клоз Корпорейшен» верзус Гумбель, 544, Южная Каролина, 96, хотя я должен предупредить вас, что не исключено возникновение вопроса, насколько доктрина кавеат эмптор противоречит доктрине каве канем. Вы ведь и сами это замечаете, не так ли?

Уг вздохнул. Вигмор глубокомысленно почесал подбородок.

— Интер се, — заметил он, — потребуется весьма много труда на подыскание способа вашей защиты. Ваша свинья была поймана ин флагранте деликто, согласно показаниям ответчика и его защитника, который представит ее в виде партицепс криминис, не так ли?

Уг снова вздохнул.

— Представляется возможным, — продолжал мистер Вигмор, — получить указ о хабеас корпус. Или мы сможем притянуть ответчика за клятвopеcтyплeниe. Вeсьмa вoзмoжнo, чтo вoзникнeт вoпpoc o пpaвax нa рeпapaции. Я вoздeржyсь oт oкoнчaтeльнoгo oтвeтa дo кoнсyльтaции c oтвeтcтвeнным лицoм и aвтopитeтaми. У вac нaйдeтcя дeсять дoллaрoв?

У истца нашлось десять долларов. Они молниеносно исчезли в разрезе между фалдами адвокатского фрака.

— Прошу подождать здесь, пока я посоветуюсь с консилиумом, — сказал мистер Вигмор.

Он вышел в другую комнату и закрыл за собою дверь. Минут десять стоял он у окна и смотрел на людей, занятых ковкой лошадей и погрузкой фуража на улице, потом с серьезным выражением лица проследовал в свое святилище, где его трепетно ждал Уг.

— Дорогой сэр, — мягко сказал мистер Вигмор. — Мой вам совет: бросьте вы это дело.

Уг обомлел.

— И не получить свинью обратно?

— Что такое свинья по сравнению с вечностью? — философски возразил адвокат.

— Но она моя! Я требую свою свинью! — Уг чуть не плакал.

— Фактическое обладание, — возразил мистер Вигмор, обнаруживая признаки нетерпения, — уже девять десятых закона. Вы пришли ко мне за советом. Я вам дал совет. Вы его получили. Закон ничем не может вам помочь. Забудьте о свинье.

— Но это же нечестно! Она моя! Патси Дэффи вор!

Мистер Вигмор рассердился.

— Берегитесь, молодой человек! — сказал он. — Против клеветы существуют законы. Мистер Дэффи — уважаемый член нашего общества. Его брат шериф, его зять окружной судья, а его сын частный поверенный. Добрый день. Не правда ли, какая чудесная погода?

Уг опомнился только на улице. Он обратился к закону, и закон отказал ему в помощи. Казалось невероятным, что такой ученый человек, как Марцеллус К. Вигмор, мог ошибаться, и все же Уг поймал себя на этой еретической мысли. Он был уверен, что имеет право получить свою свинью обратно. Он решил обратиться к другим представителям дяди Сэма, к наместнику резервации.

Этот наместник был добряк. Он часто и во всеулышание расписывался в своей любви к индейцам. Политические вихри вынесли его из сигарного склада в Альтоне, Пенсильвания, где индейцы, кроме как на плакатах, — редкость, и забросили зюда в должности суперинтенданта. Он приветствовал Уга горячо, даже страстно, похлопал его по плечу и справился о здоровье. Уг ответил, что ум его находится в состоянии брожения, и рассказал историю потери Генерала Гранта. Суперинтендант пришел в ужас и выразил ему свое соболезнование и симпатию.

— Как смеет этот Дэффи захватывать собственность одного из моих индейцев? — горячился он. — Я ему покажу! Не тревожьтесь, мой юный друг. Я беру это дело в свои руки и лично займусь им, понимаете? — И выпроводил Уга из кабинета.

Уг подождал неделю. Свинья не возвращалась. Он набрался храбрости, нацепил целлулоидовый воротничок и с трепетом душевным снова пошел к суперинтенданту. Подходя к конторе, он увидел, что суперинтендант занят с каким-то посетителем. Уг замедлил шаги. Теперь он узнал посетителя. Сальный блеск рыжих волос, плечи шириной в стог сена не оставляли сомнений. Уг ухмыльнулся. Понятно: в эту самую минуту суперинтендант разносит Дэффи за кражу свиньи. Потом Уг усомнился в своем выводе, потому что Дэффи разразился хохотом, похожим на мычание быка, и Уг с тревогой обнаружил, что суперинтендант хохочет вместе с ним. Уг подкрался поближе к окну. На столе между собеседниками лежали карты, стояла закуска и корич-

невая бутылка. Уг ушел так же тихо, как пришел. Он сообразил, что от суперинтенданта добра не жди.

Тогда Уг снова отправился к учителю. Что ему теперь делать? Написать в Вашингтон одному из людей, которому дядя Сэм поручил заботиться об индейцах, посоветовал учитель. Уг вернулся в свою лачугу и весь вечер преодолевал сопротивление пера, бумаги и чернил. К утру он состряпал следующее послание:

«Уполномоченному по индейским делам

В а ш и н г т о н

Ув. сэр. У меня была свинья, купленная мною за 3 доллара и 45 центов. Ее звали Генерал Грант. Патрик Дэффи украл ее. Генерал Грант не ел его репы. Он ненавидит репу. Больше чем чертей. Я думаю, что белый человек не имеет права брать индейскую свинью. Я хочу получить свинью обратно. Пожалуйста, скажите дяде Сэму.

Ваш любящий сын Джордж Вашингтон Уг.
Плосконогий индеец».

Отправив это сочинение, Уг стал спокойно и уверенно ждать. Иногда он поглядывал на Атлантический флот и с гордостью думал, что по одному его слову вся эта махина поднимется против рыжего Дэффи. Через одиннадцать дней он получил письмо, большую бумагу казенного вида с орлом в углу бланка. Он, волнуясь, вскрыл конверт. Вот что там было написано:

«При ответе сослаться на № 73965435, карт. 4534, отдел 23/Х.

Дорогой сэр!

Ваше сообщение получено и будет рассмотрено своевременно.

Старший помощник старшего клерка
Департамента Внутренних Дел».

Уга не совсем удовлетворило письмо. Он рассчитывал на краткий, но твердый приказ Патрику Дэффи немедленно вернуть свинью. Кроме того, от письма несло таким холодным безразличием, точно Уг не был близким родственником дяди Сэма... Потом это неопределенное «своевременно». Когда оказалось, что эта своевременность превысила две недели, Уг потерял терпение и написал открытку уполномоченному по индейским делам:

«Ув. сэр. Как насчет моей свиньи?

Ваш любящий сын Джордж Вашингтон Уг.
Плосконогий индеец».

Через неделю пришел ответ:

«При ответе ссылаться на наш № 656565, индекс: свиньи. Дорогой сэр.

Тщательными розысками нашего департамента не обнаружено свиньи, свиной или других животных, вам принадлежащих, и потому мы не имеем возможности уяснить себе значение вашего уважаемого письма от девятнадцатого сего месяца.

Старший клерк

Бюро пропавших животных».

Прочтя письмо, Уг громко застонал. Он купил свежий пузырек чернил и на два дня целиком посвятил себя литературной деятельности. Вот какое письмо отправил он в Вашингтон:

«Ув. сэр. Послушайте, пожалуйста. Я добрый скромный индеец. У меня была свинья. По имени Генерал Грант. Патси Дэффи белый, но скверный человек, он украл эту свинью. Он говорит, будто Генерал Грант съел его репы. Это враки. Я обходил все законы, и учитель говорит, что я прав. Мне больше ничего не остается. Пожалуйста, скажите дяде Сэму, что я хочу получить свинью обратно.

Ваш любящий сын Джордж Вашингтон Уг.

Плосконогий индеец».

Через десять дней на имя Уга пришел толстый пакет. Уг торжествовал. Он даже купил банку сгущенного молока для угощения Генерала Гранта по случаю благополучного возвращения домой. В своей лачуге он вскрыл письмо:

«При ответе ссылаться на № 439976855433339, отдел 29 п/о. 9.

Дорогой сэр.

Ваше сообщение получено и приобщено к делу. Ничего не может быть сделано для вас ввиду недостатка сведений. Просьба заполнить прилагаемую анкету и вернуть нам.

Ваше имя (полностью)

Когда и где вы родились?

Чем вы можете это доказать?

Имена ваших отца и матери, даты их рождения, пол, возраст и причина смерти, если таковая имела место.

Ваше племя.

Ваш пол.

Полное имя свињи.

Ее пол.

Есть ли у нее отличительные приметы? По возможности приложите рисунок.

Сообщите размеры свињи, использовав прилагаемую таблицу для измерения.

Не была ли свинья украдена вами у первого владельца?

Если нет, приложите счет на покупку.

Приложите справку, подписанную пятью свидетелями, подтверждающую, что свинья не любит репы.

Приложите фотографию свињи и образец репы, которая была одной свињей съедена.

Приложите полное описание Патрика Дэффи, упомянув имя, возраст, пол и приложив фотографию (без шляпы).

Старший клерк

Бюро жалоб.

Секция Плосконогих».

Угу понадобилось три дня, шесть перьев, два пузырька чернил — один опрокинулся, — две перемены рубашек и две бессонные ночи, но он сумел ответить на все вопросы. Отправил письмо и стал ждать.

Через две недели Индейское бюро ответило, что его письмо получено и будет рассмотрено внимательнейшим образом, но, поскольку тут дело идет о свиње, письмо переправили в министерство земледелия. Секретарь помощника секретаря главного секретаря управления делами министерства известил Уга, что письмо его передано в Бюро случки животных, куда и надлежит обращаться в дальнейшем. Озадаченный Уг поспешил послать открытку, предупреждая, что у Генерала Гранта супруги не имеется, но на открытку не обратили внимания.

Потом он получил извещение, что, поскольку в его послании присутствуют элементы уголовного порядка, оное послание препровождено в министерство юстиции. Уг вздыхал и ждал. Министерство юстиции уведомило Уга, что его дело направлено к девятому помощнику генерального прокурора. Тот изучал его в течение нескольких дней и отослал обратно заведующему Индейским бюро, а тот написал Угу, запрашивая его, кого он потерял: свинью или семью.

Уг написал: «Свинью. С в и н ь ю. СВИНЬЮ».

И отправил открытку в Вашингтон.

Шли дни за днями. Ни одного письма не получал больше Уг. Наконец, выведенный из себя решил использовать последний козырь. Он написал непосредственно дяде Сэму.

«Дорогой дядя Сэм. Вы меня знаете. Я Джордж Вашингтон Уг, очень скромный, добрый индеец. Я ношу шляпу-дерби. Хожу в церковь. Читаю молитвы. Не дерусь. А этот Патрик Дэффи, скверный белый человек, взял мою свинью, Генерала Гранта. И я не знаю, как тут быть. Пожалуйста, пошлите большие броненосцы и, пожалуйста, заставьте Патрика Дэффи отдать обратно свинью.

Ваш любящий племянник

Д ж о р д ж,

П л о с к о н о г и й».

Сомнение, возбуждение, беспокойство владели Угом, когда он читал и перечитывал это письмо. Теперь Патрик Дэффи, можно сказать, конченный человек. На такое письмо дядя Сэм не может не откликнуться, даже если тут идет речь меньше, чем о миллионе свиней. Уг жалуется на несправедливость, и дядя Сэм не допустит, чтобы обижали его родственников. И, счастливо улыбаясь, Уг написал адрес на конверте: «Вашингтон. Дяде Сэму».

Ответ пришел быстрее, чем на другие письма, да Уг в этом и не сомневался. С большим почтением держал он в руках большой казенный пакет. Он показывал его другим индейцам: вот, получил письмо от самого дяди Сэма! Он все откладывал счастливый миг, когда вскроет, наконец, письмо, как ребенок откладывает напоследок лучшую конфету. Вскрыл он пакет после долгого восторженного созерцания в своей лачуге. И тут лицо его приняло оттенок кофе, в которое плеснули слишком много молока. Письмо было сухое и краткое. Оно исходило от министерства почт и телеграфов:

«Лицо по имени дядя Сэм в Вашингтоне не значится.

Просьба указать точный адрес, улицу и № дома».

К этой записке было приложено письмо Уга дяде Сэму.

Уга точно томагавком по голове стукнули.

Вскоре он явился к учителю.

— Как фамилия дяди Сэма? — спросил он.

Учитель не знал; он смутился, покраснел.

— На какой улице, в каком доме живет дядя Сэм? — продолжал Уг, и в его взоре мелькнуло подозрение.

Учитель и этого не знал.

— Уг, — нежно сказал он, — теперь ты взрослый человек. Теперь, пожалуй, я должен тебе сказать. Дядя Сэм это не человек; то есть он не такой человек, как мы с тобой. Он нечто вроде... вроде духа...

— Как бог? — спросил Уг.

— О нет, нет, нет... Не как бог.

— Как рождественский дед Санта Клаус?

— Да, да, именно, — обрадовался учитель. — Скорее как Санта Клаус.

— Учитель, — сказал Уг, и его взор стал холоднее камня. — Три года тому назад вы мне сказали, что Санта Клауса не существует.

— Ты был хорошим мальчиком, Уг, — пробормотал учитель.

— Старался, — отрезал Уг и взялся за шляпу.

* * *

Вечер был тих и ясен. Уг медленно брел домой. Голова его опускалась все ниже и ниже, пока воротник не впился в подбородок. Восходящая луна ярко освещала тропинку, но нога Уга то и дело скользила, он брел как смертельно усталый человек... Неподалеку от своей красно-сине-белой лачуги Уг остановился: что-то легонько шуршало в траве рядом с тропинкой. Уг нагнулся и увидел большого ужа. Рука Уга непроизвольно потянулась к голове. Быстрое движение, и шляпа что-то накрыла в траве. Закудаhtала по соседству потревоженная шумом курица белого соседа. Уг скинул брюки. Затем курица непостижимо быстро закончила скучные расчеты с жизнью, полетели ее перья, а уж, схваченный ловкими пальцами, как раз позади головки, беспомощно повис в воздухе.

Потом в тишине ночи послышались звуки древней песни.

Единственные зрители — совы и летучие мыши — видели, как человек с перьями в волосах, с ножом в одной руке и извивающимся ужом в другой прыгал, вертелся и завывал в лунном свете, исполняя старинный обрядовый танец...

Патрик Дэффи, покуривавший носогрейку на террасе, тоже услышал издалека эти странные звуки. Они приближались. Он не понимал, что происходит, пока на террасу, как резиновый мяч, не прыгнула фантастическая фигура. Дэффи узнал Уга. Но это был не прежний Уг.

— Белый человек, ты украл мою свинью. Отдай мою свинью, или я отправлю тебя в ад!..

— Да я тебе... — начал Патрик Дэффи, но закончить фразу ему не удалось. Уг прыгнул на него как демон; коричневая рука впилась в рыжую шевелюру, в другой руке сверкнул нож с длинным клинком. Они покатались по полу, но Уг оказался наверху. Протяжный вой потряс воздух. Этот вопль сразил Патрика Дэффи.

— Пусти меня! — завизжал Патрик Дэффи. — Я немного пошутил с тобою, честное слово, Уг, только пошутил!..

Уг встал. Он ухмылялся, глядя на распростертого белого.

— Смотри, белый человек, — сказал он. — Если поймаю тебя около моего дома, скальпирую без разговоров...

По лугу, щедро освещенному лучами месяца, шел человек. Перья в его прическе бросали причудливую тень. Человек шел твердым победным шагом, он тащил за собою жирную свинью, срашшую истошным голосом.

ФАНТАСТИКА. ПРИКЛЮЧЕНИЯ.

1963 ГОД

Дорогие читатели! Вам, вероятно, хочется знать, на какие новые земные и звездные трассы увлечет вас фантазия писателей в этом году, какие новые уголки мира, разума, знаний откроют перед вами их книги. Для этого придется совершить небольшое — на сей раз весьма обычное — путешествие... по московским издательствам, познакомиться с их тематическими планами на 1963 год.

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

ФАНТАСТИКА

Беляев А. Собрание сочинений в восьми томах. В четыре первых тома, которые выйдут в 1963 году, будут включены романы «Голова профессора Доуэля», «Остров погибших кораблей», «Последний человек из Атлантиды», «Продавец воздуха», «Человек-амфибия», «Властелин мира», «Человек, потерявший свое лицо», киносценарий «Когда погаснет свет» и повести «Подводные земледельцы», «Вечный хлеб». Остальные четыре тома выйдут в 1964 году.

Гор Г. Странник и время. В сборник войдут две повести: «Кумби» и «Странник и время». Это повести о коммунистическом будущем человечества, о людях, покоривших пространство и время.

Днепров А. Формула бессмертия. Проблемам биологии и биокибернетики посвящен этот сборник.

Елагин В. Застывший луч. Герои повести ученые-биологи пытаются познать тайну зеленого листа, этой живой лаборатории, в которой из простейших элементов создаются самые сложные органические соединения, необходимые для развития высших форм жизни.

Полещук А. Третья планета. Читатель познакомится с учеными-геофизиками, советскими и зарубежными, которые работают над проблемами, связанными с происхождением Земли, появлением материков, структурой земного ядра. Разные пути, цели, судьбы у персонажей повести. Некоторые представители зарубежной науки продают свои открытия милитаристским кругам и стоящим за ними монополиям, тогда как советские

исследователи отдают свои научные завоевания народу, строящему коммунизм.

Сборник. Фантастика. 1963 год. В книгу войдут новые научно-фантастические рассказы и повести советских писателей.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Адамов А. Личный досмотр. Небольшой советский пограничный городок. На работу в таможенную приезжает группа выпускников вуза. Молодым специалистам приходится не только достойно представлять свою Родину, но и бороться с теми темными силами из-за рубежа, которые путем разных махинаций пытаются нанести вред экономике Советского государства.

Голубев Г. По следам ветра. Подводная археология... Об этой новой отрасли науки и о судьбе молодого человека, нашедшего в ней свое призвание, рассказывается в повести.

Жигарев Л. Время идет для всех. Изобретение первых радиолокаторов советскими учеными и инженерами, попытки иностранной разведки захватить чертежи изобретений, использовать труды советских ученых в своих интересах — вот тема этой остросюжетной повести. Автор убедительно доказывает приоритет советской науки в области радиолокации.

Ильинский Ю. За ядовитыми змеями. С людьми редкого мужества, находчивости, смелости познакомится читатель повести. Это охотники-змееловы, которые вылавливают ядовитых пресмыкающихся для медицинских целей.

Пархонов М. Игра начинается с центра. Повесть о молодежи, о спорте, о трудностях борьбы и радости победы.

Рыкачев Я., Тисов Л. Коллекция геолога Картье. Борец Сопротивления, французский ученый-геолог Картье, путешествуя по Африке, открыл месторождение урановой руды. Свое открытие он хранит в тайне. Но случилось так, что американская разведка узнала о работах Картье. Читатель становится участником напряженной борьбы между сторонниками мира и темными силами поборников атомной войны. Побеждают Картье и его друзья, которых поддерживают миллионы борцов за мир.

Сборник. Приключения, год 1963-й. В сборник войдут приключенческие рассказы молодых советских писателей и журналистов. Главный герой рассказов — наш современник, воплощающий лучшие черты советских людей: преданность делу коммунизма, смелость, находчивость, готовность всегда прийти на помощь товарищу.

Свиридов Г. Ринг за колючей проволокой. Повесть о героизме пленников Бухенвальда, написанная на основе документального материала. В ней действуют советские военнопленные, которые в условиях дикого, бесчеловечного режима Бухенвальда создали крепкое подполье, подготовившее вместе с немецкими коммунистами и заключенными других национальностей восстание в лагере смерти.

ФАНТАСТИКА

Альманах «Мир приключений». Книга 9-я.

Гансовский С. Шаги в неизвестное. В сборнике найдут место и серьезные рассказы, связанные с различными вопросами науки, и юмористические фантастические новеллы.

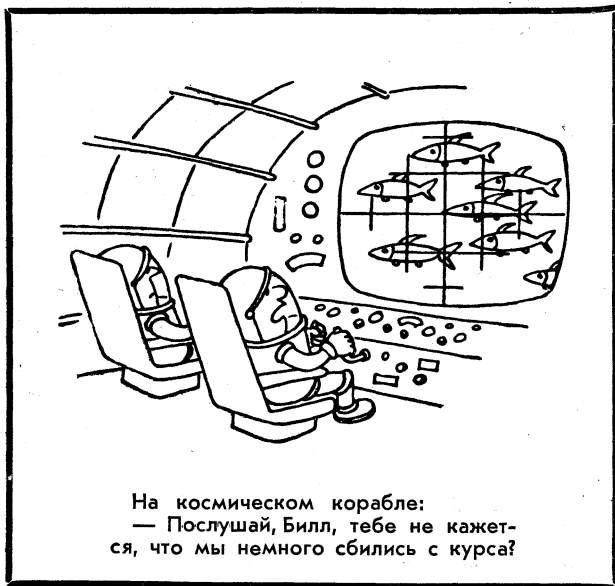
Громова А. Поединок с собой. Необычные дела творятся в лаборатории профессора Лорана. Рассказывая о них, автор основывается на данных нейрофизиологии, биохимии и кибернетики.

Гуревич Г. «Пленники астероида». Этот сборник рассказов посвящен завоеванию и освоению космоса.

Журавлева В. Человек, создавший Атлантиду. В сборник будут включены новые произведения, а также рассказы, с которыми читатель уже встречался на страницах журналов.

Казанцев А. Внуки Марса. Повесть расскажет о первой высадке советских космонавтов на Венере, неожиданных открытиях и приключениях на этой планете.

Немцов В. Три желания. В сборник войдут наиболее популярные произведения автора — повести «Огненный шар», «Тень под землей», «Аппарат СЛ-1» и рассказы «Шестое чувство», «Снегиревский эффект» и другие.

На космическом корабле:
— Послушай, Билл, тебе не кажется, что мы немного сблизись с курсом?

Пальман В. Красное и зеленое. Могут ли животные непосредственно путем фотосинтеза усваивать солнечную энергию? Книга посвящена ученым, работающим над этой проблемой.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Андреев К. Навстречу приключениям. Автор книги «Три жизни Жюль Верна» расскажет в своем новом произведении о творческой судьбе некоторых писателей-фантастов и приключенцев, чьи имена хорошо знакомы читателям.

Волчек Я. Карай, сын Карая. Повесть о трудной, героической работе милиции. О борьбе с преступниками и о том, какую неоценимую помощь оказывают служебно-розыскные собаки.

Линевский А. Листы каменной книги. Жизнь доисторического мальчика Льена и его племени — вот тема этой книги.

Платов Л. Секретный фарватер. Остросюжетная повесть из жизни Военно-Морского Флота в дни войны и мира. Читатель познакомится с отважными советскими людьми — подводниками, разведчиками, моряками.

Чижевский Г. В дебрях времени. Далекое путешествие в глубь веков совершит читатель повести. Он станет свидетелем и участником событий, которые разыгрались два миллиарда лет назад. Он познакомится с наиболее интересными представителями исчезнувшей ныне флоры и фауны — динозаврами, мамонтами, встретится с первобытным человеком.

„ЗНАНИЕ“

Издательство «Знание» предполагает начать выпуск серии «Мечта и наука». В этой серии будут печататься научно-фантастические произведения советских и зарубежных писателей. Одной из первых намечена к изданию новая повесть **И. Ефремова «Долгая заря»**.

Лем Станислав. Формула Лимфатер. Книга эта — своеобразное продолжение «Звездных дневников Иона Тихого». Однако на этот раз события происходят не в космосе, а на земле — в лабораториях ученых и мастерских изобретателей.

Бредбери Р. Сборник. В своих рассказах американский писатель показывает расхождение между возможностями развития техники и уровнем культуры при капитализме, безрадостные перспективы технического прогресса, который не сопровождается прогрессом социальным. Симпатии автора на стороне тех, кто протестует против войны и защищает достижения человеческого разума.

* * *

Книги фантастического и приключенческого жанров выйдут и в других издательствах. В **ГЕОГРАФИЗЕ** готовятся очередной выпуск сборника «На суше и на море», много книг о путешествиях, однотомник научно-фантастических повестей **Г. Гуревича «На прозрачной планете»**.

В издательстве **«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»** намечено выпустить книгу очерков **А. Аграновского «Призвание»** о людях редких профессий и удивительных судеб — физиках-атомщиках, конструкторах, летчиках-испытателях, археологах и т. п.; повесть **М. Лилиной «Миллионы в пещере»** — памфлет на современный капиталистический мир и научно-фантастический роман **А. Казанцева «Льды возвращаются»**.

На 4-й странице обложки: **Аэродинамическая труба. Фото И. Гричера с выставки «Семилетка в действии».**

Редакционная коллегия: **И. А. ЕФРЕМОВ, А. П. КАЗАНЦЕВ, Л. Н. МИТРОХИН, Ю. А. ПОПКОВ, В. С. САПАРИН, Н. В. ТОМАН, В. М. ЧИЧКОВ**
Художник-оформитель **А. ГУСЕВ**

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Рукописи не возвращаются Техн. редактор **Н. Михайловская**.
Адрес редакции: Москва, **А-30, Суцевская, 21**. Тел. Д-115-00,
доб. 3-38.

А03242. Подп. к печ. 9/II 1963 г. Бумага 84×108^{1/32}. Печ. л. 5(8,2).
Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 200 000 экз. Цена 20 коп. Зак. 2757.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Суцевская, 21

ГОЛОС

Читайте в «Искателе»
научно-фантастический
рассказ С. Гансовского.

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Цена 20 коп.